

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nâsti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

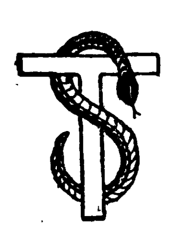
---

7 ноября.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1911

№ 11.

Спб. Городская Типографія, Садовая, 55, уголъ Вознесенскаго.

От Редакціи журнала „Вѣстникъ Теософіи“.

По независящимъ отъ Редакціи обстоятельствамъ изданіе „Тайной Доктрины“ Е. П. Блаватской **откладывается.** Лица, подписавшіяся на „Тайную Доктрину“ и желающія немедленно получить подписныя деньги, благоволятъ сообщить Редакціи свои точные адреса.

Въ виду недостатка краткихъ популярныхъ руководствъ по основнымъ вопросамъ Теософіи, намѣченъ къ изданію рядъ брошюръ, излагающихъ въ сжатой, общедоступной формѣ основныя положенія Теософіи. Въ настоящее время вышли изъ печати двѣ первыя брошюры: № 1. „Человѣкъ и его видимый и невидимый составъ“ и № 2. „Законъ причинъ и послѣдствій“ (Карма). Слѣдующія брошюры выйдутъ въ ближайшемъ времени.

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала, Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ.**

Заявленія о неполученіи очередного № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

„Вѣстникъ Теософіи“ за 1909 и 1910 года имѣется для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. **Цѣна** съ пересылкой по **7** рублей за каждый годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА КНИГУ:

„АВТОБІОГРАФІЯ"

Анни Безантъ,

съ портретомъ. Переводъ *А. Каменской. (Alba).*

Содержаніе: Дѣтство и юность А. Безантъ. — Воспитаніе ея.—Бракъ и тяжелыя разочарованія.—Буря сомнѣній и страстное исканіе. — Общество свободомыслящихъ и атеизмъ.—За общественной работой.—Борьба за свободу слова.—У. Брэдлау и его борьба въ Парламентѣ.—Проблема зла и рѣшеніе ея въ свѣтѣ соціализма.—Новыя исканія.— Задачи новой психологіи и Теософія. — Черезъ бурю къ миру.

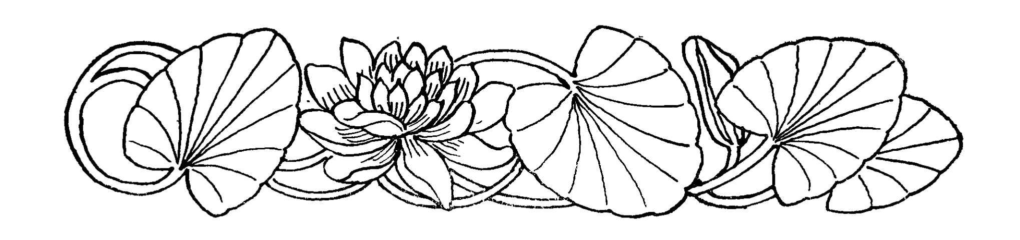
Цѣна по подпискѣ 1 руб. 20 к., по выходѣ въ свѣтъ цѣна будетъ повышена.

СОДЕРЖАНІЕ

ноябрьской книжки „Вѣстника Теософіи“.

СТРАН.

SOMMAIRE DU № NOVEMBRE 1911.

Сила мысли.

А. Безантъ.

(*Продолженіе* *).

Глава V.

Память. О природѣ памяти.

Когда связь между удовольствіемъ и извѣстнымъ предметомъ установлена, пробуждается опредѣленное желаніе достигнуть этого предмета вновь и такимъ образомъ повторить удовольствіе. И наоборотъ, когда установлена связь между страданіемъ и извѣстнымъ предметомъ, — пробуждается опредѣленное желаніе избѣгнуть этого предмета, слѣдовательно избѣгнуть и повторенія страданія. Въ отвѣтъ на новое возбужденіе, ментальное тѣло легко воспроизводитъ образъ того же предмета, потому что, слѣдуя общему закону, по которому энергія направляется по линіямъ наименьшаго сопротивленія, матерія ментальнаго тѣла легко облекается въ ту форму, которую она принимала чаще всего. Эта наклонность повторять подъ дѣйствіемъ новой энергіи прежнія вибраціи вытекаетъ изъ тамасическаго свойства матеріи, изъ ея инерціи и составляетъ зародышъ памяти. Молекулы матеріи, сгруппированныя вмѣстѣ, медленно распадаются подъ дѣйствіемъ другихъ энергій, но въ теченіе довольно продолжительнаго времени въ нихъ сохраняется склонность къ возобновленію своихъ взаимныхъ отношеній. Если этимъ молекуламъ дать толчокъ подобный тому, который сгруппировалъ ихъ раньше, онѣ быстро примутъ свое прежнее положеніе. Далѣе, если Познающій вибрировалъ какимъ-либо опредѣленнымъ образомъ, эта „вибраціонная сила“ остается въ немъ и, когда появляется предметъ, доставляв-

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ 1911 г., № 10, стр. 9.

шій удовольствіе или страданіе, желаніе обладать этимъ предметомъ, или избѣжать его, освобождаетъ упомянутую силу, толкаетъ ее—если можно такъ сказать—наружу, и такимъ образомъ вызываетъ необходимое возбужденіе въ ментальномъ тѣлѣ.

Образъ, воспроизведенный такимъ путемъ, узнается Познающимъ, и въ первомъ случаѣ—влеченіе, вызванное удовольствіемъ, заставляетъ его воспроизвести и образъ этого удовольствія. А во второмъ случаѣ—отвращеніе къ испытанному страданію вызываетъ и образъ этого страданія. Предметъ и удовольствіе или предметъ и страданіе сливаются въ опытѣ вмѣстѣ, и если произвести рядъ вибрацій, вызывающихъ образъ предмета, въ такомъ случаѣ одновременно возникаетъ и рядъ вибрацій, выражающихъ удовольствіе или страданіе, и тѣ же чувства возникаютъ даже и при отсутствіи самого предмета. Это и есть память въ ея простѣйшей формѣ: самопроизвольная вибрація тождественнаго характера съ той, которая вызвала чувство удовольствія или страданія, снова вызываетъ то же самое чувство. Эти вновь возникающіе образы не такъ сильны, и потому для не вполнѣ развитого Познающаго менѣе ярки и живы чѣмъ тѣ, которые были созданы соприкосновеніемъ съ внѣшнимъ предметомъ; въ послѣднемъ случаѣ болѣе сильныя физическія вибраціи сообщаютъ и большую энергію ментальнымъ образамъ и образамъ желанія; но въ основѣ своей вибраціи эти тождественны, и память есть воспроизведеніе въ ментальной матеріи тѣхъ предметовъ, съ которыми Познающій уже находился въ соприкосновеніи. Это отраженіе можетъ быть—и бываетъ—многократно возобновляемо, все въ болѣе и болѣе тонкой матеріи, независимо отъ какого бы то ни было отдѣльнаго Познающаго, и эти отраженія, взятыя въ общемъ, образуютъ извѣстную часть содержанія памяти Логоса, Господа Вселенной. Эти образы образовъ достижимы для каждаго отдѣльнаго Познающаго, поскольку онъ развилъ въ себѣ вышеупомянутую „вибраціонную силу". Какъ при безпроволочномъ телеграфѣ рядъ вибрацій, образующихъ посылаемую передачу, можетъ быть воспринятъ любымъ подходящимъ пріемникомъ,—т. е. каждымъ пріемникомъ, способнымъ воспроизвести тѣ же вибраціи,—такъ и скрытая вибраціонная сила Познающаго можетъ быть приведена въ дѣйствіе аналогичной вибраціей, исходящей изъ этихъ космическихъ образовъ. Эти образы на планѣ Акаши составляютъ „лѣтопись Акаши", о которой часто говорится въ теософической литературѣ, и они сохраняются на протяженіи всей жизни данной планетной системы.

Слабая память.

Чтобы ясно понять, что лежитъ въ корнѣ „слабой памяти", мы должны, прежде всего, изслѣдовать умственные процессы, изъ которыхъ возникаетъ то, что называется памятью. Хотя во многихъ сочиненіяхъ по психологіи говорится о памяти, какъ объ умственной способности, но на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни одной способности, которой можно было бы дать это наименованіе. Устойчивость умственнаго образа зависитъ не отъ какой-либо особой способности, но отъ общаго *качества* ума. Слабый умъ слабъ и въ устойчивости, какъ и во всемъ остальномъ, и, подобно веществу слишкомъ жидкому, чтобы удержать форму, въ которую оно было отлито, быстро теряетъ принятую форму. Если ментальное тѣло мало организовано и представляетъ изъ себя неплотное соединеніе молекулъ ментальной матеріи, облакообразную массу, слабо сцѣпленную между собой, то, конечно, память будетъ очень слабой. Но это—слабость общая, она присуща всему уму, вслѣдствіе общей невысокой ступени его развитія.

Когда ментальное тѣло уже сорганизовано и силы Дживы уже дѣйствуютъ въ немъ, мы все еще часто встрѣчаемся съ тѣмъ, что называется „слабой памятью". Но если мы внимательно изслѣдуемъ такую слабую память, мы увидимъ, что она слаба не для всего, что нѣкоторыя вещи запоминаются ею хорошо и удерживаются безъ всякаго усилія. Если мы разберемъ, что это за вещи, то окажется, что это тѣ предметы, которыми умъ нашъ былъ особенно заинтересованъ, слѣдовательно, что очень нравится, то и не забывается. Одна дама очень жаловалась на свою слабую память, когда вопросъ касался ея занятій, но она обладала очень хорошей памятью, если дѣло касалось туалета, который ей нравился. Ея ментальное тѣло не представляло собой какого-либо недостатка, и когда она наблюдала вещи тщательно и внимательно, создавался ясный умственный образъ, и образъ этотъ обладалъ совершенно удовлетворительной устойчивостью. Здѣсь мы имѣемъ ключъ къ разумѣнію того, что такое „слабая память".

Она происходитъ отъ отсутствія вниманія, отъ отсутствія точности въ наблюденіи, а слѣдовательно отъ неясности мысли. Неясная мысль, это—смутное впечатлѣніе, происходящее вслѣдствіе небрежнаго наблюденія и отсутствія вниманія, тогда какъ ясная мысль это—рѣзко очерченное впечатлѣніе, обязанное сосредоточенному вниманію и старательному точному наблюденію. Тѣ

предметы, которымъ мы мало оказываемъ вниманія, не запоминаются, но мы хорошо запоминаемъ то, что насъ живо интересуетъ.

Какъ же слѣдуетъ обращаться со „слабой памятью?"

Надо прежде всего разобрать, по отношенію къ какимъ вещамъ она оказывается слабой, и какія вещи запоминаются ею хорошо, и тогда можно будетъ опредѣлить ея общую способность усвоенія. Затѣмъ надо изслѣдовать, въ отношеніи какихъ вещей память оказалась слабой: стоятъ ли онѣ того, чтобы ихъ запоминать, или это вещи, которыя насъ не интересуютъ. Если мы найдемъ, что онѣ представляютъ для насъ мало интереса, но сами по себѣ заслуживаютъ вниманія, въ такомъ случаѣ, мы должны бы сказать себѣ: „Я буду обращать на нихъ вниманіе, буду тщательно наблюдать ихъ и думать о нихъ внимательно и настойчиво". И поступая такъ, мы замѣтимъ, что наша память улучшилась. Потому что—какъ мы уже сказали—память зависитъ отъ вниманія, отъ точнаго наблюденія и отъ ясной мысли. Чтобы сосредоточить вниманіе, надо имѣть интересъ къ предмету, а если онъ отсутствуетъ, то его должна замѣнить воля.

И вотъ здѣсь возникаетъ совершенно опредѣленное и широко распространенное затрудненіе. Какимъ образомъ „воля" можетъ замѣнить интересъ къ предмету? Что заставляетъ дѣйствовать волю? Привлекательность возбуждаетъ желаніе, а желаніе заставляетъ насъ двигаться къ привлекательному предмету. Но въ приведенномъ случаѣ желаніе отсутствуетъ. Какимъ же образомъ воля можетъ возмѣстить это отсутствіе желанія? Воля есть сила, за которой слѣдуетъ дѣйствіе, когда ея направленіе опредѣлено сознательнымъ разумомъ, а не вліяніемъ внѣшнихъ привлекательныхъ предметовъ. Если побужденіе къ дѣйствію, то, что я часто называла „исходящей энергіей нашего Я", является подъ вліяніемъ внѣшнихъ предметовъ, если оно *вызывается* ими, то мы называемъ такое побужденіе желаніемъ. Если же оно является подъ вліяніемъ Чистаго Разума, если оно *посылается* имъ, тогда мы называемъ его волею. Что въ этомъ случаѣ,—при отсутствіи привлекательности извнѣ—необходимо, это—свѣтъ изнутри, и побужденіе для воли должно получиться вслѣдствіе умственнаго обслѣдованія даннаго положенія и вслѣдствіе сознанія, что цѣлью всякаго усилія должно быть благо, а не привлекательность. То, что Разумомъ избрано, какъ предметъ наиболѣе содѣйствующій благу „Я",—и будетъ служить побудительной причиной для воли. И разъ это рѣшительнымъ образомъ уже было сдѣлано, тогда

даже въ моменты утомленія и слабости, одно воспоминаніе о томъ ходѣ мыслей, который послужилъ мотивомъ къ усилію,—послужитъ снова возбудителемъ для воли. Такой предметъ, сознательно избранный, можетъ сдѣлаться и привлекательнымъ, т. е. предметомъ желанія, если въ воображеніи представить всѣ его хорошія качества, всѣ благія послѣдствія, слѣдующія за его обладаніемъ. А такъ какъ тотъ, кто хочетъ обладать предметомъ, долженъ обладать и средствами для его достиженія, то мы дѣлаемся способными превозмочь естественное отвращеніе отъ напрягающаго усилія и трудной дисциплины упражненіемъ сознательно направленной воли. Въ данномъ случаѣ, установивъ, что извѣстные предметы въ высшей степени желательны, такъ какъ они ведутъ къ благу, — мы заставляемъ нашу волю выполнять тотъ родъ дѣятельности, который способствуетъ ихъ достиженію.

Для развитія способности наблюденія, непродолжительное, но ежедневное упражненіе гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ большое усиліе, сопровождаемое періодами бездѣйствія. Мы должны задавать себѣ ежедневно маленькую задачу: разсмотрѣть внимательно какую-нибудь вещь, представить ее въ умѣ *во всѣхъ подробностяхъ* и сосредоточить на ней въ продолженіи нѣкотораго времени нашъ умъ такъ же, какъ сосредоточивается на какомъ-нибудь предметѣ нашъ физическій глазъ. На слѣдующій день мы должны вызвать тотъ же образъ, воспроизводя его насколько возможно точно, и, сравнивая его съ оригиналомъ, замѣтить всѣ неточности нашего мысле-образа. Если мы ежедневно посвятимъ пять минутъ такому упражненію и будемъ попеременно наблюдать данный предметъ и представлять его же въ умѣ, или воспроизводить тотъ образъ, который мы наблюдали наканунѣ и сравнивать его съ оригиналомъ,—мы быстро улучшимъ нашу память и, вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно разовьемъ наши силы наблюденія, вниманія, воображенія и сосредоточенія. Словомъ, мы разовьемъ наше ментальное тѣло гораздо скорѣе и успѣшнѣе, чѣмъ это сдѣлала бы природа безъ нашего содѣйствія. Всѣ безъ исключенія, пробовавшіе дѣлать подобныя упражненія, замѣчали на себѣ ихъ благіе результаты, которые выражались въ томъ, что ихъ умственныя способности увеличивались и гораздо больше подчинялись контролю воли.

Искусственные способы улучшенія памяти состоятъ въ томъ, чтобы представить уму предметы въ привлекательной формѣ или чтобы соединить съ такой формой тѣ предметы, которые должны быть удержаны въ памяти. Люди, обладающіе живымъ воображе-

ніемъ, могутъ помочь своей дурной памяти, создавъ картину и внеся въ нея тѣ предметы, которые они хотятъ запомнить. Воспроизведеніе этой картины повлечетъ за собою и появленіе предмета, который нужно было запомнить. Тѣ же, у кого преобладаютъ слуховыя способности, запоминаютъ легче всего благодаря звучности стиха, и рифмуя рядъ чиселъ или другіе мало привлекающіе ихъ предметы, они тѣмъ самымъ запечатлѣваютъ ихъ въ умѣ. Но методъ, описанный выше, гораздо дѣйствительнѣе и примѣненіе его организуетъ ментальное тѣло быстрѣе и дѣлаетъ его строеніе болѣе правильнымъ.

Память и предвидѣніе.

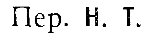
Возвратимся къ нашему еще неразвитому Познающему.

Когда память начинаетъ дѣйствовать, быстро возникаетъ и предвидѣніе, потому что предвидѣніе есть ни что иное, какъ память, отброшенная впередъ. Когда память вызываетъ переживаніе ранѣе испытаннаго удовольствія, мы проникаемся желаніемъ вновь овладѣть предметомъ, доставлявшимъ намъ удовольствіе, и если это вызванное памятью переживаніе связывается съ ожиданіемъ снова найти желанный предметъ и насладиться имъ, въ такомъ случаѣ получается предвидѣніе. Образъ предмета и образъ удовольствія Познающій созерцаетъ во взаимной связи одно съ другимъ; если же къ этому созерцанію онъ прибавитъ время, прошлое и будущее,- такое созерцаніе является подъ двумя видами: какъ память,—когда оно связано съ идеей прошлаго, и—какъ предвидѣніе, когда оно связано съ идеей будущаго.

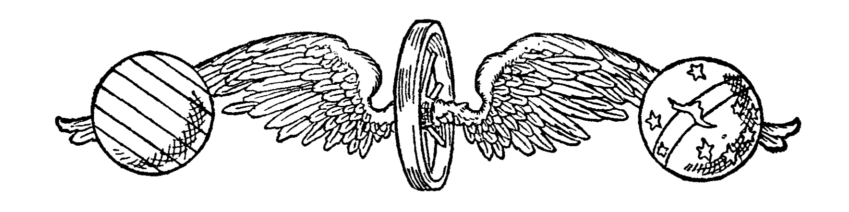
По мѣрѣ того, какъ мы изучаемъ эти образы, мы начинаемъ понимать все значеніе афоризма Патанджали, по которому для достиженія Іоги человѣкъ долженъ остановить „видоизмѣненія мыслящаго начала“. Съ точки зрѣнія оккультной науки, каждое соприкосновеніе съ „Не-Я“ измѣняетъ ментальное тѣло. Часть вещества, изъ котораго состоитъ это тѣло, распредѣляется по новому, образуя копію созерцаемаго внѣшняго предмета. Когда устанавливается связь между этими отображеніями, тогда возникаетъ мышленіе, если процессъ разсматривается со стороны формы. Параллельно съ этимъ происходятъ вибраціи внутри самого Познающаго, и эти видоизмѣненія внутри его самого составляютъ мышленіе, если процессъ разсматривается со стороны жизни. Не надо забывать, что установленіе этихъ отношеній есть особая работа Познающаго, его дополненіе къ этимъ образамъ, и что

это дополненіе видоизмѣняетъ образы предметовъ въ мысли. Картины въ ментальномъ тѣлѣ очень похожи по своему характеру на отпечатки, производимые на чувствительной пластинкѣ эфирными волнами, находящимися внѣ свѣтового спектра и дѣйствующими химически на окиси серебра такъ, чтобы расположеніе матеріи на пластинкѣ измѣнилось соотвѣтственно очертаніямъ предметовъ, изображеніе которыхъ отражается на ней. Такимъ же образомъ на чувствительной пластинкѣ, которую мы называемъ ментальнымъ тѣломъ, частицы вещества располагаются въ изображенія тѣхъ предметовъ, съ которыми ментальное тѣло приходило въ соприкосновеніе. Познающій воспринимаетъ эти образы посредствомъ своихъ собственныхъ отвѣтныхъ вибрацій, изучаетъ ихъ и черезъ нѣкоторое время начинаетъ соединять и видоизмѣнять ихъ тѣми вибраціями, которыя онъ, въ свою очередь, изъ себя направляетъ на нихъ. Въ силу уже извѣстнаго намъ закона, эта энергія слѣдуетъ по линіи наименьшаго сопротивленія: пока Познающій ограничивается воспроизведеніемъ тѣхъ же самыхъ образовъ, пока онъ создаетъ образы образовъ, добавляя при этомъ только одинъ элементъ времени,—мы имѣемъ дѣло, какъ уже сказано, съ памятью и предвидѣніемъ.

Слѣдовательно, конкретная мысль есть лишь повтореніе въ болѣе тонкой матеріи ежедневныхъ опытовъ, съ той только разницей, что Познающій можетъ остановить и измѣнить ихъ порядокъ, повторить, ускорить или замедлить ихъ по своей волѣ. Онъ можетъ сосредоточиться на какомъ-нибудь образѣ, углубиться въ него, остановить на немъ свое вниманіе и можетъ, изслѣдуя его не спѣша, замѣтить въ немъ многое, что ускользнуло отъ него въ первый разъ, когда онъ былъ связанъ съ вѣчно тревожнымъ, вѣчно спѣшащимъ колесомъ времени. Въ предѣлахъ своего собственнаго царства онъ можетъ останавливать или ускорять время по своему желанію, какъ дѣлаетъ это Логосъ относительно своихъ міровъ; но того, что составляетъ сущность времени, послѣдовательности, онъ не можетъ избѣжать, пока не достигъ сознанія Логоса, не освободился отъ путъ матеріи, да и тогда это будетъ доступно для него только въ предѣлахъ нашей міровой системы.

Пер. Н. Т.

О человѣческой аурѣ.

Д-ра Штейнера.

(*Продолженіе* *).

Понять человѣческую ауру можно въ томъ случаѣ, если разсмотрѣть всю суть человѣка. Какъ физическое тѣло, человѣкъ состоитъ изъ тѣхъ же веществъ, которыя встрѣчаются и въ минеральномъ царствѣ. И въ немъ дѣйствуютъ тѣ же силы, которыя дѣйствуютъ и въ этомъ царствѣ. Кислородъ, который усваивается человѣкомъ посредствомъ процесса дыханія, тотъ же самый, который находится и въ воздухѣ, и въ жидкихъ, и въ твердыхъ частяхъ земли. Тоже самое относится и къ веществамъ, которыя человѣкъ воспринимаетъ въ своей пищѣ. Эти вещества и эти силы можно изслѣдовать въ человѣкѣ, такъ же, какъ ихъ изслѣдуютъ въ другихъ тѣлахъ физической природы. И когда человѣкъ разсматривается съ *этой* точки зрѣнія, онъ является ни чѣмъ инымъ, какъ членомъ минеральнаго міра.

Далѣе человѣка можно разсматривать, поскольку онъ является живымъ существомъ. Въ этомъ живомъ существѣ можно прослѣдить, какимъ образомъ матерія и силы минеральнаго царства слагаются въ организмъ, расчлененный, растущій и размножающійся, съ отдѣльными частями, дѣйствующими въ общей соединенной работѣ. Этотъ видъ бытія человѣкъ раздѣляетъ со всѣмъ, что *живетъ*. При этомъ можетъ возникнуть вопросъ: благодаря чему живетъ то или другое существо? Одно изъ направленій современного естественно-научнаго теченія даетъ на этотъ вопросъ такой отвѣтъ: дѣйствіе минеральныхъ веществъ и силъ въ живомъ организмѣ совершенно тождественно съ дѣйствіемъ ихъ въ

---

*) См. „Вѣстникъ Теософіи", 1911 г., № 10. стр. 15.

неорганической природѣ, только гораздо сложнѣе. Съ точки зрѣнія этой научной школы, живой организмъ познается въ томъ случаѣ, если изучены будутъ сложные физическіе и химическіе процессы, совершающіеся внутри организма. Это воззрѣніе оспариваетъ необходимость особыхъ причинъ, чтобы превратить минеральныя вещества и силы въ жизненные процессы внутри организма.

Въ девятнадцатомъ столѣтіи возникла живая борьба противъ представителей особой „жизненной силы", а между тѣмъ ясное мышленіе могло бы упразднить этотъ споръ. Ибо настолько же не подлежитъ оспариванію, что человѣкъ узналъ часы, когда ему вполнѣ выяснился механизмъ всѣхъ отдѣльныхъ часовыхъ частей, настолько же не вызоветъ никакого протеста у ясно мыслящаго представителя „жизненной силы" заявленіе о томъ, что съ *естественно-научной* точки зрѣнія организмъ вполнѣ понятенъ, когда знаешь дѣйствія его составныхъ веществъ и силъ. Но развѣ при такомъ воззрѣніи возможно оспаривать, что механически вполнѣ понятные часы не могли бы возникнуть безъ часового мастера? Кто способенъ различать между пониманіемъ организма, какъ физическаго явленія, и между *условіями его возникновенія*, для того несомнѣнно, что это пониманіе также мало объясняетъ причину органической жизни, какъ существованіе часового мастера не можетъ быть объяснено механическимъ пониманіемъ часовъ. И совершенно такъ же, какъ для механика, объясняющаго существованіе часовъ, совершенно не нужно касаться часового мастера, такъ же и для изслѣдованія чисто физической области совсѣмъ не необходимо брать въ соображеніе особые источники жизни. Но для каждаго, глубже вникающаго въ сущность явленія, должно быть понятно, что для *осуществленія* физическаго организма недостаточно того, что дѣлаетъ его физически понятнымъ. Вотъ почему глубже думающіе люди говорятъ объ „источникахъ жизни".

Жизнь есть нѣчто большее, чѣмъ физическіе процессы организма. Нѣчто неуловимое для физическихъ глазъ и для того мышленія, которое ограничивается чувственными явленіями. Жизнь есть предметъ *иного* воспріятія, также какъ часовыхъ дѣлъ мастеръ, и части часового механизма требуютъ различныхъ воспріятій. Чтобы причины жизни, не подлежащія физическому изслѣдованію, раскрылись передъ нами, для этого необходимо разсматривать организмъ „духовнымъ зрѣніемъ". При такомъ разсматриваніи, обладающіе духовнымъ зрѣніемъ, считаютъ естественнымъ строителемъ организма *прану* или „жизненную силу". Для нихъ жизненная сила не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ они воспринимаютъ ее. И все,

что говорится противъ жизненной силы, представляется имъ борьбою съ вѣтреными мельницами. Въ смыслѣ *такого* изслѣдованія, вторымъ членомъ человѣческой сущности—рядомъ съ физическоминеральнымъ тѣломъ—является прана или жизненная сила.

Ощущеніе есть нѣчто превышающее простую жизнь. Жизнь строитъ организмъ существа, но черезъ ощущеніе раскрывается для него внѣшній міръ. Когда я говорю: я живу, я выражаю этимъ нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ когда я говорю: я ощущаю окружающій меня міръ красокъ. Чтобы стать существомъ ощущающимъ, организмъ долженъ придать своимъ органамъ такія свойства, которыя выходятъ за предѣлы жизнеспособности и способности размноженія. Ту часть, которая дѣлаетъ организмъ ощущающимъ, обладающій „духовнымъ зрѣніемъ“ изслѣдователь называетъ „тѣломъ ощущенія“ или, по терминологіи теософовъ, *астральнымъ тѣломъ*. Названіе „астральный“ или „звѣздный“ происходитъ оттого, что сверхчувственно видимое тѣло это обладаетъ способностью свѣтиться, которую можно сравнить съ звѣзднымъ свѣченіемъ. Рядомъ съ физическимъ тѣломъ и праной „тѣло ощущенія“ является третьимъ членомъ человѣческой сути. Внутри этого тѣла совершается обособленная жизнь человѣка. Она выражается въ пріятныхъ и непріятныхъ ощущеніяхъ, въ радости и горѣ, въ склонности и отвращеніи, и т. д. Не безъ основанія обозначается все, входящее сюда, какъ *жизнь* живого существа.

Звѣздное небо находится внѣ человѣка, въ пространствѣ. И живой человѣческій организмъ принадлежитъ тому же пространству. Этотъ организмъ, помощью своихъ ощущающихъ проводниковъ, соприкасается съ звѣзднымъ небомъ. Радость и чувство удивленія при видѣ звѣзднаго неба человѣкъ переживаетъ въ самомъ себѣ. Онъ вмѣщаетъ это небо въ себѣ, когда оно давно уже удалилось изъ поля его ощущающихъ глазъ. То, что человѣкъ при этомъ противопоставляетъ—какъ самого себя—внѣшнему міру, то, что живетъ въ себѣ самомъ, и есть его *душа*. Въ виду того, что душа усваиваетъ себѣ ощущенія, превращая все идущее извнѣ, въ свою собственную обособленную жизнь,—будемъ называть ее „ощущающей душой“. Эта „ощущающая душа“ какъ бы заполняетъ „тѣло ощущенія“; все, что послѣдняя воспринимаетъ извнѣ, она превращаетъ во внутреннее переживаніе. Такимъ образомъ составляетъ она, вмѣстѣ съ „тѣломъ ощущенія“, нѣчто цѣлое и благодаря этому она носитъ въ теософическихъ книгахъ общее названіе „астральнаго тѣла“. Но при основательномъ пониманіи обѣ

части должны быть ясно различаемы. И въ аурѣ обѣ части различаются въ той степени, въ какой каждый цвѣтовой оттѣнокъ астральнаго тѣла находится подъ двумя вліяніями. Одно зависитъ отъ того, какъ построены органы человѣка, а другое отъ того, какимъ образомъ его душа отвѣчаетъ на внѣшнія впечатлѣнія. Человѣкъ можетъ обладать хорошимъ или дурнымъ зрѣніемъ, и соотвѣтственно этому возникаетъ образъ, который глазъ его восприметъ отъ внѣшняго предмета. Въ то же время онъ можетъ быть душевно или тоньше, или грубѣе, и соотвѣтственно этому будетъ то чувство, которое воспринятый образъ вызоветъ внутри его.

Но человѣкъ не останавливается на впечатлѣніяхъ, которыя онъ получаетъ извнѣ и на тѣхъ чувствахъ, которыя въ немъ возникаютъ благодаря этимъ впечатлѣніямъ. Онъ соединяетъ эти впечатлѣнія. Благодаря этому, въ его душѣ образуются связныя картины того, что онъ воспринимаетъ. Человѣкъ видитъ падающій камень; затѣмъ онъ видитъ, что на мѣстѣ, гдѣ упалъ этотъ камень, въ землѣ образовалось углубленіе. Оба эти впечатлѣнія онъ соединяетъ въ одно. Онъ говоритъ: камень сдѣлалъ въ землѣ углубленіе. Въ этомъ соединеніи проявляется мышленіе. Внутри „ощущающей души“ начинаетъ жить мыслящая, „разумѣющая душа“. Только благодаря послѣдней изъ всего того, что душа извлекаетъ извнѣ, возникаетъ приведенное ею въ порядокъ отображеніе внѣшняго міра. Душа постоянно производитъ это упорядоченіе своихъ внѣшнихъ впечатлѣній. И то, что она такимъ образомъ производитъ, есть обусловленное ея природою *описаніе* того, что она воспринимаетъ. Что описаніе это обусловлено *ея* природой, выясняется немедленно, когда такое описаніе сравнивается съ тѣмъ, *что* описывается. Два человѣка могутъ имѣть передъ собой одинъ и тотъ же предметъ, но описанія ихъ будутъ различны въ зависимости отъ внутреннихъ свойствъ души описывающихъ. Они связываютъ и распредѣляютъ свои впечатлѣнія различнымъ образомъ.

Благодаря этому „описательному“ мышленію, человѣкъ выходитъ изъ предѣловъ своего собственнаго бытія. Онъ пріобрѣтаетъ нѣчто, что наполняетъ его душу извнѣ. Для него совершенно очевидно, что его описанія предметовъ состоятъ съ этими предметами въ опредѣленномъ отношеніи. Онъ находитъ свои пути въ мірѣ, благодаря тому, что думаетъ о немъ. И онъ переживаетъ, вслѣдствіи этого, извѣстное соотвѣтствіе своей отдѣльной жизни съ порядкомъ міровой жизни. „Разумѣющая душа“ создаетъ, благодаря этому, созвучіе между душою и міромъ.

Въ своей душѣ отыскиваетъ человѣкъ истину; и черезъ эту истину выражается не только сама душа, но и всѣ вещи внѣшняго міра. То, что мышленіе признаетъ за истину, имѣетъ самостоятельное значеніе и не только для одной человѣческой души. Мой восторгъ передъ звѣзднымъ небомъ живетъ во мнѣ одномъ; но мысли, которыя возникаютъ во мнѣ относительно движенія небесныхъ тѣлъ, имѣютъ для мышленія всѣхъ остальныхъ людей такое же значеніе, какъ и для моего собственнаго. Было бы безсмысленно говорить о *моемъ* восторгѣ, когда я перестану существовать; совсѣмъ другое дѣло говорить о моихъ мысляхъ; о нихъ можно говорить безъ всякаго отношенія ко мнѣ самому. Ибо истина, которую я мыслю сегодня, была такою же истиной вчера и такою же останется и завтра, хотя бы я думалъ о ней только сегодня. Если какое-нибудь познаніе доставляетъ мнѣ радость, радость эта имѣетъ значеніе только до тѣхъ поръ, пока я ее переживаю; но *истина* этого познаванія сохраняетъ свое значеніе совершенно независимо отъ моей радости. Въ соединеніи съ истиной, душа схватываетъ нѣчто, что несетъ свою цѣнность въ себѣ самомъ. И эта цѣнность не исчезаетъ вмѣстѣ съ личнымъ душевнымъ переживаніемъ, какъ она и не возникаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Есть существенная разница между *описаніями*, при которыхъ разумѣющая душа отдается только связыванію и распредѣленію воспринятыхъ впечатлѣній и между *мыслями*, при которыхъ она подчиняется законамъ истины. И лишь та мысль, которая получаетъ сверхличное значеніе тѣмъ, что она проникнута законами истины, можетъ разсматриваться какъ *знаніе.* И когда истина начинаетъ проникать своимъ свѣтомъ въ „разумѣющую душу“, послѣдняя становится „сознательной душой“. И точно также, какъ въ тѣлѣ различаются три члена: физическое тѣло, носитель жизни и тѣло ощущеній (астральное), такъ и въ душѣ различаются ощущающая, разумѣющая и сознающая душа.

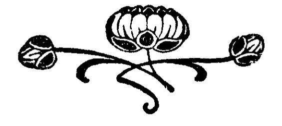
Эти три члена души помогутъ намъ понять трехчленную ауру человѣка. Ибо эти три члена дѣлаютъ понятнымъ, что внутренняя жизнь человѣка подвергается вліяніямъ съ двухъ сторонъ. Какъ „ощущающая душа“ эта внутренняя жизнь находится въ зависимости отъ „тѣла ощущенія“ (астральнаго тѣла). Совмѣстное дѣйствіе „ощущающей души“ и „тѣла ощущенія“ выражается въ первой изъ трехъ описанныхъ ауръ. Связывающая „разумѣющая душа“, переживанія которой подчиняются ея собственной природѣ, получаетъ свое выраженіе во второй аурѣ; тогда какъ „сознающая душа“ получаетъ свое сверхчувственно видимое выраженіе въ третьей, наиболѣе свѣтящейся аурѣ.

Но, чтобы понять природу этихъ трехъ ауръ, необходимо имѣть въ виду одинъ фактъ, который, правильно понятый, даетъ впервые настоящее пониманіе истинной сути человѣка. Въ теченіе первыхъ лѣтъ жизни возникаетъ моментъ, когда человѣкъ впервые чувствуетъ себя самостоятельнымъ существомъ, противуполагающимъ себя всѣму остальному міру. Для тонко чувствующихъ людей это является событіемъ великой важности. Поэтъ Жанъ Поль Рихтеръ разсказываетъ въ своемъ жизнеописаніи: „Никогда не забуду я никому до сихъ поръ неизвѣстное явленіе изъ моей жизни, когда во мнѣ совершалось рожденіе самосознанія; событіе, мѣсто и время котораго я могъ бы указать съ точностью. Однажды утромъ стоялъ я, еще совсѣмъ маленькимъ, подъ наружной дверью дома и смотрѣлъ влѣво на сложенныя дрова, какъ вдругъ внутреннее сознаніе, что я есть Я, проникло въ меня подобно молніи съ неба, и съ тѣхъ поръ свѣтъ этотъ остался во мнѣ: въ этотъ мигъ мое Я познало себя впервые и навсегда. Обмана памяти здѣсь не могло быть, такъ какъ никакихъ постороннихъ разсказовъ не могло примѣшаться къ событію, произошедшему подъ завѣсой святая святыхъ человѣка, и поразительная новизна котораго одна только и могла такъ неизгладимо запечатлѣть упомянутыя будничныя подробности".

Въ самопознаніи человѣка раскрывается то, что его дѣлаетъ самостоятельнымъ существомъ. Вотъ почему самосознаніе должно бросать свѣтъ на всю его внутреннюю жизнь. И лишь исходя изъ самопознанія, возможно вполнѣ понять значеніе тѣла и души человѣка.

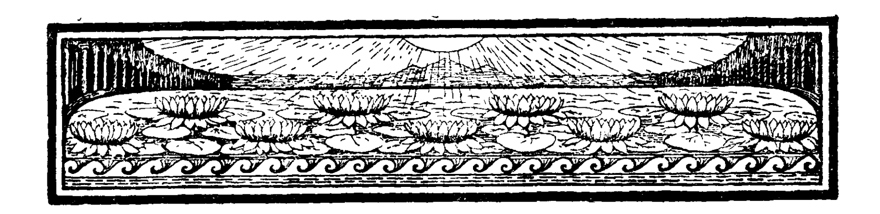
Пер. Е. П.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Совсѣмъ спокоенъ тотъ, у кого нѣтъ желаній.

Лао-Тце.

Іога-Сутра.

Патанджали.

(Переводъ Двиведи—съ санскритскаго; переводъ съ англійскаго С. Татариновой).

*(Окончаніе *).*

Отдѣлъ III.

I. *Созерцаніе—это сосредоточиваніе ума на чемъ-нибудь.*

Описавъ способы очищенія внутренняго „я“ и устраненія разсѣянности, авторъ продолжаетъ указывать настоящій путь къ конечной цѣли—Самадхи. Дхарана или созерцаніе—это сосредоточиваніе ума на чемъ-нибудь внѣшнемъ или внутреннемъ. Конечно необходимо помнить, что для сосредоточиванія на внѣшнемъ или внутреннемъ мы должны выбирать только чистые или священные предметы. Умъ долженъ быть способенъ представить себѣ избранный предметъ, даже не видя его, совершенно ясно при мгновенномъ упоминаніи о немъ.

II. *Единеніе ума съ предметомъ и есть поглощеніе.*

Поглощеніе или дхіана есть полное сосредоточиваніе ума на данномъ предметѣ до полнаго единенія съ нимъ. На время умъ долженъ сознавать только себя и этотъ предметъ.

III. *Если при концентраціи умъ сознаетъ только предметъ, переставъ сознавать себя, то поглощеніе становится трансомъ.*

Поглощеніе, доведенное до той степени, когда забывается самый актъ и происходитъ отождествленіе съ предметомъ мышленія—будетъ трансомъ или Самадхи. Изъ этого сразу видно, что Самадхи заключаетъ въ себѣ два различныхъ состоянія сознанія, слитыхъ въ одно. Первое—и собственно трансъ—состоитъ въ забвеніи всякой мысли объ актѣ, а при второмъ, болѣе важномъ,

---

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ 1911 г. № 10, стр. 23.

сознаніе отождествляется съ предметомъ размышленія. Исключительно пассивный трансъ—опасное упражненіе, такъ какъ оно ведетъ къ сумасшествію или невмѣняемому медіумизму. Поэтому необходимо подчеркнуть второе значеніе Самадхи. Три степени: созерцаніе, поглощеніе и трансъ составляютъ въ сущности лишь степени созерцанія, ибо предметъ мышленія, мыслящій и орудіе мышленія вмѣстѣ съ другими предметами, которые стараются устранить, всѣ теперь заключены въ первомъ; всѣ, кромѣ послѣдняго, заключаются во второмъ, а въ третьемъ нѣтъ ничего, кромѣ объекта размышленія. Трансъ все же не есть полная Іога, это только Савикалпа или сознательное Самадхи, нашедшая себѣ точку опоры.

IV. *Всѣ три вмѣстѣ взятыя составляютъ Саміаму.*

Саміама—это техническій терминъ для трехъ нераздѣльныхъ процессовъ, взятыхъ вмѣстѣ. Когда въ нихъ упражняются послѣдовательно по отношенію къ одному и тому же объекту, это составляетъ Саміаму. Она представляетъ изъ себя путь къ различнымъ оккультнымъ силамъ, такъ же, какъ и къ Нирвикалпѣ (высшаго рода Самадхи), истинной Іогѣ, которая будетъ описана дальше.

V. *Достиженіе ея ведетъ за собой ясность ума.*

Смыслъ этого ясенъ.

VI. *Ее достигаютъ постепенно.*

Ее, т. е. Саміаму, нужно достигать постепенно. Нельзя перейти сразу къ высшему виду Саміамы, какъ нельзя думать о какомъ-нибудь предметѣ, не узнавъ его сперва. Напримѣръ, когда упражняются въ Саміамѣ съ сосредоточиваніемъ на умственномъ образѣ, то процессъ созерцанія долженъ итти отъ болѣе грубаго къ болѣе тонкому. Можно размышлять о предметѣ всесторонне; затѣмъ—о предметѣ безъ украшеній его; о предметѣ безъ нѣкоторыхъ его частей; о предметѣ безъ отношенія къ формѣ его, и наконецъ уже не отдѣляя предмета отъ его „сущности". Упоминаемые здѣсь виды мышленія относятся къ вышеуказаннымъ степенямъ. Но если ихъ примѣнять къ Самадхи, то онѣ могутъ также означать степени, на которыя указывается въ аф. XXVII (отд. II) и въ аф. XVII (отд. I).

VII. *Эти три ближе къ ней (къ Іогѣ) чѣмъ остальныя.*

Остальныя пять вспомогательныхъ средствъ Іоги, описанныя въ отд. II, имѣютъ сравнительно мало отношенія собственно къ Іогѣ. Они служатъ къ ней только вступленіемъ, а Іога въ сущности состоитъ изъ трехъ только что описанныхъ актовъ. Поэтому эти три ближе къ ней, чѣмъ остальныя, и описываются въ особомъ

отдѣлѣ. Первыя пять условій называются внѣшними средствами Іоги, ибо они полезны только для избѣжанія разсѣянія. Послѣднія три называются внутренними и составляютъ настоящую Іогу.

VIII. *Она (Саміама) даже чужда безсознательной Самадхи*).*

Безсознательная или Асампражната—Самадхи есть конечная цѣль или Іога; Саміама же чужда ей, такъ какъ служитъ только подготовительной работой. Истинная Самадхи не зависитъ ни отъ чего и стоитъ отдѣльно.

IX. *Прерывающееся измѣненіе—это измѣненіе ума въ моментъ перерыва: впечатлѣнія отъ разсѣянія и прерыванія проходятъ и возникаютъ одно за другимъ.*

Очень трудно точно передать смыслъ этого и четырехъ или пяти слѣдующихъ афоризмовъ. Вопросъ заключается въ слѣдующемъ. Уму, состоящему изъ трехъ гунъ, свойственно безпрерывное превращеніе, а когда мы говоримъ, что Саміама чужда безсознательной Самадхи, то естественно возникаетъ вопросъ, въ чемъ же заключается умственное измѣненіе въ этомъ состояніи? Краткимъ отвѣтомъ будетъ, что умъ станетъ Ниродхой, слово, которое я перевелъ выраженіемъ „прерываніе", разумѣя прекращеніе всѣхъ превращеній, мыслей и разсѣяній. Тутъ подразумѣваются не тѣ обычныя разсѣянія, которыя описаны въ предыдущихъ отдѣлахъ, а то, которое находится еще и въ состояніи Сампражната или сознательной Самадхи, результатѣ Саміамы. Въ сравненіи съ высшей или безсознательной Самадхи, сознательная является безъ сомнѣнія разсѣяніемъ, ибо тутъ есть нѣчто, во что всецѣло превращается умъ. Въ тотъ моментъ, когда умъ начинаетъ переходить изъ одного состоянія въ другое, возникаютъ два отдѣльныхъ процесса, а именно: медленный, но вѣрный уходъ отъ разсѣивающихъ впечатлѣній, и столь же постепенное, непремѣнное возникновеніе впечатлѣній, вызывающихъ перерывъ. Когда эти послѣднія окончательно возьмутъ верхъ, моментъ прекращенія завершенъ, и умъ, такъ сказать, превращается въ этотъ прерывающій моментъ.

Въ промежуткѣ между этими двумя смѣнами умъ можетъ опуститься и впасть въ то, что именуется *лая*, или состояніе пассивнаго бездѣйствія, которое ведетъ ко всякаго рода несчастнымъ послѣдствіямъ невмѣняемаго медіумизма. Поэтому этотъ переходъ отъ сознательнаго къ, такъ называемому, безсознатель-

---

*) Т. е. такое состояніе духа, для котораго Самадхи естественное переживаніе, не требующее для достиженія никакого сознательнаго усилія.

ному состоянію Самадхи, составляетъ очень трудный и критическій процессъ. Этотъ родъ Самадхи называется Нородхапаринама или измѣненіе ума въ актъ прекращенія. Его называютъ также Дхармапаринама или превращеніе свойства предмета, какъ это будетъ показано въ аф. XIII.

X. *Его теченіе останавливаетъ впечатлѣнія.*

Прекращающіяся впечатлѣнія должны возникать настолько часто, что превращаются въ привычку, ибо только тогда ихъ теченіе станетъ глубокимъ и устойчивымъ и приведетъ къ высшей степени Самадхи. Умъ, такъ сказать, совсѣмъ уничтожается, такъ какъ уже не существуетъ измѣненій его. Длительность такого состоянія и составляетъ все, что требуется.

XI. *Измѣненія транса состоятъ въ послѣдовательныхъ упадкахъ и подъемахъ разсѣянія и сосредоточиванія.*

Выраженія Ksaya и Adaya въ подлинникѣ относятся только къ упадку и подъему, какъ это будетъ объяснено въ аф. XIV. Здѣсь продолжается изложеніе доказательства, приводимаго въ аф. IX, и все сказанное относится къ тому времени, когда достигнута безсознательная Самадхи. Разсѣяніемъ здѣсь называется то, которое выводитъ умъ изъ состоянія безсознательной Самадхи, которое здѣсь обозначается словомъ сосредоточиваніе. Повторяющіяся измѣненія пріобрѣтаютъ извѣстную устойчивость и переходятъ въ безсознательную Самадхи. Поэтому, разъ эта ступень достигнута, отрицательное состояніе становится, такъ сказать, положительнымъ, и возникаетъ сосредоточиваніе *ни на чемъ*, если можно употребить такое парадоксальное выраженіе. Моментъ, когда умъ достигаетъ этой ступени въ своихъ измѣненіяхъ, именуется *лаксанапа—ринама*, какъ мы это увидимъ въ аф. XIII.

XII. *Здѣсь подавленное и ожившее впечатлѣнія равно присутствуютъ въ сознаніи; это состояніе ума и будетъ переходомъ къ единству.*

Этотъ афоризмъ объясняетъ состояніе ума въ моментъ полной безсознательной Самадхи. Умъ не сознаетъ ничего, кромѣ послѣдовательнаго подавленія и воскрешенія (см. аф. XIV) нѣкоторыхъ впечатлѣній, т. е. разсѣянія и прерыванія, соединенныхъ въ одинъ актъ высшаго сознанія. Это называется Авастхапа—ринама. Сперва подверглось превращенію свойство ума; затѣмъ это свойство присоединяется къ извѣстному моменту, когда первое превращеніе созрѣваетъ и выражаетъ истинное состояніе ума. Отсюда ясно видно, почему превращеніе, хотя оно и едино по существу, описывается для удобства анализа въ трехъ видахъ.

XIII. *Превращенія разъясняются этими тремя данными: свойствомъ, характеромъ и состояніемъ.*

Теорія измѣненій ума распространяется на всѣ предметы, ибо не существуетъ ничего, чтобы не состояло изъ одной или двухъ, или всѣхъ трехъ гунъ, которыя постоянно находятся въ состояніи превращенія. Когда измѣняется самое свойство предмета—это называется дхармапаринама. Когда потомъ предметъ съ этимъ видоизмѣненнымъ свойствомъ проявляется во времени прошедшемъ, настоящемъ или будущемъ, тогда это называется измѣненіемъ характера его свойствъ или лаксанапаринама, ибо безъ ограниченія во времени трудно характеризовать или опредѣлить какой бы то ни было предметъ. Когда послѣ этого извѣстное свойство, опредѣленное такимъ образомъ, дойдетъ до полной зрѣлости или упадка, это будетъ уже превращеніемъ его состоянія (авастхапаринама). Отсюда весь міръ состоитъ только изъ предметовъ и ихъ свойствъ, которые позднѣе, путемъ превращеній, производятъ все видимое разнообразіе. Такимъ образомъ, эта философія приводитъ объясненіе міровыхъ явленій согласно съ ученіемъ Санкхіа, а Vijnanabhiksu *) замѣчаетъ, что теорія Майи въ Ведантѣ не противорѣчитъ этому.

Остается объяснить, что такое объектъ или substratum (dharmi); къ этому мы и переходимъ.

XIV. *Substratum есть то, что соотвѣтствуетъ свойствамъ активнымъ, спокойнымъ и не поддающимся описанію.*

Ученіе *ex nihilo nihil fit* этой школой доводится до послѣдняго предѣла, и потому признается, что ничто не можетъ проявить себя въ чемъ-нибудь, если оно ранѣе не заключалось въ немъ. Это проявленіе относится только къ свойствамъ вещей, и нельзя заранѣе предсказать, что произойдетъ изъ чего. Въ сущности все можетъ произойти изъ всего, ибо всякій предметъ потенціально заключается въ основѣ всего, т. е. пракрити. Все это имѣетъ мѣсто, однако, по отношенію къ формѣ, въ которой проявляется предметъ, а эта форма есть ни что иное, какъ комбинація трехъ основныхъ свойствъ. Свойства не могутъ существовать иначе, какъ по отношенію къ какому-нибудь substratum'у, а его, въ свою очередь, нельзя познать иначе, какъ посредствомъ его свойствъ. Свойства уже разъ проявившіяся и перешедшія въ забвеніе, называются спокойными (пребывающими въ покоѣ), ибо

---

*) Авторъ трактата на санскритскомъ языкѣ по Іогѣ *„Iogasara—Sangram"*. Англійскій переводъ *Gangânâtha Sha. Bombey 1894.* *(Прим. перев.).*

они сыграли свою роль и пребываютъ еще здѣсь, чтобы проявиться въ другое время. Тѣ, которыя видимы постоянно, именуются активными, въ то время какъ другія, еще не проявившіяся составляютъ область возможности, не подлежащей описанію. Другими словами, эти возможныя проявленія находятся еще въ скрытомъ состояніи. Изъ этого объясненія легко понять, что основа предмета или substratum соотвѣтствуетъ свойствамъ въ томъ или другомъ изъ трехъ состояній.

XV. *Причиной измѣнчивости формъ является измѣненіе порядка.*

Изъ предыдущаго видно, что въ какой бы формѣ не проявлялось что-либо выражающееся въ явленіяхъ, это есть ни что иное, какъ только послѣдовательность свойствъ въ томъ или другомъ состояніи, описанномъ въ аф. XIII. Міръ со всѣми его явленіями есть только постоянное чередованіе состояній различныхъ свойствъ. Это положеніе не подразумѣваетъ необходимости доктрины буддистовъ или скорѣе Madhyamika,—ученія о моментахъ, по которому не существуетъ ничего, кромѣ непрерывнаго ряда моментовъ, представляющихся сознанію, ибо здѣсь только свойства слѣдуютъ одно за другимъ въ ихъ послѣдовательности, а самъ предметъ остается неизмѣннымъ.

XVI. *Знаніе прошедшаго и будущаго (достигается)—путемъ Саміамы надъ тремя превращеніями.*

Превращенія описаны въ аф. XIII. При совершеніи надъ ними Саміамы, прошедшее и будущее ихъ substratum'а сразу разоблачаются уму.

XVII. *Слово, его значеніе и знаніе смѣшиваются между собой, потому что ихъ принимаютъ одно за другое; поэтому черезъ Саміаму, надъ каждымъ изъ этихъ данныхъ возникаетъ пониманіе значенія звуковъ, производимыхъ любымъ существомъ.*

Всякая философическая школа имѣетъ свою теорію объ отношеніи между словомъ и его значеніемъ, но здѣсь достаточно будетъ указать на то, что Іога принимаетъ, такъ называемое, ученіе о Сфотѣ. Сфота (Sphota) есть нѣчто невыразимое, существующее отдѣльно отъ буквъ, составляющихъ слово, и вмѣстѣ съ тѣмъ неотдѣлимое отъ него, ибо оно *проявляется* *) въ произношеніи слова. Такимъ образомъ, смыслъ фразы раскрывается, такъ сказать, изъ собирательнаго значенія произнесенныхъ словъ. Поэтому вѣчный смыслъ слова всегда отличается отъ буквъ, изъ

*) Откуда и произошло слово *sphota* (то, что открылось).

которыхъ оно состоитъ, а знаніе, которое въ свою очередь доходитъ до нашего ума, также отличается отъ нихъ обоихъ. Смыслъ словъ обыкновенно раздѣляется на четыре вида: предметы, свойства, дѣйствія и отвлеченія (абстракціи); а впечатлѣніе, которое воспринимаетъ наше сознаніе въ моментъ познаванія, и есть обрѣтаемое знаніе. При обычномъ обмѣнѣ мыслей часто случается, что буквы, смыслъ и знаніе до того смѣшаны между собой, что ихъ нельзя отдѣлить одно отъ другого. Поэтому буквы, т. е. звуки, будучи смѣшаны со смысломъ и знаніемъ, не указываютъ намъ точнаго значенія слова, если они напередъ не были намъ знакомы. Однако каждое значеніе существуетъ вѣчно, и также вѣчно соединено съ данными звуками *), и потому одно и то-же значеніе уясняется и раскрываетъ передъ нами всякій разъ, что мы произносимъ это слово. Поэтому, производя Саміаму надъ словомъ, значеніемъ его и знаніемъ, Іогъ можетъ понять смыслъ всѣхъ звуковъ, издаваемыхъ всякимъ живымъ существомъ въ природѣ. Даже музыка природы можетъ быть услышана и радостная нада внутри насъ можетъ быть воспринята и понята.

XVIII. *Черезъ умственное представленіе впечатлѣній достигается знаніе предшествующихъ стадій.*

Произведя Саміаму, которая есть ни что иное, какъ полное умственное представленіе, о которомъ упоминается въ этомъ афоризмѣ, надъ впечатлѣніями, присущими уму съ незапамятныхъ временъ, возникаетъ знаніе той стадіи, къ которой принадлежалъ человѣкъ въ своихъ прежнихъ воплощеніяхъ. Эти впечатлѣнія бываютъ двухъ родовъ: первыя вызываютъ простое воспоминаніе о прежнихъ опытахъ, а вторыя приводятъ къ состояніямъ, описаннымъ въ аф. XIII, отд. II. Къ тому же, такъ какъ условія жизни всякаго существа во всякій моментъ суть только результатъ этихъ скрытыхъ впечатлѣній, только проявляющихъ себя теперь, то можно понять ихъ отношеніе къ прошлому черезъ описанную уже Саміаму.

XIX. *Черезъ Саміаму надъ внѣшними признаками достигается знаніе ума другихъ.*

Когда Іогъ производитъ Саміаму надъ какимъ-нибудь внѣшнимъ признакомъ, каковы: тѣлосложеніе, голосъ и тому подобное, онъ тотчасъ понимаетъ состояніе ума того, кто обладаетъ этими признаками. Такимъ путемъ Іогъ легко можетъ понять умъ всякаго.

---

*) Буквы—это только проводники разныхъ звуковъ, выходящихъ изъ 8-ми частей тѣла, а именно: груди, дыхательнаго горла, корня языка, зубовъ, губъ, нёба, носа и головы. Отсюда и раздѣленіе буквъ на грудныя, и т. д.

XX. *Но не то, что въ немъ заключается, ибо не оно имѣется въ виду.*

Въ предыдущемъ афоризмѣ было сказано, что состояніе ума всякаго существа можетъ быть доступно пониманію. Въ этомъ афоризмѣ утверждается, что можетъ быть понято состояніе ума, но не мысль, которая его занимаетъ, ибо нѣтъ признака, относящагося къ предмету мысли, надъ которымъ непосредственно производилась бы Саміама. Однако, понявъ состояніе ума, Іогъ можетъ произвести Саміаму и надъ предметомъ его занимающимъ, и тогда онъ пойметъ и его.

XXI. *Если сила пониманія будетъ пріостановлена, и связь между глазомъ и свѣтомъ нарушена, то за Саміамой надъ формой тѣла, послѣдуетъ исчезновеніе самого тѣла.*

По этой теоріи зрительное ощущеніе появляется тогда, когда свѣтъ, свойство Саттвы, исходитъ изъ нашего тѣла и соединяется съ органомъ зрѣнія, который въ свою очередь является резервуаромъ подобнаго же свѣта. Поэтому, когда Іогъ производитъ Саміаму надъ формой своего тѣла, т. е. надъ свойствомъ, придающимъ видимость тѣлу, онъ нарушаетъ связь между свѣтомъ своего тѣла и глазомъ познающаго, и отъ этого происходитъ исчезновеніе тѣла. На самомъ дѣлѣ Іогъ направляетъ всю видимость (способность быть видимымъ) въ свое мыслящее начало и такимъ образомъ его тѣло не можетъ быть воспринято. Тоже по отношенію къ другимъ органамъ чувствъ вызываетъ прекращеніе звуковъ, ощущеній *) и пр.

XXII. *Карма бываетъ двухъ родовъ: скрытая и зрѣлая (дѣятельная): черезъ Саміаму надъ ними (возникаетъ) знаніе прекращенія, такъ же, какъ и черезъ предзнаменованія.*

Та Карма, которая даетъ быстрый результатъ и уже готова дать плоды, именуется дѣятельной; та, сила которой находится въ скрытомъ состояніи, называется дремлющей (скрытой). Произведя Саміаму надъ этими двумя видами Кармы, Іогъ узнаетъ время прекращенія своей жизни, т. е. время своей смерти. Онъ видитъ сразу, какая Карма принесетъ какіе плоды, и поэтому тотчасъ узнаетъ при какихъ условіяхъ наступитъ его смерть. Такое же знаніе получаетъ Іогъ и отъ предзнаменованій. Предзнаменованія бываютъ тѣлесныя, небесныя и матеріальныя. Тѣлесныя--это такія, когда, напр., не слышишь праны въ желудкѣ, если заткнешь уши. Небесныя—когда становятся видимыми пред-

---

*) Въ нѣкоторыхъ спискахъ эти части выдѣлены въ особый афоризмъ.

меты, обыкновенно считающіеся невидимыми, напр. небо. Матеріальныя состоятъ въ видѣніи необыкновенныхъ или ужасныхъ существъ, и пр. Эти и подобныя предзнаменованія, каковы: сны, случайное слышаніе особыхъ словъ и пр., показываютъ, выражаясь обыденнымъ языкомъ, откуда вѣтеръ дуетъ. Но только одни Іоги могутъ воспользоваться такими предзнаменованіями, ибо только они одни могутъ дать имъ надлежащее толкованіе.

XXIII. *Саміамой надъ сочувствіемъ и пр.—достигается сила.*

Произведя Саміаму надъ симпатіей и пр., какъ это было описано въ аф. XXXIII отд. I, каждое изъ чувствъ становится до того сильнымъ, что можно достичь желаемаго результата въ каждую данную минуту. Симпатія, состраданіе, снисходительность,— вотъ о чемъ упоминается тутъ, ибо равнодушіе не должно быть предметомъ Саміамы. Кто упражняется въ такой Саміамѣ, не испытываетъ затрудненія снискать расположеніе и дружбу каждаго человѣка во всякую данную минуту.

XXIV. *Надъ силой—(получается) сила слона.*

Произведя Саміаму надъ силами животнаго, Іогъ пріобрѣтаетъ эти силы.

XXV. *Познаніе тонкаго, скрытаго и отдаленнаго—(достигается) черезъ созерцаніе внутренняго свѣта.*

Внутренній свѣтъ, о которомъ здѣсь говорится, былъ описанъ въ аф. XXXVI отд. I. Это ясный и всепроницающій свѣтъ саттвы. Когда Іогъ его видитъ, онъ можетъ продолжать созерцаніе, т. е. производить Саміаму надъ этимъ свѣтомъ по отношенію ко всему, что онъ хочетъ знать, и тогда его внутреннему сознанію интуитивно откроется познаніе тончайшихъ предметовъ, каковы невидимые атомы скрытыхъ предметовъ, каковы скрытыя въ нѣдрахъ земли сокровища и руды, также и недосягаемые далекіе предметы.

XXVI. *Посредствомъ Саміамы надъ солнцемъ—достигается познаніе пространства.*

Подъ пространствомъ тутъ разумѣется пространство между солнцемъ и землей.

XXVII. *Саміамой надъ луной — познаніе звѣздныхъ пространствъ.*

Въ комментаріяхъ говорится, что Саміама надъ луной необходима для познанія звѣздныхъ пространствъ, ибо звѣзды затемняются свѣтомъ солнца.

XXVIII. *Надъ полярной звѣздой—познаніе ихъ движенія.*

Черезъ Саміаму надъ полярной звѣздой достигается познаніе относительно движеній и положеній звѣздъ и планетъ.

XXIX. *Надъ солнечнымъ сплетеніемъ—познаніе строенія тѣла.*

Чакры—круги или сплетенія (plexus) были уже описаны подъ именемъ *padma*. Самое важное изъ нихъ по отношенію къ устройству нервной системы тѣла есть *nabhi-chakra*, именуемый *manipura*. Это ось всей системы. Поэтому Саміама, произведенная надъ нимъ, ведетъ къ познанію условій жизни всего тѣла.

Послѣ этого афоризма авторъ начинаетъ описывать Сиддхи, относящіяся къ внутренней области тѣла, покончивъ съ тѣми, которыя имѣютъ отношеніе къ внѣшнему міру.

XXX. *Надъ горловой ямочкой—(достигается) прекращеніе голода и жажды.*

Горловая ямочка—это та область дыхательнаго горла, гдѣ встрѣчается дыханіе черезъ ротъ и черезъ ноздри. Прикосновеніе праны къ этой области вызываетъ голодъ и жажду; эти ощущенія могутъ быть подавлены Саміамой надъ этой областью для нейтрализаціи этого прикосновенія. Надо замѣтить, что пятое сплетеніе (чакра), именуемое visuddhi, находится гдѣ-то въ этой же области, и всякій, кто можетъ сосредоточить свое дыханіе на этомъ сплетеніи и выше его, легко освободится отъ ощущенія голода и жажды и пріобрѣтетъ еще и другія оккультныя силы.

XXXI. *Надъ Kurma-nâdi—устойчивость.*

Kurma-nâdi—это нервъ, управляющій областью дыханія, именуемаго Kurma *); Саміама, произведенная надъ нимъ, ведетъ къ такой неподвижности тѣла, которая придаетъ ему полную устойчивость и неподвижность.

XXXII. *Надъ свѣтомъ въ головѣ—способность видѣть Сиддхи.*

Свѣтомъ въ головѣ называется тотъ собирательный потокъ свѣта саттвы, который видѣнъ у Brahmarandhra. Область ея предполагается гдѣ-то вблизи лобной артеріи, мозговой железки или продолговатаго мозга (medula oblongata). Совершенно такъ же, какъ свѣтъ лампы, горящей посреди комнаты, видѣнъ лучезарнымъ черезъ замочную скважину, такимъ же является надъ головой свѣтъ саттвы. Этотъ свѣтъ хорошо знакомъ всякому, кто хоть немного упражнялся въ Іогѣ. Черезъ Саміаму надъ этимъ свѣтомъ тотчасъ становится видимымъ, независимо отъ условій пространства и времени, тотъ классъ существъ, который именуется въ теософическихъ кругахъ подъ именемъ Mahatmas или высшихъ адептовъ, способныхъ невидимо проноситься въ пространствѣ.

---

*) Точно такъ же, какъ дыханіе называется *праной* и т. д., смотря по мѣсту своего проявленія, оно именуется и nâga, Kurma, Krkala, Devadatta и Dhananjaya, смотря по тѣмъ функціямъ, которыя имъ выполняются.

XXXIII. *Или достигается все, какъ результатъ пратибхы.*

Pratibhâ—это та степень интеллектуальности, которая развивается сама собой, безъ всякой особой причины и можетъ вести къ истинному знанію. Она соотвѣтствуетъ тому, что обыкновенно называютъ интуиціей. Если Іогъ пытается развить въ себѣ эту способность, производя Саміаму надъ интеллектомъ, онъ становится способнымъ совершать все вышеупомянутое только путемъ пратибхы. Этотъ родъ pratibhâ именуется taraka-jnanâ или спасительнымъ знаніемъ, такъ какъ оно ведетъ къ послѣднему освобожденію, „мокша". Поэтому Іогу, которая относится къ этому виду умственнаго и духовнаго развитія, часто называютъ также Тарака-Іога или Раджа-Іога.

Нельзя понимать подъ pratibhâ звѣзду Люцифера только на основаніи сомнительныхъ словъ Бхашіа (pratibham nâma tarakam), послѣ объясненія Vachaspratimisra, которое согласно съ вышеизложеннымъ. *Въ развитіи интуиціи заключается истинная сила Іоги.*

XXXIV. *Надъ сердцемъ—познаніе ума.*

Подъ сердцемъ разумѣется нервное сплетеніе, именуемое anâhata; Саміама, произведенная надъ ней, ведетъ къ познанію всякаго ума, т. е. ума другихъ и своего собственнаго.

XXXV. *Опытъ есть неразличеніе приблизительныхъ понятій о саттвѣ и Пурушѣ, которыя совершенно раздѣлены другъ отъ друга; испытаніе саттвы не имѣетъ цѣли самой въ себѣ, а познаніе Пуруши возникаетъ изъ Саміамы надъ самимъ собой.*

Здѣсь уже часто упоминалось о томъ, что саттва, источникъ интеллектуальности, отдѣлена отъ Пуруши и отличается отъ нея, высшей сущности сознанія. Согласно теоріи, Пуруша отражается въ чистой саттвѣ и оживляетъ ее; такая оживленная саттва приписываетъ себѣ, въ качествѣ собственнаго акта, всякій опытъ. Такое смѣшеніе саттвы съ Пурушей, всегда раздѣльныхъ по своей природѣ, является причиной различныхъ опытовъ. Ясно, что всякій опытъ, производимый саттвой, не нуженъ для нея самой; все это дѣлается для Пуруши; ибо всякое дѣйствіе пракрити, источника саттвы и неотдѣлимаго спутника ея Пуруши, предназначается для этой Пуруши. Поэтому дѣйствіе саттвы предназначается для другого, а не для нея самой. Ея настоящая функція и назначеніе—слиться съ Пурушей. Поэтому-то и сказано, что Саміама надъ самимъ собой, т. е. надъ своей истинной природой и назначеніемъ, ведетъ къ ясному познанію Пуруши.

XXXVI. *Отсюда происходитъ интуитивное познаванiе звука, осязанiя, зрѣнiя, вкуса и запаха.*

Пять классовъ ощущенiй, составляющихъ всю совокупность нашего чувственнаго познанiя, воспринимаются путемъ простой интуицiи, т. е. путемъ того, что именуется pratibhâ или taraka-janana, независимо отъ условiй времени и пространства, послѣ достиженiя знанiя, описаннаго въ предыдущемъ афоризмѣ.

XXXVII. *Всѣ они являются препятствiями на пути къ Самадхи и силами —въ моменты прекращенiя Самадхи.*

Всѣ оккультныя силы, которыя уже описаны и будутъ еще описаны дальше, являются положительными препятствiями на пути къ Самадхи, т. е. настоящей Іоги, сущность и значенiе которой были описаны въ отд. I. Онѣ являются препятствiями потому, что становятся причиной разсѣянiя ума, возбуждая различныя чувства. Но онѣ не совсѣмъ безполезны, такъ какъ являются великими силами къ добру въ тѣ минуты, когда Самадхи временно прекращается.

XXXVIII. *Умъ переходитъ въ другое тѣло вслѣдствiе ослабленiя причины его порабощенiя и знанiя метода перехода.*

Порабощенiе—это привязанность ума къ извѣстному тѣлу; причина ограниченiя въ сущности всепроникающаго ума и прикрѣпленiя его къ извѣстному мѣсту есть Карма или Дхарма и адхарма, т. е. хорошiе или дурные поступки. Когда черезъ постоянную Самiаму надъ ними дѣйствiе причины нейтрализуется и связывающiя узы ослабляются, тогда умъ свободно можетъ войти въ любой мертвый или живой организмъ и выполнять въ немъ свои функцiи. Но для этого необходимо и знать, какъ выполнить такой переходъ. Самiамой надъ нервной системой, которая вся проникнута умомъ, открывается познанiе Chittavahânâdi, особаго нерва, который служитъ для выхода ума.

XXXIX. *Властью надъ уданой (udâna) - (достигается) восхожденiе, несоприкосновенiе съ водой, грязью, тернiями и пр,*

Физическiя отправленiя живительнаго воздуха, наполняющаго все тѣло *), извѣстны подъ разными именами, на что уже намекалось въ первомъ примѣчанiи къ аф. XXXI.

XL. *Лучезарность—путемъ власти надъ Саманой (Samana).*

Мѣстонахожденiе Saman'ы у пупка; она исполняетъ функцiи пищеваренiя, поддерживая внутреннiй огонь. При Самiамѣ, этотъ огонь можетъ быть видѣнъ во всемъ тѣлѣ, и оно представляется

*) „Живительнымъ воздухомъ“ здѣсь названъ эфиръ тѣла, извѣстный въ оккультизмѣ подъ общимъ именемъ „эфирнаго тѣла“. (*Прим. перев.*).

свѣтящимся. Этотъ свѣтъ яснѣе всего видѣнъ надъ головой, между бровями и у пупка. Утверждаютъ, что это основа магнетической ауры живыхъ существъ.

XLI. *Саміамой надъ отношеніемъ акаши къ чувству слуха —(достигается) сверхъ-естественный слухъ.*

Акаша (эфиръ), всепроницающее вещество, служитъ причиною звука. Если Саміама выполняется надъ Акашой, какъ спеціальнымъ его носителемъ, то ухо легко воспринимаетъ всякій звукъ, на какомъ угодно разстояніи.

XLII. *Черезъ Саміаму надъ отношеніемъ тѣла къ Акашѣ, также и черезъ отождествленіе себя съ легкими предметами, каковы: вата и пр.—(достигается) прохожденіе черезъ пространство.*

Всепроникающая Акаша и есть то, что удерживаетъ предметы на своемъ мѣстѣ, и Саміама, производимая надъ отношеніемъ Акаши къ предметамъ (тѣлу въ нашемъ примѣрѣ), установленнымъ въ ней, придаетъ объекту Саміамы легкость, позволяющую ему парить въ пространствѣ или проникать всюду съ солнечнымъ лучомъ, или итти по водѣ, даже по ниточкѣ паутины. Это происходитъ потому, что подчинено сопротивленіе Акаши и использовано ея всепроницающее свойство. Тотъ же результатъ достигается при Samyam'ѣ надъ легкими предметами, какова, напр., вата; это придаетъ тѣлу такую легкость, что оно можетъ носиться по воздуху.

XLIII. *Внѣшнее, о которомъ не мыслятъ, превращеніе (ума) есть великое безплотное; отсюда—уничтоженіе покрова свѣта.*

Великое безплотное именуется по санскритски Mahavidcha. Смыслъ этого вкратцѣ таковъ: мы всегда мыслимъ въ связи съ нашимъ внутреннимъ *я*, поэтому и въ связи съ нашимъ тѣломъ. Даже когда мы направляемъ нашъ умъ на что-нибудь внѣшнее, связь съ мыслящимъ *я* продолжается. Когда это отношеніе нарушено, и умъ существуетъ, такъ сказать, самопроизвольно, внѣ и независимо отъ тѣла, тогда появляется сила, именуемая Mahavideha. Аскетъ въ этотъ состояніи легко достигаетъ всевозможнаго знанія, ибо оно является къ нему безъ всякаго съ его стороны усилія, такъ какъ при этомъ разрушается покровъ изъ трехъ свойствъ, мѣшающій интуитивному сіянію саттвы. Это состояніе внутренняго ума наиболѣе благопріятствуетъ Іогу при переходѣ изъ одной тѣлесной формы въ другую, такъ какъ это ни что иное, какъ vritti, отдѣленныя отъ тѣла и мѣняющія мѣсто. Знакомые, съ такъ называемой, спиритической матеріализаціей легко поймутъ нѣсколько темный смыслъ этого афоризма.

XLIV. *Власть надъ элементами—(достигается) черезъ Саміаму надъ грубымъ, постояннымъ, тонкимъ, всепроницающимъ и плодотворнымъ состояніями ихъ.*

Надо замѣтить, прежде всего, что всѣ пять элементовъ могутъ находиться во всѣхъ пяти вышеупомянутыхъ состояніяхъ. Другими словами, всякій элементъ состоитъ только изъ этихъ пяти состояній. Вещество или элементъ не есть нѣчто составляющее Substratum качества или дѣйствія, какъ это утверждаютъ школой Ніая и Вайшешика; это простой аггрегатъ нѣкоторыхъ общихъ и специфическихъ свойствъ. Въ каждомъ элементѣ находится прежде всего его грубая, видимая форма; затѣмъ его постоянная, неизмѣнная форма, какъ, напр., теплота въ случаѣ Tejas, клейкость въ случаѣ Jala и пр.; затѣмъ его тонкая форма, состоящая изъ Tanmâtras или тонкихъ свойствъ; въ четвертыхъ—его всепроницающая форма, состоящая изъ одного, двухъ или всѣхъ трехъ свойствъ—саттвы, раджасъ, тамасъ,—которыя находятся повсюду; наконецъ, его плодотворная форма или та, которая придана ему для той цѣли, которой онъ служитъ. Поэтому, производя Саміаму надъ всѣми этими формами, въ сущности надъ всѣмъ, что составляетъ элементы, Іогъ пріобрѣтаетъ и власть надъ ними и становится способнымъ вліять на что угодно, единственно силой своей воли.

XLV. *За этимъ—достиженіе animâ и другихъ силъ, также какъ и совершенства тѣла и соотвѣтствующей свободы его функцій.*

Animâ и другіе—это восемь сиддхи или высшихъ оккультныхъ силъ. Они суть: *animâ* (способность ассимилированія съ атомомъ); *mahimâ* (способность *растворяться* въ пространствѣ); *laghimâ* (способность дѣлаться легкимъ, какъ вата или другія подобныя тѣла); *garimâ* (способность принимать вѣсъ какого угодно тѣла); *prapti* (способность достигать любого мѣста въ пространствѣ, даже луны); *prakâmya* (способность осуществлять всевозможныя желанія); *isatva* (способность творчества); *vasitva* (способность повелѣвать всѣмъ). Эти силы появляются у Іога, когда Саміама, описанная въ предыдущемъ афоризмѣ, доведена до совершенства. Нѣкоторые говорятъ, что первыя пять развиваются путемъ Саміамы надъ грубою частью элементовъ, шестая—надъ постоянной, а остальныя путемъ Саміамы надъ причинами элементовъ. Слѣдующее за этимъ развитіе, происходящее въ тѣлѣ Іога, описывается въ слѣдующемъ афоризмѣ, а соотвѣтствующая этому свобода его функцій, означаетъ силу, при обладаніи кото-

рой никакія преграды, какъ земля, огонь, вода и пр., не мѣшаютъ формѣ тѣла и его движенію.

XLVI. *Красота, грація, сила, твердость алмаза составляютъ совершенство тѣла.*

XLVII. *Власть надъ органами чувствъ получается черезъ Саміаму надъ заключенной въ нихъ силой познанія, природы, эгоизма, всепроникновенія и способности приносить плоды.*

Пять дѣленій слагающихъ органовъ чувствъ составляютъ всю наличность каждаго чувства и должны быть поняты въ томъ же смыслѣ, какъ пять формъ элементовъ, о которыхъ упоминается въ аф. XLIV, въ отношеніи къ этимъ элементамъ. Сила познанія относится къ общей природѣ познаваемыхъ чувствъ; природа ихъ относится къ тому знанію познаваемаго предмета, которое дается каждымъ изъ нихъ. Эгоизмъ относится къ личному сознанію, которое присуще всякому чувственному акту. Остальныя двѣ данныя уже были объяснены. Овладѣвъ этими пятью вещами по отношенію къ каждому изъ органовъ чувствъ, мы получаемъ и полную власть надъ ними; послѣдствія, вытекающія изъ этого, описаны дальше.

XLVIII. *Отсюда (получается) быстрота ума, состояніе, при которомъ орудія не служатъ препятствіями и (достигается) полная власть надъ pradhân'ой.*

Въ этомъ афоризмѣ описываются силы, получаемыя отъ совершенной власти надъ органами чувствъ. Во-первыхъ, такая быстрота въ движеніяхъ тѣла, какая возможна только для ума; во-вторыхъ, безпрерывное дѣйствіе чувствъ безъ соотвѣтствующей помощи тѣла; и въ третьихъ—такая власть надъ pradhân'ой—корнемъ всего,—которая позволяетъ Іогу повелѣвать чѣмъ угодно или создавать все, что онъ хочетъ. Сиддхи или силы, описанныя въ аф. XLIV и XLVIII, называются *madhupratikâ*, сладкія какъ медъ, ибо каждая изъ нихъ столь же сладка, какъ и вся совокупность ихъ, на подобіе сота меда. Слово *madhu* можетъ быть принято въ значеніи rtambharaprajnâ, интуитивнаго познанія; и когда при этомъ постигается и причина этого познанія, то это можетъ быть названо *madhupratikâ*.

XLIX. *Тотъ, кто сосредоточился надъ различіемъ между Саттвой и Пурушей, достигаетъ власти надъ всѣми предметами и знанія всего.*

Когда Іогъ освобождается отъ всего другого, кромѣ чистой саттвы, въ которой онъ и пребываетъ и которая отражаетъ въ себѣ Пурушу, онъ пріобрѣтаетъ силы, про которыя говорится въ

афоризмѣ. Эти сиддхи называются *вишока* или „освобожденныя отъ всякаго горя“, такъ какъ достигнувъ ихъ, Іогъ освобождается навсегда отъ всякихъ разсѣяній и препятствій.

L. *За отреченіемъ даже отъ этого слѣдуетъ Kaivalya, такъ какъ разрушаются сѣмена узъ.*

Когда Іогъ отрѣшается и отъ этихъ тайныхъ силъ, въ немъ повторяется постоянное впечатлѣніе непривязанности (vairagya-sanskârasesa), которая ведетъ къ высшей цѣли Ķaivalya, состоянію единства, пребыванію единымъ и одинокимъ, т. е. къ состоянію Пуруши. Это происходитъ отъ того, что всѣ причины узъ, начинающіяся съ avidya и пр., описанныя въ отд. II, окончательно и совершенно уничтожены.

LI. *Тутъ (должно произойти) полное исчезновеніе чувства удовольствія или гордости отъ прельщенія силами (разныхъ видовъ), ибо въ этомъ послѣднемъ заключается еще возможность повторенія зла.*

Существуютъ четыре степени Іоговъ: 1) *Prathamkalpika* или находящійся въ подготовительной стадіи; 2) *Madhupratika*, тотъ, который достигъ состоянія *rtambhara-prajna* или силы, именуемой *madhupratika*; 3) *Bhutendriyajayi*, тотъ, кто достигъ власти надъ элементами и чувствами, иначе надъ всѣмъ и 4) *Atikrântabhâvaniya*, тотъ, кто достигъ Ķaivalya. Опасность начинается для Іога тогда, когда онъ переходитъ изъ первой степени во вторую. Онъ тогда приходитъ въ соприкосновеніе съ тѣми областями, которыя недоступны обычному зрѣнію, и поэтому ему угрожаетъ опасность отъ существъ этой области добрыхъ, злыхъ и безразличныхъ. Они именуются *Devas*, „мѣстныя силы“, т. е. силы, управляющія различными мѣстами или условіями, какъ, напр., небесами, обществомъ прекрасныхъ женщинъ, обладаніемъ разными элексирами, управленіемъ разными событіями и пр.

Но кромѣ этихъ искушеній, видимыхъ и невидимыхъ, могутъ быть и другіе пути, и физическіе и духовные, на которыхъ ищущій можетъ быть угнетенъ, напуганъ, такъ или иначе выбитъ изъ колеи осторожности, подвергнутъ искушенію и даже уничтоженъ.

Единственнымъ средствомъ противъ этого зла является высшее отреченіе, которое состоитъ въ томъ, чтобы не испытывать удовольствія отъ пользованія этими искушеніями, такъ же, какъ и не гордиться силой вызывать ихъ. Твердое спокойствіе доведетъ Іога невредимымъ до конца. Если этого нельзя достичь, тогда зло, отъ котораго хотѣлъ освободиться Іогъ, будетъ мучить его съ удвоенной силой.

LII. *Распознаваніе, какъ слѣдствіе Samyam'ы надъ моментами и ихъ чередованіемъ.*

Ksana или моментъ, есть то безконечно малое время, которое уже не можетъ быть подвергнуто дальнѣйшему дѣленію. Глубокимъ созерцаніемъ моментовъ, изъ которыхъ составляется время, и порядка, въ которомъ эти моменты слѣдуютъ одинъ за другимъ, дается то знаніе, которое позволяетъ Іогу различать все, ибо нѣтъ ничего, что-бы не относилось ко времени.

LIII. *Изъ этого возникаетъ возможность познанія сходныхъ между собою объектовъ тамъ, гдѣ существуетъ нераспознаваніе классовъ, характерныхъ признаковъ или положенія.*

Предметы отличаются другъ отъ друга по классу, къ которому они принадлежатъ; предметы одного класса отличаются по признакамъ, или по положенію, которое они занимаютъ во времени или пространствѣ. Но тамъ, гдѣ не достаетъ этихъ отличій и гдѣ невозможно отличить одинъ предметъ отъ другого, какъ въ собраніи атомовъ, тутъ Іогу помогаетъ распознаваніе, описанное въ предыдущемъ афоризмѣ.

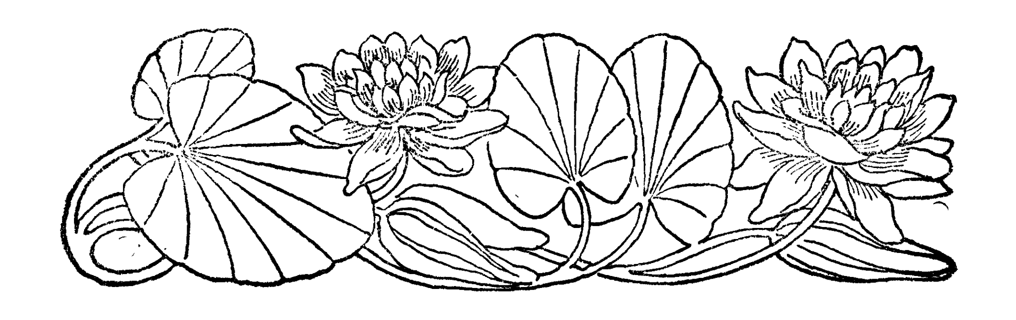
LIV. *Знаніе, приносимое распознаваніемъ—это taraka, одновременное познаваніе всѣхъ предметовъ во всѣхъ состояніяхъ.*

Въ афоризмѣ XXXIII настоящаго отдѣла, мы уже описывали сущность *taraka-jnâna*—знаніе, которое освобождаетъ отъ узъ міра. Результатомъ описаннаго въ аф. LII распознаванія является taraka, знаніе, представляющее собой вѣнецъ и цѣль Іоги. Оно относится ко всѣмъ предметамъ отъ pradhana до bhutas, также и ко всѣмъ состояніямъ этихъ предметовъ. Сверхъ того, оно состоитъ въ одновременномъ познаваніи всѣхъ предметовъ, совершенно независимо отъ обычныхъ законовъ познанія. Поэтому, оно является высшимъ знаніемъ, какого только можетъ желать Іогъ, и служитъ вѣрнымъ показателемъ Kaivalya, которая описана въ слѣдующемъ афоризмѣ, какъ его результатъ.

LV. *Kaivalya—отъ одинаковой степени чистоты Пуруши и sattv'ы.*

Мы знаемъ, что Пуруша это чистый свѣтъ и блаженство, и что она вѣчно свободна; sattva же, причина всякаго знанія и просвѣщенія, является источникомъ *buddhi* и *ahankara*. Когда *antahkarana*, т. е. sattva успокоена до той степени, что теряетъ сознаніе собственнаго дѣйствія, тогда говорятъ, что чистота ея равна чистотѣ Пуруши. Такимъ образомъ, когда sattva, такъ сказать, уничтожена для всего, остается одна Пуруша, вѣчно свободная и блаженная. Это и есть состояніе Kaivalya.

Пер. С. Т.

Гермесъ Трисмегистъ.

*(Продолженіе *).*

Ключъ Гермеса Трижды-величайшаго.

(ἑρμου τρισμεγίστου Κλείς).

Вчера обращалъ я слово мое къ тебѣ, о Асклепій, справедливо слѣдуетъ обратить его сегодня къ Тату, тѣмъ болѣе, что оно (будетъ) выводомъ обобщеній, изложенныхъ ему мною. Богъ, отецъ и благо, о Татъ, имѣютъ одну природу, или, вѣрнѣе, одну силу (ἐνέργεια), ибо слово: природа (φύσις) означающее также произращеніе, примѣнимо къ созданіямъ Божіей воли, измѣнчивымъ или постояннымъ, колеблемымъ или недвижнымъ, т. е. божественнымъ или человѣческимъ; здѣсь это нужно уразумѣть.

Сила Божія—воля; естество ея—изволенье, да будетъ міръ; ибо Богъ, отецъ или благо есть лишь бытіе того, что еще не существуетъ. Такое бытіе существъ—это Богъ, отецъ, благо, и ничто иное. Міръ или солнце, отецъ сопричастнаго бытію, не есть для живущихъ, однако, причина блага и жизни; его отправленіе—неизбѣжное слѣдствіе благой воли, безъ нея же ничто не могло бы существовать, ни возникнуть. Отецъ—причина своихъ дѣтей, ихъ рожденья и питанья; благо дѣйствуетъ посредствомъ солнца; благо—творческое начало. Ничто иное не можетъ обладать свойствомъ ничего не воспринимать и волить бытіе всѣхъ вещей. Я не говорю о произведеніи всего, о Татъ, ибо творческое дѣйствіе непрерывно; то творитъ оно, то не творитъ; оно разнообразится въ свойствѣ и въ числѣ; то производитъ тѣ или иныя вещи, то ихъ противоположности. Но Богъ — отецъ и благо, ибо Онъ—всемірное бытіе; слѣдуетъ Его разумѣть. Вотъ, чѣмъ Онъ можетъ быть,

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ 1911 г., № 10, стр. 41.

что Онъ такое; Онъ—самоцѣль и цѣль для всего остального. Свойство блага—познаваемость; вотъ благо, о Татъ.

Татъ. Ты привелъ насъ, о отецъ, къ созерцанію блага и красоты, и это созерцаніе почти освятило око разума моего, ибо оно не то, что огненные лучи солнца, ослѣпляющіе и смыкающіе очи; напротивъ, созерцаніе блага тѣмъ больше усиливаетъ могущество взора, чѣмъ способнѣе воспринимаются потоки духовнаго сіянья. То свѣтъ живой и проницающій, невредящій и исполненный безсмертія. Тѣ, что могутъ упиваться имъ, часто входятъ въ блаженное видѣніе, какъ предки наши Ураносъ и Кроносъ. Да уподобимся имъ, о отецъ!

Гермесъ. Пожелаемъ этого, сынъ мой. Но теперь это видѣніе свыше нашихъ силъ; очи нашего разума еще не могутъ созерцать нетлѣнную и непостижимую красоту блага; ты узришь ее, когда нечего будетъ тебѣ сказать о ней; ибо Вѣдѣніе, созерцаніе—это безмолвіе и покой всякаго чувства. Достигнувшій его не можетъ болѣе помышлять объ иномъ, ни видѣть, ни слышать чего-либо, ни двинуть даже тѣломъ своимъ. Нѣтъ для него болѣе ни чувства тѣлеснаго, ни движенія; сіяніе, заливающее всю его мысль и всю его душу, исторгаетъ его отъ узъ тѣла и всецѣло преображаетъ въ естество Бога. Душа человѣческая вступаетъ въ апоѳеозъ при созерцаніи красоты блага.

Т. Что разумѣешь ты подъ апоѳеозомъ, отецъ мой?

Г. Всякая частичная душа, сынъ мой, подвержена чередѣ превращеній.

Т. Что значитъ: *частичная*?

Г. Не научился-ли ты изъ *обобщеній*, что изъ единой вселенской души исходятъ всѣ души, онѣ же разсѣиваются и распредѣляются во всѣхъ частяхъ міра? Эти души проходятъ многократныя перемѣны, то счастливыя, то напротивъ. Души ползучихъ переходятъ въ водныхъ существъ, души водныхъ животныхъ въ тѣхъ, что живутъ на сушѣ, души сухопутныхъ животныхъ—въ летучихъ, воздушныя души—въ людей; людскія души приходятъ къ безсмертію, становясь демонами [1]). Наконецъ онѣ вступаютъ въ хоръ недвижныхъ Боговъ; ибо есть два хора Боговъ, одни блуждающіе, другіе—неколебимые: это послѣдняя степень доблестнаго посвященія души. Но если душа, войдя въ человѣческое тѣло, пребудетъ дурною—она не вкуситъ безсмертія и не сопричастится благу. Она возвращается вспять и нисходитъ до пресмыкающихся. Такова кара дурной души, а зло для души — невѣдѣніе. Незрячая душа, ничего не зная о бытіи, ни о природѣ его, ни о благѣ, окутана стра-

[1]) Слово Δαίμων означало первоначально: божественный Духъ, Геній; христіанство измѣнило его смыслъ, отожествивъ его съ Дьяволомъ. Это — санскрит. *Dew'ы Эоны* (Αἰών) гностиковъ; *Духи, Ангелы* теологовъ. См. объ этомъ подробно Fabre d'Olivet, Les Vers Dorés de Pythagore, p.p. 130—131, 198—208.

стями тѣла. Несчастная, себя не познавшая — она раба посторонних и ничтожныхъ тѣлъ; она влачитъ бремя тѣла и вмѣсто владычества— повинуется. Вотъ душевное зло. Напротивъ, доблесть души—это Вѣдѣніе; ибо знающій—благъ, праведенъ и уже божественъ.

Т. Каковъ же онъ, о отецъ?

Г. Не многорѣчивый, не внемлющій многословію; проводить время въ преніяхъ, сынъ мой, это бороться съ тѣнями, ибо Богъ, отецъ, благо—несказуемъ, невнемлемъ. Тварь обладаетъ ощущеніями, ибо не можетъ существовать иначе; но Вѣдѣніе (Γνωσις) сильно отличается отъ ощущенья. То—испытываемое вліяніе, вѣдѣніе же—вѣнецъ познаванія, а познаваніе—даръ Божій. Ибо всякое познаваніе безплотно и орудіемъ примѣняетъ разумъ, какъ разумъ примѣняетъ тѣло. Такъ оба пользуются тѣломъ, то духовнымъ, то вещественнымъ; ибо все должно выходить изъ противодѣйствія сопротивныхъ, а иначе и быть не можетъ.

Т. Кто же этотъ вещественный Богъ?

Г. Міръ, онъ же прекрасенъ, но не благъ, ибо веществен и чувственъ. Онъ первый изъ чувственныхъ, но второй изъ существъ и не самодовлѣющъ. Онъ рожденъ, хотя и вѣчносущъ, но онъ пребываетъ въ рожденіи и возникаетъ непрестанно. Возниканіе — перемѣна въ свойствѣ и въ числѣ; всякое движеніе вещества есть рожденіе. Разумъ приводитъ вещество въ движеніе, и вотъ какимъ образомъ: міръ есть сфера, т. е. голова, надъ головою нѣтъ ничего вещественнаго, какъ подъ ногами нѣтъ ничего безплотнаго, все—вещественно. Разумъ сферичен, какъ голова. Все, что касается оболочки (μεμβράνα) этой головы, въ ней же пребываетъ душа,—безсмертно, имѣя тѣло, облеченное, душою и болѣе души, чѣмъ тѣла. Но все удаленное отъ этой оболочки въ чемъ больше тѣла, чѣмъ души, то смертно. Вселенная—жизненность, состоящая изъ вещества и разума. Міръ — первое изъ животныхъ, человѣкъ—второе за міромъ и первое изъ смертныхъ; какъ прочія животныя онъ одушевленъ. Онъ не только не благъ, но скверенъ, будучи смертнымъ. Міръ не благъ, ибо превратенъ, но, будучи безсмертенъ онъ нескверенъ. Человѣкъ, и измѣнчивый, и смертный, скверенъ. Вотъ каковъ составъ души человѣческой: разумъ въ разсудкѣ, разсудокъ въ душѣ, душа въ духѣ, духъ въ тѣлѣ. Духъ, проницая по венамъ, артеріямъ и крови, движетъ животнымъ, и, такъ сказать, его носитъ. Вѣдь иные думали, что кровь—душа: это—плохое знаніе природы; вѣдь нужно знать, что сперва духъ долженъ вернуться въ душу, и тогда кровь свертывается, вены и артеріи пустѣютъ, и животное гибнетъ. Такова смерть тѣла; все зависитъ отъ единаго начала, и начало это исходитъ изъ единства; оно приводится въ движеніе, потомъ вновь становится началомъ, но единство утверждено и незыблемо. Три естества подле-

жатъ разсмотрѣнію: сначала Богъ, отецъ, благо, затѣмъ міръ и, наконецъ, человѣкъ. Богъ содержитъ міръ, міръ содержитъ человѣка. Міръ—сынъ Божій, человѣкъ—какъ бы отпрыскъ міра. Богу не чуждъ человѣкъ, Онъ знаетъ его и волитъ быть познаннымъ имъ. Единое спасеніе человѣка—познаніе Бога: это путь восхожденія на Олимпъ; лишь такимъ образомъ душа становится благою, и не различно—то доброю, то дурною, но непремѣнно благою.

Т. Что хочешь ты сказать, о Трижды-величайшій?

Г. Взгляни, сынъ мой, на душу дитяти: ея отлученья еще не свершилось; тѣло ея мало и не получило еще полнаго развитія. Она прекрасна видомъ, не осквернена еще страстями тѣла, еще почти сомкнута съ міровою душой. Но когда тѣло разовьется и подавитъ ее своей грудой—отлученіе свершается, въ ней происходитъ забвеніе, она перестаетъ быть причастной къ красотѣ и благу. Это забвеніе становится порокомъ. То же происходитъ съ выступающимъ изъ тѣла. Душа уходитъ въ себя, духъ удаляется въ кровь, душа—въ духъ. Но разумъ, очищенный и освпбожденный отъ своихъ оболочекъ, божественный по своей природѣ, обрѣтаетъ огненное тѣло и мчится въ пространство, покидая душу суду и заслуженной карѣ.

Т. Что говоришь ты, о отецъ? Разумъ отлучается отъ души, а душа отъ духа, ибо сказалъ ты, что душа—оболочка разума, а духъ—оболочка души.

Г. Нужно, сынъ мой, чтобы слушатель слѣдилъ за мыслью говорящаго и пріобщался къ ней; ухо должно быть болѣе проникновеннымъ, чѣмъ голосъ. Эта система оболочекъ существуетъ въ земномъ тѣлѣ. Разумъ, вовсе обнаженный, не могъ бы водвориться въ тѣлѣ праха, а это чувственное тѣло не могло бы вмѣщать такой безсмертности, ни вынести такой благодати. Разумъ беретъ оболочкою душу; душа, божественная сама по себѣ, облекается въ духъ, а духъ разливается въ живущемъ. Разумъ, покидая тѣло, тотчасъ беретъ свое огненное облаченье, котораго онъ не могъ сохранить, когда обиталъ въ тѣлѣ праха: ибо тѣло персти не выноситъ огня, единой искры котораго довлѣетъ для его сожженья. Потому то вода окружаетъ землю и образуетъ ограду, да охранитъ ее отъ пламени огня. Но разумъ, тончайшая изъ божественныхъ мыслей, имѣетъ тѣломъ тончайшую изъ стихій—огонь. Онъ беретъ его орудіемъ въ своемъ творческомъ дѣйствіи. Міровой разумъ примѣняетъ всѣ стихіи, человѣческій—только стихіи земныя. Лишенный огня, онъ не можетъ строить божественныхъ твореній, ибо подверженъ условности человѣчества. Человѣческія души, не всѣ, но души благочестивыя, одержимы демономъ и божественны. Отлученная однажды отъ тѣла и выдержавъ борьбу благочестія, — она же заключается въ

познаваніи Бога и невреждeніи кому бы то ни было, такая душа становится всецѣло разумомъ. Но душа нечестивая пребываетъ въ собственномъ своемъ естествѣ и сама караетъ себя, ища земное тѣло, чтобы войти туда, ибо иное тѣло не можетъ принять человѣческую душу, она не могла бы попасть въ тѣло животнаго безъ разсудка; божественный законъ предохраняетъ душу отъ такого униженья.

Т. Какъ же карается она, отецъ мой?

Г. Есть-ли бо̀льшая кара, чѣмъ нечестіе, сынъ мой? Есть-ли болѣе пожирающее пламя? Какая язва можетъ разодрать тѣло больше, чѣмъ нечестіе раздираетъ душу? Развѣ не видишь ты. какъ страдаетъ нечестивая душа, крича и воя: „Я горю, я киплю! что молвить, что сдѣлать (мнѣ) несчастной, въ мукахъ, меня пожирающихъ? злосчастная, я ничего не вижу, не слышу!“ То вопли караемой души; но она не входитъ въ тѣла звѣрей, какъ это думаютъ обычно, и какъ, быть можетъ, думаешь и ты, сынъ мой; это большое заблужденіе. Кара души совсѣмъ иная. Когда разумъ сталъ демономъ и, по повелѣнію Бога, принялъ огненное тѣло, онъ входитъ въ нечестивую душу и бичуетъ ее бичомъ ея прегрѣшеній. Нечестивая душа кидается тогда въ убійства, въ оскорбленья, въ кощунства, въ насилія всякаго рода и во всѣ людскія злодѣянья. Но войдя въ душу праведную, разумъ ведетъ ее къ свѣту Вѣдѣнія. Такая душа не пресыщается гимнами и благословеньями всѣмъ людямъ; всѣ ея дѣйствія, всѣ ея слова—благотворны; она—образъ Отца своего. Нужно же воздавать благодареніе Богу, сынъ мой, и испрашивать у него благой разумъ.

Душа мѣняетъ условіе на лучшее, но не на худшее. Есть общеніе между душами: Божескія общаются съ человѣческими, тѣ—съ животными. Сильнѣйшія пекутся о болѣе слабыхъ, Боги о людяхъ, люди о неразумныхъ животныхъ, Богъ же—о всѣхъ, ибо Онъ все остальное превосходитъ, и все ему подвластно. Міръ подвластенъ Богу, человѣкъ—міру, животныя — человѣку, а Богъ надъ всѣмъ пребываетъ и обнимаетъ все. Лучи Бога — силы, лучи міра — творенія, лучи человѣка—искусства и науки. Силы вліяютъ на человѣка черезъ міръ и его творческими лучами; творенія дѣйствуютъ черезъ стихіи, человѣкъ—искусствомъ и науками. Таковъ міровой распорядокъ, слѣдствіе единства, разумъ же проницаетъ все. Ибо нѣтъ ничего божественнѣе и могущественнѣе разума. Онъ единитъ Боговъ съ людьми и людей съ Богами. Это онъ—благой демонъ (Ἀγαθὸς δαίμων); душа блаженная исполнена имъ, душа злосчастная—пуста.

Т. Что хочешь ты сказать, отецъ мой?

Г. Развѣ ты думаешь, сынъ мой, что всякая душа обладаетъ благимъ разумомъ? Ибо я говорю о таковомъ, а не о томъ, что въ пора-

бощеніи у души и служитъ орудіемъ возмездія. Душа безъ разума не могла бы ни говорить, ни дѣйствовать. Часто разумъ покидаетъ душу, и въ такомъ состояніи душа ничего ни видитъ, ни слышитъ и подобна животному безъ разсудка. Таково могущество разума. Но онъ не хранитъ порочную душу и оставляетъ ее привязанной къ тѣлу, влекущему ее книзу. Такая душа, сынъ мой, разума не имѣетъ, и въ этомъ положеніи человѣкъ не можетъ больше называться человѣкомъ. Ибо человѣкъ— живущее божественное, его же должно уподоблять не прочимъ земнымъ животнымъ, но небеснымъ, что зовутся Богами. Или, точнѣе, не убоимся молвить истину,—истинный человѣкъ выше ихъ, или, по крайней мѣрѣ, имъ равенъ. Ибо никто изъ Боговъ небесныхъ не покидаетъ сферы своей, чтобы сойти на землю, тогда какъ человѣкъ возносится въ небо и его измѣряетъ. Онъ знаетъ, что вверху, что внизу; ему извѣстно все съ точностью, и что еще лучше, ему не нужно покидать земли, чтобы подняться. Таково величіе его положенія. Осмѣлимся же сказать, что человѣкъ — это смертный богъ, а небесный богъ—человѣкъ безсмертный.

Итакъ, все управляемо міромъ и человѣкомъ, а превыше всего— Единый.

Разумъ къ Гермесу.

(Νοῦς πρὸς ἑρμῆν).

Разумъ [1]). Прекрати твои рѣчи, Трисмегистъ Гермесъ, и припомни сказанное. Я не премину объясниться.

Гермесъ. Мнѣнія о вселенной и о Богѣ многочисленны и разнообразны, и я не вѣдаю истины. Просвѣти меня, о учитель, ибо я повѣрю лишь твоему откровенію.

Р. Узнай, сынъ мой, что такое Богъ и вселенная. Богъ, вѣчность, міръ, время, возникновеніе; Богъ творитъ вѣчность, вѣчность творитъ міръ, міръ творитъ время, время творитъ возникновеніе (γίνομαι—грядущее), Богъ какъ бы имѣетъ сущностью благо, красоту, счастіе, мудрость. Сущность вѣчности—тождество, міра—превратность, возникновенія—жизнь и смерть. Силы (ἐνέργειῆ) Бога—разумъ и душа; вѣчности—постоянство и безсмертіе; міра—составленіе и разложеніе; времени—прибыль и убываніе; (сила) возникновенія—качество. Вѣчность пребываетъ въ Богѣ, міръ въ вѣчности, время въ мірѣ, возникновеніе во времени. Вѣчность незыблема въ Богѣ, міръ движется въ

---

[1]) Разумъ, греч. Νοῦς (и, какъ слѣдствіе его—λόγος), наивысшая духовная суть человѣка; это латинск. *mens* или *intelligentia,* образов. изъ словъ inter eligere или elicere—избирать, привлекать къ себѣ внутренно и по сочувствію. Это *Manas* теоріи.

вѣчности, время сбывается въ мірѣ, возникновеніе происходитъ во времени. Могущество Божіе—вѣчность, дѣяніе вѣчности—міръ, не однажды рожденный, но постоянно производимый вѣчностью. Потому не погибнетъ онъ никогда, ибо вѣчность непреходяща, и ничто въ мірѣ не исчезаетъ, ибо міръ облеченъ вѣчностью.

Г. Какова же мудрость Бога?

Р. Благо, красота, блаженство, всякая доблесть и вѣчность. Проницая вещество, вѣчность даруетъ ему безсмертіе и непрехожденіе, ибо его возникновеніе зависитъ отъ Бога. Произрожденіе и время разнородны въ небѣ и на землѣ; нерушимыя и нетлѣнныя въ небѣ, превратныя и бренныя на землѣ. Душа вѣчности—Богъ, душа міра—вѣчность; душа земли—небо. Богъ пребываетъ въ разумѣ, разумъ въ душѣ, душа въ веществѣ, и все это втеченіе вѣчности. Душа наполняетъ собою вселенское тѣло, оно же содержитъ всѣ тѣла; разумъ и Богъ наполняютъ душу. Наполняя внутри, облекая извнѣ, душа животворитъ вселенную: снаружи—это великое и совершенное животное—міръ; внутри—всѣ существа живыя. Тамъ на небѣ, она пребываетъ въ тождествѣ, здѣсь на землѣ, она преображаетъ произрожденіе. Вѣчность содержитъ міръ по необходимости, по провидѣнію, по природѣ; не важно объясненіе, возможное для этого. Богъ дѣйствуетъ во всей вселенной. Его сила—верховная власть, съ ней же ничто человѣческое или божественное не можетъ сравниться. Не думай же, Гермесъ, что вверху или внизу можетъ что-либо уподобиться Богу; ты былъ бы внѣ истины. Ничто не сходно съ безподобнымъ, съ однимъ, съ единымъ. И не думай, что другой раздѣляетъ Его власть. Къ кому иному примѣнимы жизнь, безсмертіе, притворяемость свойства? что бы иное сталъ Онъ дѣлать? Ибо Богъ не бездѣйственъ, иначе все пребывало бы въ покоѣ, если все преисполнено Бога. Бездѣйствія не существуетъ въ мірѣ, ни гдѣ бы то ни было, ни въ Творцѣ, ни въ твореніи; это пустое слово. Нужно, чтобы возникало все, и всегда, и повсюду. Ибо Творецъ вездѣсущъ и не имѣетъ особаго пребыванія; Онъ не творитъ то или иное, но все; Его творческая мощь не остается въ тваряхъ Его, онѣ пребываютъ подвластными Ему.

Взгляни сквозь меня на міръ, предстоящій твоему взору; тщательно разгляди его красоту, его нетлѣнное тѣло, оно же древнѣе всего, его мощь, всегда молодѣющую и растущую. Взгляни также на семь міровъ, расположенныхъ въ вѣчномъ строѣ, вѣчно слѣдуя своимъ различнымъ теченіямъ. Всюду свѣтъ, нигдѣ огня, ибо изъ согласія и сочетанія противоположностей и несходствъ родился свѣтъ, возженный силою Бога, производителя всякаго блага, главы всякаго строя, водителя семи міровъ. Луна, что служитъ имъ предтечей, орудіемъ рожденія, преображая низшее

вещество. Земля, недвижное средоточіе этого роскошнаго міра, кормилица и питаніе всего носимаго ею. Воззри на множество живыхъ существъ, смертныхъ и безсмертныхъ, и на луну, что кладетъ границу между тѣми и другими; и преисполняющую все душу, что приводитъ въ движеніе все, что на небѣ и на землѣ, не сдвигая лѣвое направо, ни правое налѣво, ни верхнее книзу, ни нижнее кверху.

Что все это было порождено, о мой дорогой Гермесъ, о томъ мнѣ нѣтъ нужды тебѣ говорить; ибо это тѣла, они имѣютъ душу, пребываютъ въ движеніи. Для соисканія единства имъ нуженъ водитель. И онъ существуетъ, и онъ безусловно единъ; ибо движенія различны и многообразны, тѣла несходны, и однако всеобщая быстрота едина; не можетъ быть двухъ или многихъ творцовъ, ибо многіе не поддержали бы единства строя; возникла бы ревность и борьба между болѣе слабымъ и сильнымъ. И если бы одинъ изъ нихъ былъ творцомъ существъ превратныхъ и смертныхъ, онъ захотѣлъ бы творить безсмертныхъ и наоборотъ. Предположи, что ихъ двое: вещество—одно, душа—одна, кто направитъ твореніе? Если они обладаютъ чѣмъ-либо купно, кто будетъ имѣть большую часть? Пойми же, что всякое живое тѣло состоитъ изъ души и вещества, будь оно безсмертно, или смертно и лишено разсудка. Всѣ живыя тѣла одушевлены, не живущія—только вещество. Такъ единая душа, въ рукахъ Творца, причина жизни. Какъ же смертныя животныя различаются одни отъ другихъ? Какъ безсмертное бытіе, создающее безсмертіе, не творило бы животныхъ?

Вѣдь очевидно есть Творецъ, и весьма ясно, что Онъ единъ, ибо душа едина, вещество едино, жизнь едина, вещество едино. И кто бы Онъ былъ, если не Богъ единый? Кто иной могъ бы творить существа живыя, если не Богъ единый? И, если есть одинъ только міръ, одно солнце, одна луна, одна божественность, ты захотѣлъ бы многовиднаго Бога? Не тотъ же ли самый дѣйствуетъ разнообразно? Удивительно ли, что Богъ творитъ жизнь, душу, безсмертіе, перемѣнность, если ты самъ совершаешь столько различныхъ дѣйствій? Ибо ты видишь, ты говоришь, слышишь, чуешь запахи, вкусы, осязаешь предметы, ходишь, мыслишь, дышешь. И нѣтъ такого существа, которое смотритъ, другого, что говоритъ, иного, что осязаетъ, иного, что обоняетъ и иного, что дышетъ: одно и то же все это дѣлаетъ. Если бы одно изъ этихъ отправленій прекратилось, животнаго бы не стало; такъ же, если бы Богъ почилъ отъ своихъ божественныхъ дѣлъ, что предположить невозможно, Онъ не былъ бы больше Богомъ. Ибо вѣдь явно, что нѣтъ ничего бездѣйственнаго и празднаго, тѣмъ болѣе Бога. Еслибъ можно было предположить нѣчто несдѣланное Имъ, Онъ былъ бы неполнымъ. Но Онъ непразденъ, Онъ полонъ и, значитъ, все совершаетъ.

Обрати еще твое вниманіе ко мнѣ, Гермесъ, ты лучше поймешь, что творчество Бога едино: рождать то, что рождается, что рождено, и что будетъ рождаться. Это творчество, о дорогой мой, это—жизнь, красота, благо, это – Богъ. Если хочешь понять на примѣрѣ, взгляни, что происходитъ съ тобою, когда ты хочешь творить; съ тою разницею только, что нѣтъ для Него наслажденія, ибо нѣтъ соучастнаго творчеству Его: Онъ заодно и творецъ и твореніе. Если бы Онъ разстался съ творчествомъ Своимъ, все бы рухнуло, все бы погибло роковымъ образомъ, ибо жизнь удалилась бы. Но если все живо, и жизнь одна— и Богъ единъ. И если все живо въ небѣ и на землѣ, и во всемъ единая жизнь, она же есть Богъ, все и происходитъ отъ Бога.

Жизнь—союзъ разума и души; смерть—не уничтоженіе соединенія, но разрывъ единства. Образъ Бога—вѣчность, вѣчности—міръ, міра—солнце, солнца—человѣкъ. Народы зовутъ смертью преображеніе, ибо тѣло разлагается, и жизнь перестаетъ быть явной. Но подобно тому, мой дорогой Гермесъ, ты можешь услышать молву, что самъ міръ преображается непрестанно; ежедневно какая либо часть его исчезаетъ, но онъ тогда не разлагается. Это перевороты и исчезновенія—страданія (фазы) міра. Переворотъ есть возвращеніе, исчезновеніе—возобновленность. Міръ имѣетъ всѣ облики; они не пребываютъ внѣ его, онъ превращается въ нихъ. Но если міръ имѣетъ всѣ облики, каковъ же его Творецъ? Онъ не можетъ быть безликимъ, а если Онъ имѣетъ всѣ лики, Онъ уподобится міру. Если Онъ имѣетъ одинъ обликъ, Онъ окажется въ этомъ ниже міра. Что же скажемъ мы о Немъ, чтобы не сказать ничего неладнаго? Ибо нельзя въ несовершенствѣ мыслить о Богѣ. Онъ имѣетъ одинъ обликъ, свойственный Ему, неявный очамъ тѣлеснымъ и всепроявляющійся въ тѣлахъ. И не дивись, что есть безтѣлесный обликъ. Таковъ обликъ рѣчи или полей рукописи, что выступаютъ за строки и гладки и ровны.

Размысли надъ болѣе смѣлымъ и истиннымъ словомъ: какъ человѣкъ не можетъ жить безъ жизни, такъ Богъ не можетъ жить не дѣя блага. Жизнь и движенія Божіи—это двиганіе и животворность. Иныя слова имѣютъ особый смыслъ; такъ подумай надъ тѣмъ, что я молвилъ тебѣ: все пребываетъ въ Богѣ не какъ вмѣщенное, ибо мѣсто тѣлесно и недвижно, и помѣщенныя вещи не имѣютъ движенія. Въ безтѣлесномъ это иначе, нежели въ явномъ. Подумай, что оно облекаетъ все, подумай, что нѣтъ ничего быстрѣе, обширнѣе, сильнѣе безтѣлеснаго: оно превосходитъ все вмѣстимостью, быстротой, могуществомъ. Суди по себѣ: повели душѣ твоей отправиться въ Индію, и она тамъ скорѣе твоего приказа; повели ей направиться къ Океану, и она тотчасъ очутится тамъ, не переходя съ мѣста на мѣсто,

но мгновенно. Повели ей взойти на небо, и ей не понадобятся крылья, ничто не остановитъ ее, ни огонь солнца, ни эфиръ, ни вихрь, ни тѣла свѣтилъ; она сразу все пройдетъ и долетитъ до послѣдняго тѣла. Хочешь ли прейти эту границу и созерцать всемірное, если что либо есть,— ты это можешь. Взгляни какимъ могуществомъ, какой быстротой ты обладаешь. А то, что возможно тебѣ, не возможно ли Богу?

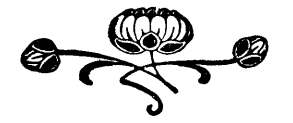
Разумѣй Бога, какъ въ Себѣ содержащаго всѣ Свои мысли, всю цѣлостность міра. Если не можешь ты сравниться съ Богомъ, не можешь ты Его и понять. Подобный понимаетъ подобнаго. Возвеличься величіемъ безмѣрнымъ, превзойди всѣ тѣла, пройди чрезъ всѣ времена, стань вѣчностью, и ты постигнешь Бога. Ничто не претитъ тебѣ предположить себя безсмертнымъ и знающимъ все, искусство, науки, нравы всѣхъ животныхъ. Вознесись превыше всякой выси, спустись ниже всякой глуби; вбери въ себя всѣ чувства твореній, воды, огня, суши, влаги. Предположи, что ты вездѣсущъ, разомъ на землѣ, въ морѣ, въ небѣ; что ты никогда не рождался, что ты еще зародышъ, что ты юнъ, старъ, мертвъ, по ту сторону смерти. Постигни разомъ: времена, мѣста, вещи, свойства, количества—и ты постигнешь Бога. Но если замкнешь душу твою въ тѣлѣ, если унизишься и скажешь: я ничего не понимаю, ничего не могу; я не знаю ни что̀ я такое, ни чѣмъ я стану,— что у тебя общаго съ Богомъ? Если порочен ъ ты и привязанъ къ тѣлу, что можешь ты понять въ благомъ и прекрасномъ? Завершеніе зла, это невѣдѣніе Божественнаго; но возможность познавать его, и желать его, и уповать—это средство придти къ благу дорогой прямою, гладкою и легкой.—Слѣдуя ей, ты встрѣтишь его повсюду, узришь его повсюду, въ мѣстѣ и часѣ самомъ нежданномъ, наяву, во снѣ, на морѣ, въ пути, ночью, днемъ, въ разговорѣ, въ безмолвіи. Ибо нѣтъ ничего, что бы не было образомъ Бога.

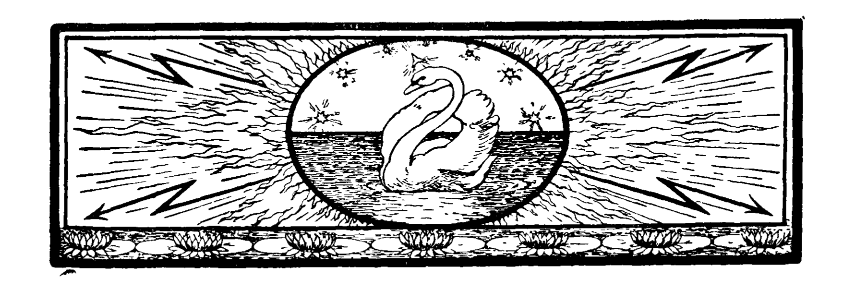
Г. Незримъ ли Богъ?

Р. Не говори такъ; кто явнѣе Его? Вѣдь Онъ создалъ все, что бы ты могъ провидѣть Его во всемъ. И благо, и свойство Бога— проявленіе во всемъ. Нѣтъ ничего незримаго, даже среди безплотныхъ. Разумъ зрится въ мышленіи, Богъ—въ твореньи.

Вотъ, что имѣлъ я разоблачить тебѣ, о Трижды-величайшій; что до прочаго, уразумѣй его въ себѣ, ты не впадешь въ заблужденіе.

А. В.

Садъ Свѣтлыхъ Грезъ.

Разсказъ **М. Вудъ.**

Свѣжій запахъ торфяныхъ испареній сливался съ запахомъ медоноснаго вереска. Былъ ранній вечеръ, мужчины возвращались домой съ работы, а хозяйки маленькой деревушки Эксмуръ готовили для нихъ ужинъ. Отдаленное блеяніе возвращающихся съ пастьбы овецъ соединялось съ журчаніемъ рѣки Барль, извилисто направляющейся къ темному пруду, который, по преданію, служилъ мѣстомъ купанья для могучаго витязя древнихъ временъ. Зеленыя луговины лежали въ тѣни. Покойныя очертанія холмовъ, по которымъ бѣжали ручейки, спадавшіе съ ихъ боковъ маленькими водопадами, были ясно очерчены на блѣдномъ небѣ, на которомъ виднѣлся тоненькій серпъ луны, окруженный легкими перистыми облаками. Старый, покрытый мохомъ и выбивающимися изъ его разсѣлинъ папоротниками, каменный мостъ пересѣкалъ рѣку Барль. На мосту стояли два человѣка, случайные знакомые, любители-рыболовы, временно остановившіеся въ деревенской гостинницѣ, едва виднѣвшейся изъ-за вьющихся розъ, которыя покрывали и ея стѣны, и соломенную кровлю.

Одинъ изъ нихъ былъ деревенскій докторъ, пріѣхавшій сюда, чтобы отдохнуть, страстный рыболовъ и самоучка психологъ; другой былъ романистъ и драматическій писатель, менѣе пылкій спортсмэнъ, откровенно признававшійся, что его рыболовство только приличный предлогъ, чтобы пошататься среди полей. Оба эти человѣка встрѣтились наканунѣ за раннимъ завтракомъ и теперь снова сошлись на мосту послѣ цѣлаго дня рыбной ловли и, какъ это ни невѣроятно, бесѣдовали вовсе не о рыбахъ и не объ уловѣ.

„Я думаю“, сказалъ докторъ, питавшій большую слабость къ знаменитостямъ и большой интересъ къ чужимъ занятіямъ, „я думаю, вы часто основываете ваши романы и театральныя пьесы на истинныхъ происшествіяхъ—я разумѣю ваши наблюденія надъ дѣйствительными фактами“.

„Упаси меня Боже!“—быстро проговорилъ драматическій писатель.

„Почему же?“

„Если бы я это дѣлалъ, публика сказала бы, что мои дѣйствующія лица ведутъ себя съ нелѣпой непослѣдовательностью. Критики заявили бы, что я проявляю плачевный недостатокъ знанія жизни и человѣческой природы. Никакая публика и никакой читатель не потерпитъ на сценѣ или въ романѣ то, что происходитъ въ реальной жизни. Они объявятъ это невозможнымъ. Необходимо выбирать. Реальная жизнь—если жизнь вообще реальна—или слишкомъ скучна, или черезчуръ фантастична для сцены. Люди—драматическій писатель испустилъ вздохъ и заговорилъ медленно, словно созерцая всю необъятность человѣческой глупости и содрогаясь при этомъ зрѣлищѣ—люди способны на все.“

„Да. По мѣрѣ того, какъ мы становимся цивилизованнѣе, мы дѣлаемся все сложнѣе.“

„Сложность ведетъ болѣе къ идеологіи, а не къ дѣйствіямъ, думается мнѣ. Позволю себѣ парадоксъ. Сложные люди сравнительно просты; во всякомъ случаѣ до извѣстной степени сложности возможно еще разсчитывать на нихъ. Поражаютъ васъ не они, а примитивные люди. Иногда при видѣ грѣшника у васъ займется дыханіе, когда онъ внезапно появится передъ вами богоподобнымъ, хотя бы и прикрывался маской дьявола. Или вашъ „младшій братъ,“ котораго вы думали, что знаете вдоль и поперекъ, вдругъ обнаруживаетъ, что вы были черезмѣрно довѣрчивый глупецъ. Я думаю, что многіе менѣе сложные люди ближе къ природѣ, и они чувствуютъ игру великихъ космическихъ силъ, на которую мы уже перестали отзываться.

„Вы такъ думаете? Рискну своей репутаціей здравомыслящаго человѣка и разскажу вамъ—пари держу—самую странную исторію, которую вы когда-либо слышали.“

„Разсказывайте,“ сказалъ драматическій писатель. „Мы всѣ болѣе или менѣе лишены здраваго смысла; наиболѣе здравый изъ насъ тотъ, кому это извѣстно.“

Когда онъ говорилъ, на дорогѣ, огибающей ближайшій холмъ, раздался шумъ приближающейся повозки; въ нее былъ впряженъ

старый гнѣдой пони; рядомъ съ пони шелъ человѣкъ, ласково охватившій его шею рукою.

„Легокъ на поминѣ!“ воскликнулъ докторъ, „посмотрите на этого молодца, онъ живетъ въ Дартморѣ, но ранней осенью странствуетъ по всему Западу съ плодами и медовыми сотами“.

Писатель взглянулъ и увидалъ очень молодого человѣка, приблизительно девятнадцати или двадцати лѣтъ. Онъ былъ средняго роста, чрезвычайно худъ и гибокъ; у него было тонкое, подвижное, чисто выбритое лицо, свѣтло-сѣрые глаза и густая копна рыжеватыхъ, кудрявыхъ волосъ. Какъ стеклянный шаръ на зажженной лампѣ служитъ проводникомъ для горящаго позади его свѣта, такъ его тѣло казалось проводникомъ для скрытой въ немъ внутренней силы, которая неудержимо выбивалась наружу. Когда онъ увидалъ доктора, онъ улыбнулся странной сіяющей улыбкой, обнаружившей очень бѣлые зубы. Онъ пошелъ къ повозкѣ и снялъ съ нея корзину; въ ней лежали маленькіе деревянные квадраты, наполненные медовыми сотами. Онъ взялъ три такіе квадрата и положилъ ихъ на каменныя перила, около доктора.

„Нужно заплатить за нихъ, Симонъ Каргэзъ?“ спросилъ докторъ.

Положившій медъ засмѣялся и покачалъ головой; онъ пошелъ назадъ къ своему пони, который потеръ носъ объ его рукавъ и ласково забралъ въ зубы его одежду; оба двинулись медленно впередъ.

„Таинственный видъ у этого юноши,“ сказалъ драматическій писатель, „у него самое странное лицо, какое я когда-либо видѣлъ; но я не знаю, въ чемъ эта странность; развѣ въ томъ, что оно служитъ для выраженія чего-то, что я не могу уловить. Онъ смотритъ невиннымъ, но я совсѣмъ не подразумѣваю подъ этимъ идіота. Кстати, есть что-то очень циничное въ обычномъ пониманіи этой фразы.“

„У него былъ совершенно другой видъ, когда я его узналъ впервые; самое очертаніе его лица измѣнилось. Вы называете его юношей. А вѣдь ему сорокъ лѣтъ.“

„Быть не можетъ!“

„Это и есть герой моей странной исторіи. Когда я узналъ его, онъ смотрѣлъ старше, чѣмъ теперь; ему было двадцать два года, и онъ былъ заключенный въ той тюрьмѣ, гдѣ я былъ докторомъ.

„Ваша исторія“, сказалъ драматическій писатель, „обѣщаетъ быть очень невѣроятной и потому должно быть истинна. Разскажите ее мнѣ, и будьте увѣрены, что я не переложу ее въ драму“.

„Вы не смогли бы, если бы даже и хотѣли,“ сказалъ докторъ.

А затѣмъ онъ разсказалъ исторію Симона Каргэза, насколько самъ ее зналъ. Но я, который знаю ее лучше, чѣмъ онъ, разскажу ее по своему, и тотъ, кто ее прочтетъ въ моемъ изложеніи, будетъ знать болѣе о подарившемъ медовые соты, чѣмъ узнаетъ когда-либо драматическій писатель. Не то, чтобы я могъ объяснить всю исторію, или найти причину того, что произошло. Какая цѣль всего приключившагося съ Симономъ Каргэзомъ, этого я не знаю, а также и нити его прошлаго, приведшія его къ такому волшебному переживанію, мнѣ совершенно неизвѣстны. Возможно, что я не знаю какъ разъ того звена, которое могло бы выяснить все остальное; но такія исторіи уясняютъ, что причины вещей лежатъ внѣ нашего кругозора; и всѣ наши сужденія о людяхъ и о дѣйствіяхъ тѣхъ законовъ, которые наши благочестивые дѣды называли таинственными Путями Провидѣнія или Волей Божіей, не болѣе какъ лепетъ младенцевъ, болтающихъ въ потемкахъ.

И лишь имѣя въ виду великую чистоту какъ отца, такъ и дочери, жизнь которыхъ сдѣлала изъ безплоднаго мѣста садъ такого совершенства, что ангелы могли бы ходить по немъ, не запятнавъ свои одежды, имѣя это въ виду, я не сомнѣваюсь, что совершившееся чудо шло отъ святыхъ силъ, и что онѣ избрали Симона Каргэза для унаслѣдованія тѣмъ, которые насадили волшебный садъ, дѣйствуя въ согласіи съ какимъ-нибудь тайнымъ закономъ, который судитъ людей не по тому, чѣмъ они кажутся, а потому, что они есть на самомъ дѣлѣ. Точно также не сомнѣваюсь я, что на землѣ бываютъ священныя мѣста, которыя очищаютъ тѣла и души всѣхъ, способныхъ приблизиться къ нимъ. Несомнѣнно, что Симонъ Каргэзъ дѣлалъ то дѣло, которое ему слѣдовало дѣлать; хотя онъ самъ и не зналъ, какое это дѣло, и даже не зналъ, что онъ дѣлаетъ его. Ибо бываютъ такіе, которые работаютъ сознательно для добра или зла, и такіе, которые дѣлаютъ то же самое, совсѣмъ не зная того; возможно, что именно черезъ нихъ дѣйствуютъ высшія силы. Но какъ случилось, что онъ сталъ такимъ, я, не знающій его прошлаго, сказать не могу. Вотъ его исторія.

Его мать покончила съ собой, когда онъ былъ годовалымъ ребенкомъ; она была второй женой его отца и отецъ относился къ нему съ совершенно безпричинной ненавистью. Онъ безсовѣстно пренебрегалъ ребенкомъ, давая ему только пищу и кровъ, но не оказывая никакой ласки и не давая сыну никакого воспи-

танія. Когда онъ умеръ—мальчику было тогда десять лѣтъ—онъ оставилъ его въ полной зависимости отъ своего старшаго сына, котораго онъ имѣлъ отъ перваго брака. Если отецъ Симона былъ холодно небреженъ, братъ оказался активно жестокимъ. Его обращеніе съ сыномъ отца было до того сурово, что всѣ сосѣди обвиняли его. Когда мальчикъ выросъ и миновалъ тотъ возрастъ, когда ненависть можетъ проявляться побоями, она приняла утонченныя, но и болѣе опасныя формы. Симонъ Каргэзъ, благодаря такому грубому обращенію, благодаря отсутствію воспитанія и жизни безъ любви, выросъ очень страстнымъ, неуравновѣшеннымъ, нервнымъ и пугливымъ. Ссора за ссорой поднимались между нимъ и старшимъ братомъ; кончилось тѣмъ, что младшій Каргэзъ очутился на скамьѣ подсудимыхъ, обвиняемый въ умышленномъ покушеніи на убійство старшаго брата, смерть котораго передала бы все состояніе отца въ его руки. Преступникъ не выражалъ раскаянія; онъ высказалъ, что добивался не денегъ, а смерти человѣка, котораго ненавидѣлъ всей душой, и что рано или поздно онъ все равно выполнитъ свое намѣреніе. Несмотря на это, ему было оказано снисхожденіе благодаря всѣмъ извѣстному дурному обращенію съ нимъ брата, которое могло довести его до величайшаго раздраженія. Онъ былъ приговоренъ къ срочному тюремному наказанію. Въ тюрьмѣ на него нападали припадки безумнаго гнѣва и возбужденія; онъ не хотѣлъ подчиняться, былъ порывистъ и истериченъ, благодаря чему возрастала строгость его наказанія. Когда со времени приговора прошелъ годъ, случилось, что онъ работалъ съ толпою другихъ преступниковъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ тюрьмы; былъ густой туманъ и подъ прикрытіемъ его тремъ преступникамъ удалось бѣжать. Каргэзъ былъ однимъ изъ нихъ, и собственно съ этого момента начинается его настоящая исторія. Двое изъ бѣжавшихъ были пойманы на другой же день. Каргэзъ оставался на свободѣ въ теченіе шести мѣсяцевъ, а затѣмъ самъ отдался въ руки правосудія.

Англійскій іюнь не всегда отличается тепломъ, въ особенности на болотахъ, когда туманы несутся по нимъ подобно привидѣніямъ, гонимые вѣтромъ со стороны океана. Когда на другой день туманъ былъ разсѣянъ предразсвѣтнымъ вѣтромъ, Симонъ Каргэзъ оказался лежащимъ въ верескѣ, окоченѣлымъ, пронизаннымъ сыростью, страдающимъ отъ голода. Онъ лежалъ притаившись весь день, а когда наступила ночь, онъ всталъ и крадучись потащился, падая почти на каждомъ шагу отъ голода и слабости.

Онъ дошелъ до границы, гдѣ прекращался верескъ и начинался лѣсъ, по которому бѣжалъ ручей и виднѣлась узкоколейная дорога. Это было жуткое мѣсто; странное содроганіе и таинственные звуки проносились по немъ и волшебные призывы неслись съ сѣро-зеленыхъ болотъ. Внезапно лѣсъ прекратился и дорога подошла къ темнокоричневому торфяному озеру, прозрачному какъ кристалъ и окаймленному тростникомъ и болотной миртой. Позади линіи холмовъ и болотъ, на фонѣ лѣса, онъ увидѣлъ маленькій домъ съ садомъ, разстилавшимся въ тишинѣ и одиночествѣ.

Впрочемъ полной тишины въ этомъ мѣстѣ не было, ибо онъ услыхалъ стукъ копытъ бѣгавшей внутри зеленой изгороди лошади, и хлопанье крыльевъ, и слабые звуки музыки, какъ бы легкое дуновеніе звуковъ, и тихій напѣвъ нѣжнаго какъ флейта человѣческаго голоса. Около дома виднѣлся плодовый садъ, полный деревьевъ, посеребренныхъ встающимъ мѣсяцемъ, и окруженные глиняной стѣной душистые цвѣтники, а далѣе гладкое пространство заросшаго тимьяномъ дерна, на которомъ стояли ряды ульевъ съ сонно жужжащими пчелами внутри; посреди ульевъ стояла женщина, окруженная цѣлой семьей дикихъ кроликовъ, которые прыгали у ея ногъ; она кормила ихъ и потихоньку напѣвала въ тактъ нѣжнымъ звукамъ невидимой музыки. Она была одѣта въ свободное сѣрое платье, на ея волосахъ виднѣлось легкое кружево, завязанное подъ подбородкомъ; на рукѣ, которой она слегка выбивала тактъ, виднѣлось кольцо съ постоянно мѣнявшимъ свой цвѣтъ камнемъ. Когда она повернула свою голову, онъ увидѣлъ, что волосы ея были бѣлы какъ снѣгъ. Она была стара, но гибка и держалась прямо, кожа на ея лицѣ была нѣжная и тонкая, цвѣта слоновой кости, глаза—свѣтло-голубые, открытые, ясные, и все же какъ бы покрытые легкимъ туманомъ; это были глаза и мудрые, и дѣтскіе. Ручей и маленькій мостъ отдѣлялъ ее отъ Каргэза.

Справедливость требуетъ сказать, что онъ не имѣлъ намѣренія нанести ей вредъ; но онъ намѣревался испугать ее и заставить дать ему пищи, одежду и денегъ. Однажды грѣшникъ пришелъ къ святому и началъ оплакивать свои грѣхи и злобность своихъ враговъ, которые притѣсняли его. „Сынъ мой, не думай больше о своихъ грѣхахъ и о своихъ притѣснителяхъ, но держи на умѣ твои добродѣтели и добродѣтели твоихъ враговъ, которыя пребываютъ невидимыя для тебя въ Мысли Бога“. Но Симонъ Каргэзъ пріучился думать о себѣ, какъ о преступникѣ и поэтому

для него стало возможно такое, что прежде было совершенно невозможно. Онъ взошелъ на мостикъ, чтобы она могла увидѣть его и его одежду каторжника, внушавшую всѣмъ презрѣніе и страхъ. Она взглянула на него, не переставая пѣть, и кролики не разбѣжались. Они сѣли на заднія лапки и принялись смотрѣть на него. Онъ разсудилъ, что ея самообладаніе означало присутствіе дюжихъ парней, злыхъ собакъ и ружей за открытой дверью дома. Тогда онъ измѣнилъ свое намѣреніе и обратился къ ея милосердію, жалобно говоря, что онъ голоденъ, замерзъ, что у него изранены ноги и весь онъ боленъ.

„Въ такомъ случаѣ войдите," сказала она спокойно. Онъ перешелъ черезъ мостъ, кролики продолжали ѣсть, но музыка прекратилась. Онъ почувствовалъ, какъ по его спинѣ пробѣжалъ холодъ. Она вошла въ домъ и зажгла маленькую серебрянную лампу. Куски торфа горѣли на открытомъ очагѣ; полъ былъ усѣянъ зеленымъ хвощомъ и миртовыми вѣтками, издающими горько-сладкій запахъ, когда наступишь на нихъ. Изъ комнаты вели двое дверныхъ проходовъ, но съ откидывающимися занавѣсками вмѣсто дверей. Она подбросила торфу на очагъ, и огонь запылалъ. Онъ сѣлъ передъ огнемъ и началъ согрѣвать свои руки. Она стала прислуживать ему и дала ему поѣсть. Пока онъ ѣлъ, она сѣла у огня и продолжала потихоньку напѣвать про себя. Кончивъ ѣду, онъ попросилъ у нея платья.

„Мнѣ очень жаль," сказала она серьезно, „но развѣ вы могли бы надѣть мое платье?".

Онъ возразилъ на это, что она могла имѣть родственниковъ мужского пола.

„Ни одинъ человѣкъ не жилъ здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ умеръ мой отецъ, вотъ здѣсь, направо. Никто не входилъ сюда съ тѣхъ поръ. Мнѣ было двадцать, когда онъ умеръ, а теперь мнѣ шестьдесятъ. Всѣ его платья я отдала бѣднымъ."

„Значитъ вы живете здѣсь одна?" спросилъ Каргэзъ.

„Вы вѣрно говорите", отвѣтила она. Здѣсь нѣтъ мужчины, кромѣ васъ, и нѣтъ женщины, кромѣ меня самой. Никто не забредетъ сюда, если Болотный Народъ не вздумаетъ привести его сюда. Мой отецъ построилъ этотъ домъ и насадилъ этотъ садъ въ мѣстѣ, указанномъ ему; онъ завѣщалъ его мнѣ, поручивъ жить здѣсь и никогда не продавать его за деньги. Когда домъ не будетъ мнѣ нуженъ, я должна отдать его другому; онъ думалъ, что мнѣ будетъ указано подходящее лицо, чтобы принять этотъ

даръ, когда придетъ назначенный часъ. И мнѣ сдается, что я отдамъ его вамъ. Но не теперь."

Каргэзъ понялъ, что она была сумасшедшая.

„Если вы не можете дать мнѣ платья," сказалъ онъ, „можетъ вы дадите мнѣ денегъ?"

„Это я могу," отвѣтила она. „Смотрите!".

Она открыла шкапъ и вынула оттуда ящикъ; въ немъ лежало золото, вѣроятно фунтовъ пятьдесятъ.

„Я получаю деньги два раза въ годъ изъ Плимутскаго банка", сказала она, „и я держу ихъ здѣсь, пока они не разойдутся. Сколько бы вы хотѣли имѣть?"

„Не дадите ли вы мнѣ пять фунтовъ?".

Она отсчитала деньги, но потомъ бросила ихъ назадъ въ ящикъ.

„Завтра," сказала она. „Сегодня вы останетесь у меня. Вы слишкомъ устали; я это ясно вижу."

Внезапный ужасъ охватилъ его; и ужасъ этотъ выразился въ попыткѣ напугать ее. Онъ вскочилъ и схватилъ ящикъ, на которомъ еще лежала ея рука.

„Женщина", закричалъ онъ, „скажите мнѣ, кто вы? Я думалъ, что вы сумасшедшая; но если вы живете здѣсь въ одиночествѣ и распоряжаетесь своими деньгами по усмотрѣнію, вы не можете быть сумасшедшей. Развѣ вы не видите, что я бѣглый каторжникъ? Я могу быть приговоренный убійца или воръ, или то и другое. Я хотѣлъ убить человѣка, и я убью его. Вы показываете мнѣ свои деньги; вы говорите, что живете въ одиночествѣ; вы просите меня остаться на ночь. Развѣ вы не боитесь меня? И если не боитесь, то почему?"

Въ ея глазахъ засвѣтилась жалость, которая тронула его, но когда онъ увидѣлъ, что къ жалости присоединилась веселость, онъ опять испугался.

„Дорогой мой," сказала она серьезно и нѣжно, но съ легкимъ оттѣнкомъ веселой насмѣшки въ голосѣ и улыбнувшись при видѣ, какъ онъ вздрогнулъ, услыхавъ ея слова, „вы гораздо больше боитесь меня, чѣмъ я васъ."

Онъ опустился на стулъ и провелъ рукой по лбу.

„Это правда," сказалъ онъ хриплымъ голосомъ, „меня пугаетъ это мѣсто. Я думаю, что я схожу съ ума."

„Вы побоитесь спать здѣсь?" спросила она.

Онъ взглянулъ на нее, блѣднѣя все больше и больше. Послѣ длинной паузы онъ сказалъ: „нѣтъ!"

Тогда она отдернула бѣлую занавѣсъ направо, и онъ увидѣлъ маленькую, залитую луннымъ свѣтомъ комнату съ открытымъ окномъ, съ кружевною тѣнью отъ жимолости, отброшенной пятнами на полу. Въ комнатѣ виднѣлась постель и шкапъ съ темными старинными книгами. Она положила ящикъ съ деньгами въ шкапъ и вынула изъ него бѣлыя какъ снѣгъ простыни изъ тонкаго полотна.

„Это я выткала сама,“ сказала она и приготовила постель; потомъ пошла въ садъ и вернулась съ вѣтками розъ и цѣлой охапкой левкоевъ и гвоздикъ, отчего воздухъ въ комнатѣ наполнился тонкимъ ароматомъ. „Никто не спалъ здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ умеръ мой отецъ,“ сказала она. „Но въ комнатѣ сухо и не холодно. Вотъ ваша постель. Покойной ночи. Она затушила лампу и опустила за собой занавѣску.

„Вы оставили наружную дверь открытой,“ пролепеталъ онъ ей вслѣдъ.

„Да; можетъ вы боитесь холода?“

„Развѣ вы не запираете вашихъ дверей на ночь?“

„Въ моемъ домѣ нѣтъ запоровъ,“ отвѣчала она, „и входъ, какъ вы видите—только одинъ.“

Она опустила занавѣсъ и вслѣдъ затѣмъ изъ ея комнаты раздалась прекрасная, но очень тихая музыка. Онъ сталъ прислушиваться съ замирающимъ сердцемъ; затѣмъ вошелъ въ освѣщенную луннымъ свѣтомъ благоухающую комнату, которую она приготовила для него и легъ, содрогаясь отъ страха. Музыка прекратилась; тишина росла; ему показалось, что внезапная вспышка свѣта, не похожаго на лунный свѣтъ, пронеслась по всему дому; воздухъ становился до того чистымъ и легкимъ, что онъ съ трудомъ могъ дышать. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ; наконецъ ему стало невыносимо; онъ вскочилъ, на половину рыдая, на половину проклиная мѣсто, которое внушало ему такой страхъ; онъ рѣшилъ украсть деньги и вернуться назадъ въ болото. Онъ подошелъ къ шкапу и остановился; онъ не могъ подойти къ нему; непреодолимая, хотя и мягкая сила отталкивала его назадъ. Тихо вернулся онъ къ своей постели и легъ на нее, дрожа всѣмъ тѣломъ, какъ вдругъ онъ внезапно крѣпко заснулъ. Когда онъ проснулся, былъ уже яркій день; солнце сіяло и птицы пѣли. Онъ всталъ и убѣдился, что домъ былъ совсѣмъ пустой; и въ саду не было никого, кромѣ птицъ и жужжащихъ пчелъ; даже пони не было въ огороженномъ пространствѣ. Сердце въ немъ остановилось: онъ подумалъ, что она отправилась въ городъ, чтобы

предать его. И все же, несмотря на страхъ быть пойманнымъ, онъ медлилъ уходить. Вскорѣ онъ увидѣлъ легкую повозку, быстро приближавшуюся по дорогѣ. Онъ спрятался въ кустахъ и сталъ ждать; въ повозкѣ была его хозяйка, и когда онъ увидѣлъ ее, онъ вышелъ на половину устыженный за свои подозрѣнія.

„Я поѣхала на разсвѣтѣ въ городъ", сказала она весело. „Я ѣздила за одеждой. Вы просили у меня новаго платья. А вѣдь непріятно отказывать гостю. Я надѣюсь, что эта будетъ вамъ впору."

Онъ пробормоталъ что-то вродѣ благодарности.

„Возьмите же, сказала она, и онъ взялъ платье. Она взглянула на него.

„Бѣдный мальчикъ", сказала она. „Какой усталый у васъ видъ. Какой измученный, угрюмый и испуганный. Вы бы выкупались въ моей рѣчкѣ."

„Могу я распречь вашего пони?" спросилъ онъ покорно. Она кивнула головой и вошла въ домъ. Онъ распрегъ пони, а затѣмъ пошелъ къ свѣтлой заводи, на которую она указала ему, и выкупался тамъ; вода показалась ему не похожей на обыкновенную воду и на время она словно смыла съ него всю темноту грѣха. Онъ надѣлъ на себя новое платье, а свое зарылъ въ землю и немедленно забылъ о немъ. Затѣмъ онъ пошелъ къ дому; она встрѣтила его на порогѣ и положила свои прозрачныя руки на его плечи.

„Думаете ли вы уйти", спросила она, „или хотите остаться?"

„Остаться... но на сколько?"

„На сколько хотите—на день, недѣлю, на всю жизнь—никто не привелъ васъ сюда, и никто не отправитъ васъ отсюда, кромѣ васъ самихъ. Хотите остаться?"

Онъ глубоко вздохнулъ и въ немъ загорѣлось страстное желаніе остаться, ибо чары этого мѣста уже завладѣли имъ.

„Но меня возьмутъ, это такъ близко отъ... отъ тюрьмы."

„Никто не найдетъ сюда дороги," отвѣтила она съ яснымъ взглядомъ, „пока это не будетъ нужно. Вы можете работать въ моемъ саду до самаго Страшнаго Суда, и никто не увидитъ васъ, если только *они* не найдутъ этого нужнымъ."

„Кто такіе *они*?" прошепталъ онъ испуганно.

„Тѣ, что живутъ въ болотѣ", отвѣтила она, „ихъ множество, большихъ и малыхъ, мудрыхъ и не мудрыхъ, но всѣ они посвящены въ то, что скрыто отъ всѣхъ людей, кромѣ тѣхъ, которыхъ они любятъ."

Онъ молчалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ выкупался и перемѣнилъ одежду, онъ уже не боялся. Но онъ началъ испытывать стыдъ.

Когда онъ заговорилъ, слезы стояли въ его глазахъ.

„Я не могу остаться“, сказалъ онъ, „пока не скажу вамъ все.“

„Ну, такъ говори,“ сказала она, какъ мать своему сыну. Онъ сталъ на колѣни у ея ногъ и сказалъ ей много такого, что и самъ едва-ли понималъ; онъ разсказалъ ей о своемъ прошломъ, какъ оно ему представлялось; какъ онъ ненавидѣлъ своего брата и какъ, словно по волшебству, эта ненависть исчезла изъ его сердца навсегда; онъ разсказалъ, какъ онъ боялся, какъ пробовалъ ограбить ее, какъ подозрѣвалъ, что она предастъ его. Когда онъ кончилъ, она склонилась и поцѣловала его въ лобъ, и тогда онъ понялъ, что можетъ остаться. Въ эту ночь онъ видѣлъ, какъ кольцо изъ мерцающаго пламени опоясало домъ, садъ и заводь, и въ этомъ пламени онъ видѣлъ странные образы и слышалъ множество голосовъ, распѣвающихъ отрывокъ изъ какой-то великой мелодіи.

Послѣ этого онъ жилъ въ мирѣ и спокойствіи; онъ помогалъ расти цвѣтамъ и плодамъ и узнавалъ разговоръ птицъ. Онъ выставлялъ каждую ночь чашу съ молокомъ для маленькаго Болотнаго Народа, выбиралъ медовые соты въ опредѣленное время и учился обращаться съ роящимися пчелами. Однажды зимой, когда морозъ сковалъ всѣ воды, исключая заводи, онъ нашелъ женщину, оставившую его у себя, на полу у очага; сердце ея еще билось, но очень слабо, и глаза ея были закрыты. Онъ не могъ пробудить ее; онъ положилъ ее на постель и стоялъ рядомъ, тяжело дыша и вздрагивая. Онъ понималъ, что если исполнитъ свой долгъ, тогда придется оставить Садъ Свѣтлыхъ Грезъ и вернуться въ міръ, гдѣ онъ будетъ наказанъ за свой грѣхъ. Онъ долженъ пойти и привести къ ней доктора, а ближайшій докторъ жилъ въ тюрьмѣ. За время его пребыванія въ этомъ саду, все существо его измѣнилось до основанія; и поэтому душа его страдала и содрогалась при мысли о возвращеніи туда, откуда онъ бѣжалъ; въ тотъ жестокій міръ, который теперь, когда такъ сильно возрасла его чуткость, долженъ показаться ему въ тысячу разъ болѣе жестокимъ. Онъ боролся, а затѣмъ наклонился и тихо поцѣловалъ ее въ лобъ и глаза; послѣ этого онъ вышелъ и, осѣдлавъ пони, поспѣшилъ въ тюрьму. Тамъ онъ отдался въ руки правосудія, прося объ одномъ, чтобы къ больной была послана немедленная помощь. Докторъ отправился на розыски указаннаго

мѣста. Болотный Народъ допустилъ его, и онъ не увидѣлъ ничего необыкновеннаго, кромѣ того, что заводь не замерзла, что онъ приписалъ бьющимъ изъ-подъ земли ключамъ.

На слѣдующій день онъ увидалъ добровольно предавшаго себя заключеннаго, который былъ очень спокоенъ, тихъ и кротокъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Докторъ сказалъ ему, что женщина, ради которой онъ предалъ себя, была здорова. Она говорила доктору, что можетъ—по своему собственному желанію—впадать въ трансъ, и тогда ея душа отдѣлялась отъ тѣла и могла странствовать вездѣ, гдѣ пожелаетъ. „Она подвержена припадкамъ,“ сказалъ докторъ, „она нервно больная и, по всѣмъ вѣроятностямъ, анемична.“

Каргэзъ, который понялъ, что навлекъ на себя совершенно ненужныя страданія, не сказалъ ничего. На слѣдующее утро его нашли въ тюремной камерѣ окоченѣлымъ и совсѣмъ безъ пульса. Его перенесли въ больницу, и тамъ онъ пролежалъ съ еле замѣтнымъ біеніемъ сердца цѣлый день и цѣлую ночь. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня онъ вздрогнулъ, открылъ глаза и заговорилъ какъ безумный о вещахъ, совершенно неизвѣстныхъ его тюремщикамъ, а затѣмъ поднялся и сѣлъ, повидимому совсѣмъ здоровый.

Вскорѣ послѣ этого два слуха распространились между его тюремщиками; одинъ, что Каргэзъ (хотя въ тюрьмѣ онъ назывался номеромъ, а не именемъ) сошелъ съ ума, другой, что въ его камерѣ водится нечистая сила. Онъ не только измѣнился въ манерахъ, но и самое лицо его приняло иной видъ: на немъ появилась печать юности, печать безсмертія, не подверженнаго перемѣнамъ времени; замѣтили, что онъ видитъ такое, что не видно другимъ и прислушивается къ звукамъ, которые для другихъ не слышны.

Когда его сталъ распрашивать докторъ и тюремный священникъ, его отвѣты не были ясны, хотя онъ велъ себя при этомъ очень кротко и почтительно съ допрашивающими. Въ его камерѣ часто появлялся запахъ дикаго тимьяна, розъ, бѣлыхъ лилій, левкоевъ, гвоздики и жимолости, а также запахъ медоноснаго вереска. Слышно было также жужжанье пчелъ, пѣнье птицъ, журчанье ручья, звуки нѣжныхъ голосовъ и мелодическій перезвонъ тихой музыки, нѣжной и призрачной.

Однажды, когда онъ впалъ въ то, что докторъ называлъ „каталептическое состояніе,“ младшій тюремщикъ изъ горной Шотландіи увидалъ странную вещь, которая заставила его относиться къ заключенному съ почтеніемъ и страхомъ. Въ то время,

когда Каргэзъ лежалъ окоченѣлый и безсознательный въ теченіе дня и ночи—обычный срокъ его транса—тюремщикъ увидалъ, какъ онъ шелъ черезъ краснѣющее болото совершенно свободно и съ нимъ былъ человѣкъ, окруженный сіяніемъ; этотъ человѣкъ былъ одѣтъ въ зеленую мантію, застегнутую золотой застежкой, и на его шеѣ виднѣлась золотая цѣпь; у него были босыя ноги и отъ нихъ струился свѣтъ, освѣщавшій дорогу, по которой они шли; въ рукѣ онъ держалъ вѣтвь, покрытую цвѣтами, похожую на терновникъ; рядомъ съ нимъ шла женщина, не молодая, но прекрасная старческой красотой, съ глазами, въ которыхъ свѣтилась тайна вѣчной юности. Та тайна, которая ускользаетъ отъ людей здѣсь, на землѣ, ибо они видятъ лишь тѣнь отъ нея въ глазахъ тѣхъ, кого они любятъ, а тѣни убѣгаютъ и обманываютъ тѣхъ, кто гонится за ними.

Подъ конецъ Симонъ Каргэзъ отбылъ положенное за его вину наказаніе и освободился тѣлесно; душа его научилась освобождаться еще ранѣе, ибо три урока выучиваются людьми въ Саду Свѣтлыхъ Грезъ: они научаются познавать, любить и быть свободными. И всѣ три урока составляютъ одно.

Въ самомъ началѣ весны онъ пошелъ къ мѣсту, охраняемому Болотнымъ Народомъ. На мосту его ожидала та, которая жила здѣсь такъ долго; она встрѣтила его свѣтлымъ привѣтомъ.

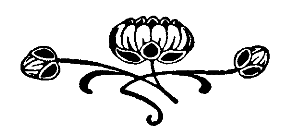
„Знаешь ли,“ сказала она, „что ты будешь жить здѣсь, когда я уйду? Пришло время передать тебѣ все, что я получила отъ отца моего; завтра я совсѣмъ уйду. Держи дверь всегда открытой, и золото не запертымъ. И никогда не бойся никого, кто придетъ сюда. Теперь я скажу тебѣ то, чего еще не говорила. Сюда люди могутъ приходить только въ одиночку, и ты не долженъ никогда смущаться видомъ ихъ одеждъ. Расти цвѣты, окапывай деревья и собирай медъ; только смотри, никогда не продавай ни плодовъ, ни меда, а отдавай ихъ даромъ всѣмъ, кто умѣетъ цѣнить ихъ.“

Сказавъ это, она радостно поцѣловала его и передала ему дарственный актъ на всѣ свои владѣнія и надѣла свое кольцо на его палецъ. На другое утро онъ ее нашелъ мертвой на кровати, и вся она была усыпана бѣлыми и розовыми лепестками отъ цвѣтущихъ деревьевъ.

Если меня спросятъ: истинная ли эта исторія, я скажу, что отчасти она истинна, а отчасти—нѣтъ. То, что въ ней не истиннаго, похоже на блестящій мыльный пузырь, который выдувается ребенкомъ въ минуты забавы; а то, что въ ней истинно, есть

двоякая истина: одна происходитъ въ часы бодрствованія, а другая въ часы грезъ. Мудрые люди говорятъ, что истина—одна и не можетъ быть раздѣлима. Несомнѣнно, это и для насъ будетъ такъ, когда мы перейдемъ за предѣлъ бодрствованія и за предѣлъ грезъ. Первая истина была разсказана драматическому писателю докторомъ; часть второй истины, истины грезъ, я пытался разсказать сейчасъ, какъ умѣлъ.

Пер. съ англ. **Е. П.**

Изреченія изъ Упанишадъ.

Мы объявляемъ священное ученіе о сліяніи подъ пятью заглавіями: По отношенію къ міру, къ свѣту, къ знанію, къ отпрыску рода, а также и къ „я" (Self). Таковы великія сочетанія; такъ они именуются.

Что касается міра, то земля первый элементъ, второй—небо. Пространство между ними есть ихъ сліяніе, а воздухъ является средствомъ ихъ сліянія. Это относится къ міру.

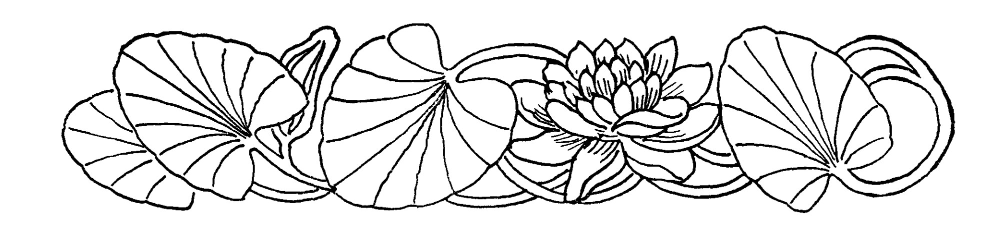
По отношенію къ свѣту: огонь есть первый элементъ, второй—солнце; ихъ сліяніе вода. Молнія является средствомъ ихъ сліянія. Это относится къ свѣту.

Теперь о знаніи: Учитель есть первый элементъ, второй элементъ ученикъ; мудрость—ихъ сліяніе. Обученіе есть средство ихъ сліянія. Это относится къ знанію.

Теперь объ отпрыскѣ рода: мать есть первый элементъ, второй элементъ отецъ; отпрыскъ—ихъ сліяніе. Посредствомъ творчества они соединяются. Это относится къ отпрыску.

Теперь относительно нашего „я". Нижняя челюсть есть первый элементъ, верхняя—второй элементъ; ихъ сліяніе—рѣчь. Языкъ есть средство, посредствомъ котораго онѣ сливаются. Это относится къ „я". Таковы великія сочетанія.

Тотъ, кто знаетъ эти великія вышеизложенныя сочетанія, испытываетъ сліяніе съ сіяніемъ Брамы, съ отпрыскомъ его, съ родственнымъ ему, съ пищею его и со всѣмъ небеснымъ міромъ.

Забытые колосья.

Жгучее солнце огненнымъ дыханьемъ палитъ безконечно длинную равнину, засѣянную пшеницей. Жнецы изнемогаютъ, а передъ ними сомкнутой стѣной, точно посмѣиваясь, стоятъ густымъ, непроходимымъ лѣсомъ тонкіе, искрасно-золотистые стебли и клонятъ свои спѣлые, тяжелые колосья.

Жарко.

Душно.

Жажда мучитъ жнецовъ, но они боятся ее утолять,—сзади нихъ, рабовъ богача Вооза, съ длиннымъ бичемъ въ рукахъ ходитъ, медленно шагая, злой и хитрый надсмотрщикъ.

Его бичъ такъ безжалостно врѣзывается въ тѣло того, кого онъ сочтетъ за лѣниваго.

Нѣтъ! лучше терпѣть жажду, пока есть силы, чѣмъ выпить глотокъ воды и ждать, что взовьется бичъ и просвиститъ въ воздухѣ.

Тутъ, среди поля есть чужеземка, она отстала отъ жнецовъ и собирала колосья.

Что же это значитъ?

Ее видитъ надсмотрщикъ и не гонитъ прочь. Онъ не отрываетъ отъ нея глазъ и его бичъ, свернувшись змѣей, лежитъ покорно у его ногъ.

Оглядываются на нее украдкой жнецы.

Она притягиваетъ....

Она такъ обаятельно-хороша!

Но вотъ по дорогѣ заклубилась пыль; быстрѣе зашагалъ надсмотрщикъ, живѣй замелькали серпы въ привычныхъ рукахъ, чаще и чаще стали падать спѣлые колосья.

— Кто это тамъ собираетъ мои колосья?

Спросилъ, подъѣзжая и соскакивая съ мѣднокованной колесницы, Воозъ.

— Что за женщина?

— Это.... это... отвѣчалъ, запинаясь надсмотрщикъ—это Руѳь, Моавитянка.

— Позвать сюда ее....

Легко и красиво подошла моавитянка къ властелину.

— Что ты дѣлаешь на моихъ поляхъ, спросилъ грозно Воозъ.

— Я собираю забытые колосья.

— Они мои....

— Развѣ ты, господинъ, будешь сердиться за это? Они забыты жнецами и достанутся птицамъ. Развѣ я не могу ихъ взять?

— Зачѣмъ тебѣ колосья?

— Когда ты хочешь ѣсть, ты прикажешь—и слуги подадутъ, что ты пожелаешь. У меня старая бабушка. Что могу дать я ей?... Она плачетъ, когда голодна.

Слезы блеснули на чудныхъ глазахъ дѣвушки, мука и безъисходная тоска затуманили ея лицо.

Воозъ стоялъ пораженный.

— Развѣ рабы страдаютъ!

Онъ зналъ, что они, какъ животныя, исполняютъ волю господина—и только.

— Что дамъ я бабушкѣ, когда она попроситъ ѣсть? Въ нашей странѣ голодъ. Покорностью судьбѣ его нельзя утолить.

— Голодъ!... бабушка проситъ ѣсть....

А что если?... Если-бы я не могъ дать ѣсть моей бабушкѣ.... я люблю ее.... я такъ люблю ее....

Когда-то на ея колѣняхъ я слушалъ лучшія сказки.... Она такъ ласкала всегда.... и ей.... ей.... я не могъ бы дать куска хлѣба.... Я люблю ее.... Я умеръ бы, видя, что она голодна. О, нѣтъ.... такой муки я еще не зналъ никогда. Скорѣй на помощь, скорѣй!

И Воозъ приказалъ до верху наполнить арбы мѣшками съ зерномъ и повернулъ ихъ въ страну голода....

Тамъ много слезъ....

Ночью Руѳь видѣла прекрасный сонъ. Ей снилось, что всѣ богатые нагрузили полныя колесницы и поспѣшили въ страну, откуда она пришла.

Тамъ умирали со стонами и проклятіями голодные....

Подъѣхали колесницы.

Изъ нихъ вышли люди. Въ сердцахъ этихъ людей разгорался все ярче и ярче пламень братской любви.

Не устоялъ голодъ передъ этимъ могучимъ пламенемъ.

Взмахнулъ онъ длинными сухими, колючими крыльями и со стаей своихъ прислужниковъ скрылся за уходящія въ даль черныя тучи.

Ек. Гай-Сагайдачная.

Теософическій съѣздъ въ Генуѣ.

Въ началѣ сентября с. г. въ Генуѣ собралось около двухсотъ теософовъ, рѣшившихъ, не смотря на отсутствіе Президента международнаго Теософическаго Общества, провести нѣсколько дней въ совмѣстной, дружеской работѣ. Руководителемъ собраній была выбрана А. А. Каменская, представитель Р. Т. О-а.

Собранія происходили правильно 15, 16 и 17 сентября, въ одной изъ аудиторій проф. Пенцига при Ботаническомъ садѣ около Университета.

Въ первый день, 15-го, А. А. Каменская предложила поставить на обсужденіе нѣкоторые для всѣхъ интересные вопросы о методахъ работы.

Первый вопросъ былъ: что такое теософическая работа? какъ понимать работу теософа въ мірѣ? *).

По этому вопросу среди собравшихся обнаружилось ясно два теченія: одни были склонны считать теософической только работу на высшихъ планахъ; другіе видѣли теософическую работу главнымъ образомъ въ активномъ служеніи на физическомъ планѣ. Произошелъ оживленный обмѣнъ мнѣній, который привелъ собраніе къ признанію необходимости обоего рода работы. Корень всякой разумной дѣятельности на физическомъ планѣ находится въ мысли; всякая-же глубокая и серьезная работа мысли неизбѣжно выливается въ опредѣленную дѣятельность на физическомъ планѣ. Слѣдовательно обѣ линіи работы тѣсно и неразрывно связаны другъ съ другомъ.

---

*) Пренія велись на французскомъ и англійскомъ языкахъ.

Представители различныхъ національныхъ Обществъ (Голландіи, Америки, Франціи, Швеціи, Германіи, Венгріи, Швейцаріи, Испаніи, Болгаріи, Италіи и Россіи) познакомили собравшихся съ работой ихъ Секцій.

Обнаружилось, что въ Италіи идетъ главнымъ образомъ пропаганда литературнаго характера, посредствомъ библіотекъ и книгъ. Въ Голландіи организуются часто теософическіе съѣзды (3—4 раза въ годъ), которые сильно помогаютъ движенію. Въ Америкѣ много дѣлается посредствомъ разнообразныхъ лигъ и союзовъ. Во Франціи Т. О-во стремится вступить въ дружеское общеніе съ другими родственными движеніями; такъ, напримѣръ, съ движеніемъ Эсперантистовъ и съ теченіями новой педагогіи. Каждая страна обрисовала главныя черты теософической работы у себя и получилась интересная, яркая картина дѣятельности міроваго движенія, окрашенная историческими національными особенностями.

Второй день былъ посвященъ обсужденію работы при, такъ называемомъ, Орденѣ Служенія. Обнаружилась разнообразная дѣятельность національныхъ обществъ въ сферѣ гуманитарно-филантропической.

Въ Италіи сдѣланы попытки образовать тюремныя попечительства, задача которыхъ призрѣніе, обученіе и воспитаніе малолѣтнихъ преступниковъ. Организована также интересная работа обученія и воспитанія уличныхъ дѣтей посредствомъ чтеній, бесѣдъ и экскурсій.

Въ Голландіи устраиваются разнообразные курсы, чтенія и лекціи съ цѣлью познакомить общество съ вопросами духовными. Секція задумала составить общее руководство по Закону Божьему для объединенія многочисленныхъ Голландскихъ сектъ.

Во Франціи Т. Обществу удалось образовать нѣсколько ячеекъ-школъ новаго типа, школъ-колоній, ведущихъ дѣло воспитанія въ семейной формѣ маленькихъ группъ, объединенныхъ дружнымъ трудомъ и довѣріемъ. Особенно интересно было сообщеніе И. М. Манціарли, основательницы рабочаго клуба *) „Лотоса“ въ Парижѣ. Въ этомъ интересномъ учрежденіи читаются различныя научныя лекціи, которыя собираютъ многочисленную публику. Этотъ маленькій университетъ организованъ и держится теософами.

Въ Англіи сдѣлано много для слѣпыхъ.

---

*) О Лотосѣ было особое сообщеніе въ „В. Т.“, 1910 г.

Въ Швейцаріи дѣлаются попытки заронить интересъ къ духовной жизни черезъ искусства.

Представитель Испаніи разсказалъ о „Круглыхъ Столахъ", являющихся попыткой создать дѣтей-рыцарей.

Въ концѣ собранія были поставлены вопросы:

1. Долженъ-ли теософъ стремиться къ работѣ въ другихъ просвѣтительныхъ движеніяхъ или сосредоточить свою энергію на работѣ въ Т. О-вѣ?

2. Долженъ-ли теософъ работать всюду въ мірѣ какъ *теософъ*— или исполнять теософическую работу, не называя ее по имени?

Собравшіеся послѣ горячихъ дебатовъ, пришли къ заключенію, что каждый теософъ долженъ рѣшить индивидуально свою линію и методы работы, но что теософъ не долженъ скрывать своего знамени: онъ долженъ лишь учиться достойно и мудро его нести.

Собраніе началось и закончилось музыкой. А. В. Унковская сыграла на скрипкѣ каватину Раффа, а въ концѣ—хоръ русскихъ исполнилъ „Отче нашъ", сочиненія А. В. Унковской. Музыка сильно подняла настроеніе собранія и содѣйствовала успѣшному ходу работъ. „Отче нашъ" произвело громадную сенсацію своей красотой и сильно взволновало собравшихся, выслушавшихъ его торжественно, стоя.

Третій день начался также музыкальнымъ номеромъ, дивно исполненнымъ А. В. Унковской на скрипкѣ. Затѣмъ, по просьбѣ Итальянской Секціи, А. А. Каменская сдѣлала докладъ: „Русскіе барды и Теософія въ Россіи". Докладъ касался странничества въ различныхъ его формахъ и далъ представленіе о современныхъ трубадурахъ Россіи: В. Даниловѣ и А. Добролюбовѣ. За докладомъ, вызвавшимъ большой интересъ, послѣдовало еще разъ исполненіе „Отче нашъ", А. Унковской.

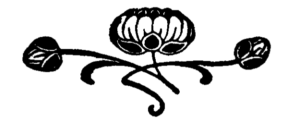
Послѣ перерыва теософы собрались у членовъ Итальянской Секціи, г. и г-жи Кирби. Въ большомъ залѣ средневѣковой виллы г.г. Кирби, А. В. Унковская сдѣлала докладъ о своей работѣ: „Метода цвѣтъ—звукъ—число". Послѣ доклада состоялись чаепитіе и концертъ, въ которомъ принимали участіе А. Унковская, гр. С. Толстая и г. Кирби.

Въ понедѣльникъ теософы еще разъ собрались у проф. Пенцига. Было произнесено нѣсколько прощальныхъ рѣчей. Итальянская Секція благодарила собравшихся за помощь въ общей работѣ и съ особенно горячей благодарностью обращалась къ русской колоніи. Въ томъ-же смыслѣ высказывались и предста-

вители другихъ Національныхъ Обществъ. Особенно прочувственную рѣчь сказалъ г. Гюбде-Шлейденъ, лично знавшій Е. П. Блаватскую и являющійся въ настоящее время старѣйшимъ членомъ Т. О-ва.

Вечеромъ членами Итальянской Секціи было устроено чаепитіе на терассѣ Ботаническаго сада, прилегающей къ Университету и возвышающейся надъ моремъ. Тысяча огней, зажженыхъ на судахъ гавани, разноцвѣтные снопы свѣта, бросаемые подвижнымъ маякомъ на волны Генуэзскаго залива и звѣздное небо надъ нами составляли прекрасную, незабвенную картину. Въ саду темнѣли пальмы въ причудливомъ освѣщеніи одинокихъ лучей, падавшихъ на нихъ съ огней терассы, а на терассѣ сидѣли группами теософы и тихо бесѣдовали о значеніи только-что промелькнувшихъ, важныхъ дней. Всѣ чувствовали ихъ глубокое значеніе и всѣ разставались радостные и взволнованные, сознавая себя тѣсно сплоченными членами одной великой всемірной семьи.

Alba.

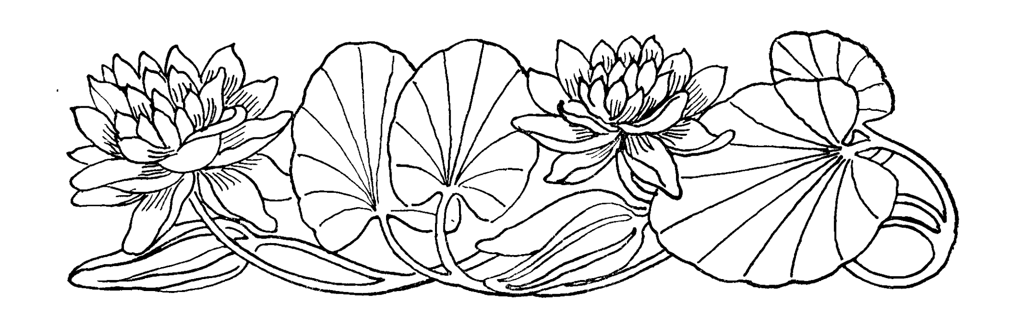

Да укрѣпитъ меня мудростью онъ, который есть Омъ, пастырь воспѣвающихъ болѣе могущественный, чѣмъ всѣ пѣснопѣнія, проявившійся отъ безсмертія, Господь всемогущій! Да смогу я охватить мыслью безсмертіе, о Боже! Да будетъ мое тѣло быстро; да станетъ мой языкъ слаще меда; да научусь я въ полнотѣ внимать ушами! Ты (Омъ) еси завѣса Бога, скрытаго въ мудрости. Охрани то, чему я научился.

Да выучусь я и очищусь въ рѣкѣ тысячи потоковъ, которая есть Твое „Я", Какъ воды изливаются на землю, какъ мѣсяцы завершаются въ смерти дней (годахъ), такъ да будутъ ко мнѣ подходить со всѣхъ сторонъ тѣ, которые стремятся къ браману.

Ты еси мое убѣжище, возсіяй надо мною, о, проявись во мнѣ!

(Изреченія изъ „Упанишадъ").

Хроника Теософическаго движенія.

═ 22 сентября, Президентъ Теософическаго Общества, А. Безантъ отправилась изъ Бриндизи въ Индію.

═ Венгерское Теософическое О-во пригласило А. Каменскую, предсѣдательницу Р. Т. О-ва, прочитать лекцію въ Буда-Пештѣ. А. Каменская приняла приглашеніе и отправилась въ Венгрію вмѣстѣ съ А. В. Унковской. 27 сентября А. Каменская прочла въ помѣщеніи Теософическаго О-ва въ Буда-Пештѣ лекцію на тему: „Миссія Теософическаго Общества". А. Унковская сдѣлала сообщеніе: „Метода цвѣтъ—звукъ—число". Докладъ сопровождался музыкальными иллюстраціями. Въ началѣ и концѣ вечера были исполнены музыкальные №№ А. В. Унковской.

═ 26 октября, въ помѣщеніи женскаго В. Б. О-ва, состоялось первое открытое собраніе Р. Т. О-ва. Членъ Совѣта, Ц. Гельмбольдтъ, сдѣлала сообщеніе: „Основныя положенія Теософіи".

═ Въ Нью-Іоркѣ образовалась Теософическая школа науки, религіи и искусствъ. Во главѣ ея стоитъ членъ Т. О-ва г-жа Анни Макъ-Квинъ.

═ За истекшій мѣсяцъ г. Ледбитеръ, въ сопровожденіи г. І. ванъ-Манена, сдѣлалъ турнэ по острову Явѣ, гдѣ происходитъ оживленная теософическая работа.

═ Въ Лондонѣ купленъ Т. О-мъ участокъ земли для главной квартиры. Приступлено уже къ постройкѣ дома, въ которомъ будутъ помѣщаться библіотека, залъ собраній и комнаты для занятія членовъ. Зданіе будетъ торжественно открыто весною въ присутствіи Президента, А. Безантъ, которая съ этой цѣлью пріѣдетъ изъ Индіи.

═ Чрезвычайно оживленно идетъ работа въ Бирмѣ, которую весной посѣтили Президентъ и Алкіонъ въ сопровожденіи многихъ друзей. Открылось нѣсколько центровъ, организовались теософическія библіотеки и началась издательская дѣятельность.

═ Въ Брестѣ открылся новый теософическій центръ.

═ Г. Рафаэль де-Альбеаръ снова избранъ представителемъ Теософическаго Общества на о. Кубѣ и въ Центральной Америкѣ.

═ Скончались два выдающихся работника Французской Секціи: Л. Ревель, основатель газеты „Le Théosophe“ *) и авторъ ряда интересныхъ книгъ: Les mystiques devant la science, L'évolution de la vie et de la conscience, Vers la fraternité des religions; и Феликсъ Габоріо, основатель „Lotus bleu“, одинъ изъ старѣйшихъ членовъ Теософическаго Общества, работавшихъ при самомъ возникновеніи движенія.

═ По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ августѣ, д-ръ Р. Штейнеръ читалъ въ Мюнхенѣ отъ 18 до 27 августа серію лекцій: „Міровыя чудеса, Испытанія души и Откровенія духа“. До начала этого цикла были исполнены три мистеріи: Елевзинская мистерія, Э. Шюре (13 августа); Врата посвященія, д-ра Штейнера (15 августа); Испытанія души (17 августа).

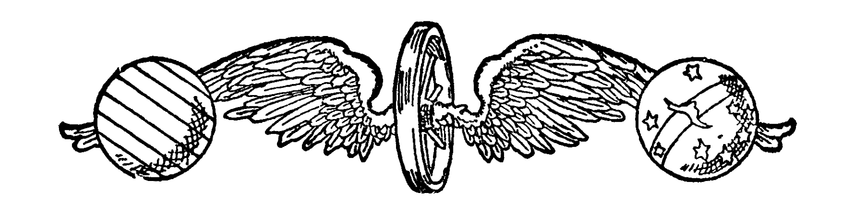
Познавшій Бога свободенъ отъ всѣхъ оковъ.

И знающій, и невѣдующій оба нерожденные, могущественные и безсильные; нерожденная также и она, обнимающая въ своей груди всѣ предметы, доступные чувствамъ. Но когда безконечное Я, вполнѣ завершенное и свободное отъ дѣятельности, познаетъ эту тріаду, то оно вступаетъ въ состояніе Брахмы.

Изреченія изъ „Упанишадъ“.

---

*) Rue Marguerin, Paris.

Обозрѣніе Теософической литературы.

„The Theosophist" даетъ статью о Кармѣ А. Безантъ *). Ч. Ледбитеръ посвящаетъ длинную статью тираніи общественнаго мнѣнія, онъ говоритъ: часто, когда мы принуждены дѣйствовать противъ своихъ желаній и настроеній, мы утѣшаемъ себя, что мысль, по крайней мѣрѣ, совершенно свободна. Но это одна изъ большихъ иллюзій человѣчества. Мысль обыкновеннаго человѣка не свободна. Она скована предразсудками національными, религіозными, классовыми и только терпѣливой работой и постоянными усиліями она освобождается и человѣкъ начинаетъ думать самостоятельно. Это происходить потому, что вся атмосфера, насъ окружающая, полна опредѣленныхъ мыслеобразовъ и теченій, которые постоянно воздѣйствуютъ на насъ. Тенденція каждаго мыслеобраза воспроизвести себя и такъ какъ онъ заряженъ вибраціей извѣстной высоты, то онъ вызываетъ въ ментальныхъ и астральныхъ тѣлахъ, съ которыми приходитъ въ соприкосновеніе, наклонность вибрировать совершенно подобнымъ же образомъ.

Если человѣкъ даже настолько силенъ, что можетъ противиться напору мыслеобразовъ общественнаго мнѣнія или какого-нибудь теченія, то все же онъ постоянно окруженъ ими и если онъ не будетъ настороже, то въ минуту слабости они немедленно окажутъ свое вліяніе на него. Наиболѣе замѣтна тиранія общественнаго мнѣнія въ вопросахъ политическихъ и религіозныхъ, но она не менѣе сильно проявляется также и въ обыденной нашей жизни, въ сферѣ мелкихъ вопросовъ, которые чаще всего рѣшаются обычаемъ и привычкой. Человѣкъ, стремящійся къ духовной жизни, долженъ сильно работать, чтобы думать самостоятельно и видѣть вещи, какъ онѣ есть, а не такъ, какъ ихъ

*) Статья появилась въ ноябрьской книжкѣ В. Т.

видитъ большинство другихъ людей. Это особенно важно въ сферѣ этики, гдѣ часто вполнѣ порядочные люди позволяютъ себѣ руководствоваться правилами, давно установленными, не провѣривъ ихъ нравственную цѣнность. Такъ напримѣръ, человѣкъ, который не въ состояніи солгать своему другу или знакомому изъ общества, мгновенно мѣняетъ свое понятіе о чести, какъ только входитъ въ свою контору или магазинъ. Тиранія общественнаго мнѣнія особенно ярко замѣчается въ случаяхъ злословія и клеветы. Напримѣръ, мы ничего не имѣемъ противъ человѣка, но мы знаемъ, что кто-то о немъ думаетъ дурно и это часто создаетъ невольное предубѣжденіе противъ него. Даже среди самыхъ подвинутыхъ людей многіе еще не освободились отъ цѣлаго ряда предразсудковъ и безпокоются о томъ, что думаютъ о нихъ другіе. Мы должны понять законы, управляющіе мірами и выработать въ себѣ силу излучать только благія вибраціи, безъ желанія произвести какое бы то ни было давленіе на другихъ, но всегда готовые отстоять право своего самостоятельнаго мышленія для себя.

И. ванъ-Маненъ даетъ статью „Теософія въ искусствѣ". Въ этомъ очеркѣ онъ разсматриваеть серію чрезвычайно интересныхъ картинокъ—открытокъ, составленныхъ и собранныхъ членомъ Теософическаго Общества Остерманомъ. Первая и вторая картина этой серіи аллегорически изображаютъ дѣйствіе закона перевоплощенія. На первой человѣкъ вступаетъ на послѣднюю ступень крутой лѣстницы, наверху которой стоитъ храмъ. На воротахъ огненными очертаніями изображена печать Теософическаго Общества; по обѣ стороны вратъ возвышаются двѣ колонны, на которыхъ изображены символы всѣхъ религій и имена многихъ народовъ. Неофитъ держитъ въ рукѣ ключъ, которымъ собирается открыть дверь; въ другой рукѣ онъ держитъ пальмовую вѣтку побѣды.

На второй картинѣ духъ человѣка, обнаженный и одинокій, опирается на колесо съ семью спицами, колесо эволюціи, и размышляетъ о своемъ эволюціонномъ движеніи черезъ вѣка. Въ обширной панорамѣ онъ видитъ исторію своей жизни, свое прошлое и будущее; изъ туманнаго облака онъ видитъ себя проходящимъ черезъ скалы, растенія и черезъ царство животныхъ. Отъ дикаря до высоко развитого человѣка проходятъ въ образахъ всѣ его воплощенія, изъ которыхъ послѣднее находитъ себѣ выраженіе въ образѣ святого, возвращающагося домой къ источнику, изъ котораго онъ изошелъ.

Третья картина представляетъ опять человѣка, размышляющаго надъ своей судьбой, его окружаютъ яркія картины его воплощенія въ связи съ его дурной и хорошей кармой.

Четвертая и пятая картина посвящаются единству религій. На первой стоитъ надпись: „Истина сіяетъ черезъ всѣ религіи". Картина изображаетъ свѣтъ, разливающійся рядомъ сіяющихъ сноповъ—языковъ живого огня, которые съ неба сходятъ на храмы всѣхъ міровыхъ религій. Передъ каждымъ храмомъ стоитъ священникъ въ облаченіи своего вѣроисповѣданія. Картина пятая выражаетъ ту же идею: молодой странникъ, съ посохомъ въ рукахъ, склоняется къ ногамъ отшельника, который указываетъ ему на единство окружающихъ ихъ всемірныхъ символовъ, объединенныхъ печатью Теософическаго Общества.

Шестая картина изображаетъ старую и новую вѣру въ видѣ двухъ статуй. Старую скрываютъ спускающіяся облака, новую озаряетъ восходящее солнце. Послѣдняя картина изображаетъ путь скорби, преображенный въ путь радости. Нарисованы два креста: на первомъ распятый ученикъ изнемогаетъ отъ страшныхъ мукъ, на второмъ онъ радостно отдаетъ себя для спасенія міра.

Въ статьѣ „Идеальные образы оккультной традиціи" авторъ Л. Ревель указываетъ на эзотерическое значеніе философіи Платона, на знаніе великаго философа древняго языка посвященныхъ, языка символовъ и дѣлаетъ любопытныя сопоставленія между египетскими іероглифами и библейскими образами католической Церкви.

Дается біографія извѣстнаго дѣятеля теософическаго движенія, представителя Испаніи, синьора Дона Джозе Шифре. С-ръ Шифре одинъ изъ старѣйшихъ членовъ Теософическаго Общества и глубокій почитатель Е. П. Блаватской, которую онъ зналъ и любилъ. Онъ принадлежитъ къ высшему обществу, имѣетъ хорошее образованіе, знаетъ много языковъ и работаетъ много лѣтъ на нивѣ Теософіи въ Испаніи, не смотря на чрезвычайно неблагопріятную атмосферу, создаваемую тамъ клерикализмомъ. Исключительно своими средствами онъ до сихъ поръ поддерживаетъ органъ движенія „Sophia". Въ настоящее время онъ мечтаетъ объ открытіи Испанской секціи и есть надежда, что его мечта скоро осуществится.

Теософическая газета, основанная Л. Ревел'емъ „Le Theosophe" полна интереснаго матеріала. За лѣтніе мѣсяцы она даетъ резюме лекцій, читанныхъ президентомъ, А. Безантъ, въ Парижѣ: „L'évolution humaine", „Le Sentier des initiés", „Le message de G. Bruno au monde". Послѣдніе №№ сопровождаются портретами А. Безантъ, Дж. Бруно, Е. Блаватской, Г. Олькотт'а, Ч. Ледбитера и Алкіона.

Американскій Вѣстникъ „Theosophic Messenger" открывается рѣчью А. Безантъ на Лондонскомъ митингѣ женщинъ въ Албертъ-

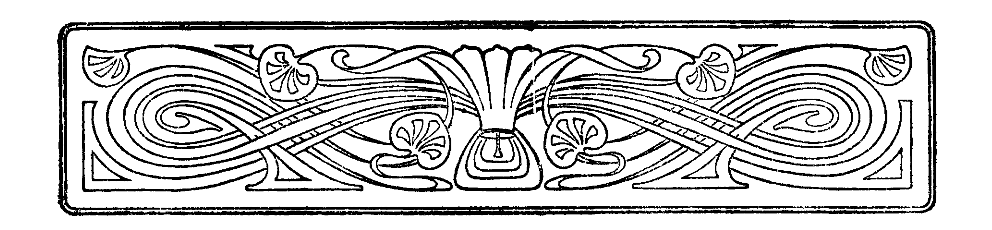
Голь *) и статьей Е. М. В. о „домѣ съ призраками“, въ которой разсказывается рядъ непріятныхъ инцидентовъ, постигшихъ семью теософовъ, переселившихся въ домъ, гдѣ прежде жили люди озлобленные и съ преступными намѣреніями. Домъ былъ полонъ мрачныхъ и гнѣвныхъ мыслеобразовъ и новымъ обитателямъ понадобилось 4 года, чтобы очистить его атмосферу.

К. Бэтъ объясняетъ символическое значеніе лотоса. Общее значеніе этого всемірнаго символа: воплощеніе идеи въ матерію, переходъ божественной мысли изъ плана абстракціи въ форму конкретную, видимую. И потому Богъ-Творецъ Индусовъ и Египетскій Богъ Горусъ оба изображаются стоящими на лотосѣ. Въ Св. Писаніяхъ этихъ народовъ Брахма и Горусъ именуются „двигающими воды“, что совпадаетъ съ Духомъ, носящимся надъ лицомъ водъ въ книгѣ Бытія. Цвѣтокъ лотоса символизируетъ также нашу солнечную систему, при чемъ золотая пыль сѣмянъ въ чашечкѣ изображаетъ центральное солнце или сердце солнечнаго Логоса, а семь лепестковъ напоминаютъ о семи планетарныхъ цѣпяхъ. Таково космическое значеніе лотоса. Какъ растеніе, оно символизируетъ человѣка, который, на подобіе корней лотоса, спускается въ тину физическаго плана и поднимается черезъ астральный планъ (воду) къ высшему, ментальному (воздуху), въ которомъ раскрывается цвѣтокъ его души на встрѣчу выходящему солнцу духовной жизни. Со временемъ на западѣ лотосъ превращается въ водяную лилію, а затѣмъ въ бѣлую лилію нашихъ садовъ. Дэва (свѣтлый ангелъ) возвѣщаетъ Мага Майя, матери Гаутамы Будды о рожденіи божественнаго дитяти, держа въ рукахъ лотосъ; архангелъ Гавріилъ держитъ лиліи въ рукахъ, привѣтствуя Пресвятую Дѣву Марію, какъ Богородицу. То-же значеніе получаетъ въ средневѣковой живописи ирисъ. Лотосъ, лилія и ирисъ по формѣ напоминаютъ пламя и потому являются „вѣстниками свѣта“. Ирисъ и лилія подобны факелу; лотосъ—лампѣ. Всѣ эти растенія нуждаются для роста своего въ избыткѣ солнца и воды, что является символомъ соединенія духа и матеріи. Своимъ бѣлымъ цвѣтомъ лотосъ и лилія говорятъ о любви и чистотѣ, которыя сливаются въ божественную мудрость, принимающую въ себя всѣ цвѣтные лучи спектра и не отбрасывающую ни одного; они являютъ собою такимъ образомъ, символически, могучую гармонію единой, Божественной Жизни.

Alba.

---

*) Резюме этой рѣчи приведено въ „Дневникѣ Теософа“, В. Т., № 7—8.

Хроника жизни.

— Рѣдкій историческій документъ. Великаго историческаго значенія открытіе, устанавливающее точную дату дня смерти Спасителя, сдѣлано въ капеллѣ Казерты, гдѣ по свѣдѣніямъ общества искусства въ Парижѣ недавно найдена доска съ надписью на древне-еврейскомъ языкѣ, изображающею текстъ смертнаго приговора, произнесеннаго намѣстникомъ Понтіемъ Пилатомъ.

Переводъ надписи, который порученъ былъ коммисіи общества искусствъ въ Парижѣ, гласитъ слѣдующее:

„Приговоръ, произнесенный Понтіемъ Пилатомъ, намѣстникомъ нижней Галилеи, гласящій, что Іисусъ изъ Назарета долженъ понести смерть на крестѣ. Въ семнадцатый годъ правленія Кесаря Тиберія и въ двадцатый день мѣсяца марта въ священномъ городѣ Іерусалимѣ, когда Анна и Каіафа были первосвященниками Божіими, Понтій Пилатъ, намѣстникъ нижней Галилеи, сидя на президентскомъ стулѣ, приговариваетъ Іисуса изъ Назарета къ смерти на крестѣ между двумя преступниками, такъ какъ большія и достовѣрныя свидѣтельства народа говорятъ, что 1) Іисусъ—возмутитель, 2) Іисусъ—совратитель, 3) Іисусъ — врагъ закона, 4) Іисусъ ложно именуетъ Себя Сыномъ Бога, 5) Іисусъ вступилъ въ храмъ, окруженный толпой народа, несущаго въ рукахъ пальмовыя вѣтви. И приказываетъ первому центуріону Квирилію Корнелію вести Его на мѣсто казни и воспрещаетъ всѣмъ, какъ бѣднымъ, такъ и богатымъ людямъ препятствовать смерти Іисуса“.

На сторонѣ текста имѣется надпись: „Подобная доска высылается каждому роду“.

Свидѣтели, подписавшіе приговоръ; Фарисей Даніилъ Робани, Іоаннъ Зарабатель, Рафаилъ Робани и книжникъ Каперъ.

„Іисусъ будетъ выведенъ изъ города черезъ Серенскія ворота“. („Биржж. Вѣд.“).

— **Первый международный педагогическій конгрессъ** (Отъ нашего брюссельскаго корреспондента). Въ Брюсселѣ начался 1-й международный педагогическій конгрессъ.

Составъ конгресса... Очень много учителей и учительницъ бельгійскихъ коммунальныхъ школъ, бельгійскихъ врачей, представителей различныхъ польскихъ обществъ и неособенно много представителей другихъ странъ. Интересно отмѣтить, что лучше всего на конгрессѣ представлена Америка: Куба, Аргентина, Мексика, Урагвай и пр. прислали своихъ делегатовъ; есть делегаты и отъ Японіи, и отъ Сіама, и оффиціальный представитель Италіи—проф. Сантеде-Санктисъ. Изъ Россіи нѣтъ ни одного делегата — ни отъ правительственныхъ учрежденій, ни отъ какихъ бы то ни было обществъ; присутствуютъ въ качествѣ обыкновенныхъ членовъ члены русскаго отдѣла комитета международныхъ педагогическихъ конгрессовъ Г. И. Россолимо, г. Балталонъ и преподавательница женской гимназіи въ Варшавѣ г-жа Ганшина и, кромѣ нихъ, учительница одного изъ московскихъ городскихъ училищъ для ненормальныхъ Е. И. Баженова и г-жи Россолимо и Балталонъ.

Предсѣдательствовалъ на открытіи предсѣдатель бельгійскаго комитета, д-ръ Декроли, хорошо извѣстный всѣмъ, кто интересуется воспитаніемъ ненормальныхъ дѣтей. Въ качествѣ оффиціальнаго представителя присутствовалъ брюссельскій эшевенъ народнаго просвѣщенія, который и открылъ конгрессъ. Въ своей рѣчи онъ подчеркнулъ всю важность этого конгресса и изложилъ программу, которую начерталъ себѣ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей городъ Брюссель: „овладѣть ребенкомъ съ самаго его нѣжнаго возраста, заняться развитіемъ всѣхъ его сторонъ—нравственной, физической и умственной для того, чтобы помочь ему оріентироваться въ жизни".

Декроли постарался выяснить интересъ движенія, вызвавшаго къ жизни педагогію и приведшаго къ настоящему конгрессу; онъ выставилъ на видъ, что преподаваніе педагогіи было введено въ брюссельской учительской семинаріи прежде, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и что первая педагогическая лабораторія была основана въ Антверпенѣ.

Въ первый день поработали немного секціи. Ихъ пять: I) педагогія вообще и номенклатура; II) антропометрія, біологія и школьная гигіена; III) дѣтская психологія; IV) педагогическіе пріемы съ нормальными и ненормальными дѣтьми; V) дѣтская соціологія. Число докладовъ и сообщеній по всѣмъ этимъ вопросамъ превышаетъ 125, но къ обсужденію назначены, конечно, далеко не всѣ, да и назначенные врядъ-ли удастся обсудить.

Любопытные дебаты вызвалъ и прочитанный секретаршей докладъ проф. Бехтерева о роли внушенія при воспитаніи ребенка, Здѣсь одни

отрицали допустимость внушенія, другіе требовали предварительнаго самоусовершенствованія воспитателей, врачи же признавали только внушеніе, при которомъ ребенокъ не теряетъ контроля надъ собой, и считали очень опаснымъ внушеніе, уничтожающее волю ребенка вмѣсто того, чтобы ее укрѣпить („Бирж. Вѣд.“).

═ Въ Базелѣ недавно закончился конгрессъ сіонистовъ. Съѣздъ былъ очень многочисленный и интересный.

Покойный д-ръ Герцль, основатель политическаго сіонизма и авторъ извѣстной книги „Еврейское Государство“, видѣлъ разрѣшеніе еврейскаго вопроса въ созданіи самостоятельнаго еврейскаго государства въ Палестинѣ. Будучи энергичнымъ человѣкомъ и искуснымъ дипломатомъ, д-ръ Герцль вошелъ въ переговоры съ правителями и правительствами нѣкоторыхъ европейскихъ странъ и, между прочимъ, съ великобританскимъ, которое предложило избрать для еврейской колонизаціи не Палестину, а Британскую Уганду, гдѣ евреямъ была обѣщана широкая національная автономія. Но Уганда ничего не говорила еврейскому сердцу, тогда какъ Палестина, Іерусалимъ, Сіонъ, прочно связанные съ воспоминаніями объ исторической судьбѣ еврейскаго народа, возбуждали религіозный энтузіазмъ въ массахъ и вѣру въ осуществимость самыхъ несбыточныхъ проектовъ. Смерть этого апостола политическаго сіонизма и, въ особенности, революція въ Турціи и введеніе въ ней конституціоннаго режима измѣнили настроеніе сіонистовъ. Президентъ сіонистскаго исполнительнаго комитета Вольсфонъ теперь прямо заявилъ, что отнынѣ евреи добиваются не образованія еврейскаго государства, а лишь заселенія евреями Палестины, гдѣ они могли бы свободно развивать свою національную культуру.

Вскорѣ послѣ перваго сіонистскаго конгресса въ 1899 г. появилась партія практическихъ сіонистовъ, которые, не дожидаясь осуществленія проектовъ д-ра Герцля, стремились начать тотчасъ же культивировать населеніе и территорію Палестины. Тамъ теперь основаны слѣдующія учрежденія: опытная земледѣльческая станція, рабочіе дома, ремесленная школа въ Яффѣ, школа промышленныхъ искусствъ и еврейская гимназія. Въ Іерусалимѣ имѣется національная еврейская библіотека, насчитывающая 40.000 томовъ. Кромѣ того, въ Яффѣ основана музыкальная консерваторія.

Главный разсадникъ правовѣрнаго сіонизма—такъ предполагаетъ авторъ замѣтки—и главный источникъ колонизаціонныхъ вожделѣній евреевъ находится въ Россіи. И причина тому—безправное и невыносимое положеніе еврейской массы. Съ разсѣяніемъ реакціоннаго кошмара и съ установленіемъ демократическаго строя въ Россіи нужно ожидать

перемѣны въ національномъ настроеніи евреевъ: политическое равенство всѣхъ гражданъ страны ослабитъ тенденціи узкаго національизма. (Газ. „Недѣля", № 33).

— **Новый пророкъ Востока.** Пріобщеніе Японіи къ европейской культурѣ не могло не отразиться на религіозномъ сознаніи японскаго народа и передъ японцами всталъ вопросъ о будущемъ ихъ религіи. Не замедлили появиться и попытки созданія новыхъ религіозныхъ системъ, претендующихъ не только на мѣстное значеніе. Къ такого рода попыткамъ относится и проповѣдь Тораносуке Мійазаки, объявившаго себя третьимъ великимъ пророкомъ послѣ Сакіа-Муни и Іисуса Христа. Сущность его ученія заключается въ словахъ: „Я самъ— Божество". Человѣкъ долженъ осознать въ себѣ Бога, и Мійазаки— первый, совершившій этотъ актъ. Стать богами—это значитъ, по мнѣнію Мійазаки, лишь возстановить утраченное сознаніе своей божественности, ибо „изначальныя „я" людей суть боги". „Дѣти, взывающіе къ Отцу, могутъ быть очень счастливы, но это дѣтское счастье— говоритъ онъ,—вы уже сами отцы, и вы должны знать, что вашъ духъ есть Богъ". Въ словесномъ согласіи съ христіанствомъ Мійазаки опредѣляетъ цѣль религіозной жизни, какъ достиженіе „Царства Божія". Однако пониманіе этого термина у него своеобразно. „Царство Божіе,—говоритъ онъ,—понималось первоначально не только въ смыслѣ духовнаго Царства Божія, которое „внутри насъ", но и въ смыслѣ физическомъ, матеріальномъ". Позднѣйшее христіанство сосредоточило свое вниманіе на духовной сторонѣ Христова ученія и осудило взглядъ на царство Божіе, какъ на внѣшній, физическій фактъ. По мнѣнію Мійазаки, идея царства Божія должна принять индивидуалистическую окраску и не связываться ни съ какими идеалами общественнаго характера. Царство Божіе, трактуемое индивидуалистически, но не ограничиваемое исключительно духовной стороной человѣческаго существа, должно быть отождествлено съ индивидуумомъ, разсматриваемымъ, какъ „духъ и тѣло вмѣстѣ". Обращаясь въ храмъ Божій, тѣло человѣческое становится святымъ, всѣ его вожделѣнія и страсти—священными,—страсти и вожделѣнія, конечно, уже одухотвореннаго, „воскресшаго", какъ выражается Мійазаки, тѣла, и, слѣдовательно, никакого оправданія разнузданности и дикихъ проявленій страстей не предполагается. Мало того, освященіе и одухотвореніе тѣла является, по Мійазаки, необходимымъ условіемъ для исполненія заповѣди о всеобщей любви: тѣла людей должны мыслиться какъ будущіе храмы Божіе.

Таковы важнѣйшіе моменты въ ученіи „третьяго пророка". Въ схемѣ, положенной Мійазаки въ основу „Новаго Евангелія", важно и

ново одно: попытка сблизить христіанство съ буддизмомъ не для простого примиренія ихъ, а для созданія третьей религіозной системы, вмѣщающей собой обѣ первыя.

(Изъ замѣтки А. Мейера, „Р. М.", № 9).

— **Необыкновенная годовщина.** Лейпцигскій отдѣлъ интереснаго буддійскаго общества Mahabodhi, ежемѣсячно издающій крайне симпатичныя по тону и духу книжечки журнала „Buddhistische Warte", въ послѣднемъ нумерѣ обращаетъ вниманіе всѣхъ сочувствующихъ свѣтлой религіи „царевича-мудреца" на то, что 28 іюня—11 іюля по нов. стилю исполнилось ровно *2.500 лѣтъ,* какъ великій проповѣдникъ древне-индійскаго міра выступилъ впервые въ окрестностяхъ Бенареса, съ оглашеніемъ истинъ своего ученія. Послѣдователи Будды въ Германіи съ трогательнымъ чувствомъ любви и почтенія отмѣчаютъ за послѣднее время такіе знаменательные историческіе моменты въ жизни своего „учителя": напримѣръ, 30 апрѣля (12 мая) нынѣшняго года они въ тѣсномъ кружкѣ отпраздновали вечеромъ въ Лейпцигѣ столь же дорогой для буддистовъ день годовщины „просвѣтленія" Будды подъ свящ. деревомъ Боди...

Общество Mahabodhi существуетъ на Цейлонѣ съ 1891 года. Оно призвано быть международно-эклектическаго характера, нести свѣтъ буддійскаго ученія повсемѣстно (преимущественно въ тѣ области Индіи, гдѣ онъ нѣкогда ярко сіялъ). Во главѣ общества стоитъ удивительный по энергіи и нравственнымъ качествамъ человѣкъ Anagarika Dharmapala. Прозвище „анагарика" (что буквально означаетъ „бездомный") Дармапала,—родомъ изъ богатой и именитой сингалезской семьи,—получилъ за свою отрѣшенную отъ суетной жизни въ чисто буддійскомъ смыслѣ аскетическую и просвѣтительную дѣятельность, хотя онъ — не монахъ и не связанъ внѣшнимъ образомъ съ условностями мѣстнаго монашескаго быта.

Цѣль основаннаго Анагарикой общества, проникнутаго идеями глубочайшей терпимости, возбудила живыя симпатіи на Западѣ въ средѣ мыслителей-гуманистовъ.

„Buddhistische Warte" съ увлеченіемъ популяризируетъ извѣстія о значеніи и ростѣ Mahabodhi Society на Востокѣ. Она обѣщаетъ слѣдующій номеръ издать богато иллюстрированнымъ какъ Missions-Festnummer. Подписка на журналъ общедоступна: 4 марки въ годъ. Для желающихъ войдти въ общеніе съ редакціей сообщаемъ ея адресъ: Leipzig, Humboldtstrasse, 2—Herrn C. T. Strauss. („Бирж. Вѣд.").

— Весной этого года въ большой аудиторіи Соляного Городка состоялась „Первая бесѣда о спиритуализмѣ по изслѣдованіямъ его свѣтилами науки". Состояла она изъ ряда докладовъ, посвященныхъ

разсмотрѣнію различныхъ сторонъ даннаго вопроса. Первымъ выступилъ Е. А. Юрьевъ, прочитавшій докладъ на тему: „Основы спиритуализма".

Указавъ на то, что съ паденіемъ религіознаго чувства и распространеніемъ матеріалистическаго ученія, отрицающаго существованіе души и загробной жизни, этическій элементъ въ жизни человѣчества пошелъ на убыль, докладчикъ общими штрихами начертилъ неприглядную картину современнаго нравственнаго распада и постепенное возвращеніе человѣчества опять къ вѣчному источнику нравственной мощи и прочнаго счастья: вѣрѣ въ безсмертіе души. Спиритуализмъ ставитъ своей задачей научное обоснованіе этой вѣры. Въ широкой публикѣ сплошь да рядомъ замѣчается смѣшеніе понятій спиритизмъ и спиритуализмъ, тогда какъ между ними существуетъ основное различіе: первый является лишь незначительной частью второго, представляя изъ себя ученіе о проявленіяхъ духа при посредствѣ медіумовъ, тогда какъ второй охватываетъ всѣ области жизни духа и есть ничто иное, какъ ученіе о духовности всего живого.

Второй докладъ „Ученые труды о спиритизмѣ" прочла г-жа Анненкова. Она отмѣтила все возрастающую вѣру въ спиритизмъ, перечислила рядъ ученыхъ, являвшихся сперва страстными противниками спиритизма, разоблачавшими его адептовъ, а затѣмъ ставшихъ убѣжденными его защитниками, и выразила увѣренность, что настанетъ время, когда всѣ увѣруютъ въ возможность духовнаго общенія съ потустороннимъ міромъ.

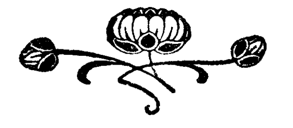
Третій докладъ былъ на тему: „Проявленіе духа и феномены его у медіумовъ", а четвертый: „Художественная литература по спиритуализму". Указавъ на важное нравственное значеніе популяризаціи, путемъ художественной литературы, эзотерическихъ знаній, докладчица отмѣтила, что В. И. Крыжановская, пишущая подъ псевдонимомъ Рочестеръ, съ успѣхомъ выполняетъ эту задачу, дѣлая отвлеченныя понятія доступными пониманію наименѣе подготовленныхъ умовъ.

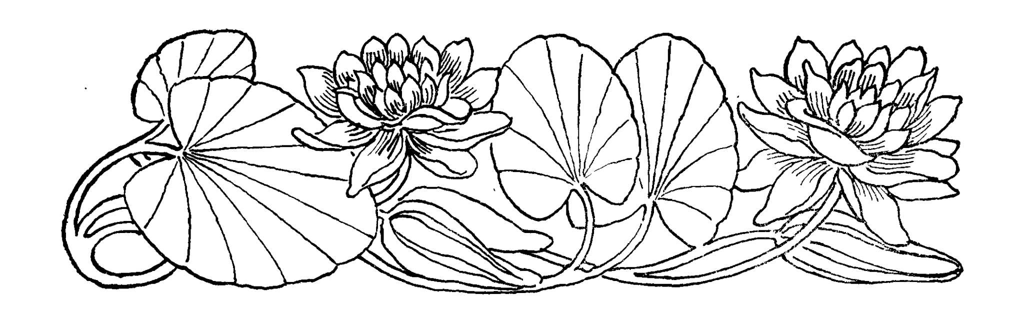
═ Въ журналѣ „Ребусъ" есть сообщеніе о томъ, что доктору Патрику О'Доннелю удалось сфотографировать „жизненную искру" въ тотъ моментъ, когда умирающій (котораго докторъ наблюдалъ въ „Mersy Hospital" въ Чикаго) испустилъ послѣдній вздохъ. Прежде, чѣмъ приступить къ этому опыту, О'Доннель въ продолженіе многихъ лѣтъ изучалъ излученія или электрическія радіаціи, исходящія изъ человѣческаго организма, которыя недавно были открыты докторомъ Кильнеромъ въ Лондонѣ. Американская пресса изобилуетъ очень интересными статьями, относящимися къ послѣднимъ работамъ д-ра О'Доннеля, и утверждаетъ, что эти его изысканія не даютъ никакого мѣста недовѣрію или сомнѣніямъ.

Исцѣленіе отъ слѣпоты гипнозомъ. Изъ Нью-Іорка сообщаютъ о необычайномъ случаѣ исцѣленія отъ слѣпоты, которое удалось д-ру Фоксу путемъ примѣненія силы гипноза. Одинъ изъ полицейскихъ чиновниковъ Ральфъ Свайнстонъ принужденъ былъ выйти въ отставку вслѣдствіе полной потери зрѣнія. Докторъ Фоксъ рѣшилъ попытаться примѣнить къ больному лѣченіе гипнозомъ. Такъ какъ гипнотизированіе совершается путемъ сосредоточиванія взгляда паціента на какомъ-нибудь блестящемъ предметѣ, то, въ данномъ случаѣ, обстоятельства были очень неблагопріятными. Тѣмъ не менѣе, спустя нѣсколько дней, врачу удалось привести своего паціента въ гипнотическое состояніе. Результатъ лѣченія превзошелъ ожиданія и является первымъ случаемъ исцѣленія атрофіи глазныхъ артерій. Теперь паціентъ видитъ уже настолько хорошо, что свободно читаетъ объявленія въ газетахъ, напечатанныя крупнымъ шрифтомъ. Вскорѣ же можно ожидать полнаго возстановленія зрѣнія. („Бирж. Вѣд.“).

Фотографированіе мыслей. Маіоръ Дарже, создавшій себѣ недавно имя интересными фотографіями лучей, испускаемыхъ человѣкомъ, сдѣлалъ на-дняхъ докладъ въ Парижѣ о своемъ новомъ открытіи, которому предстоитъ огромная будущность. Опираясь на гипотезу Шарко, что съ одного лица можетъ быть перенесенъ флюидъ на другое, маіоръ Дарже задался вопросомъ, нельзя-ли запечатлѣть на фотографической пластинкѣ предметъ, о которомъ усиленно думаешь, другими словами— сфотографировать мысль. Уже при первомъ опытѣ результатъ оказался блестящимъ: изобрѣтатель, запершись въ темную комнату, сталъ думать о бутылкѣ и при этомъ все время смотрѣлъ на фотографическую пластинку, лежавшую въ ванночкѣ, куда онъ опустилъ также концы пальцевъ. Спустя четверть часа бутылка была сфотографирована. При тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ, въ присутствіи шести лицъ, была получена вторая фотографія бутылки, затѣмъ была сфотографирована палка. По мнѣнію маіора, эти мыслимыя фотографіи могутъ явиться началомъ новой науки. По его убѣжденію, мысль обладаетъ творческой силой, и библейское сказаніе, что вселенная была создана однимъ словомъ, находитъ себѣ буквальное подтвержденіе. („Бирж. Вѣд.“),

Н. Т.

Изъ газетъ и журналовъ.

═ Къ газетѣ „Школа и Жизнь“ было приложеніе „Педагогическія сочиненія Л. Н. Толстого“, съ вступительною статьею Венгерова и очеркомъ педагогической дѣятельности Толстого—А. Г. Фомина.

„Не будучи никогда писателемъ по спеціальности, — говоритъ Венгеровъ,—Толстой всецѣло посвятилъ свою жизнь выработкѣ человѣческой личности своей. Вотъ уже про кого по-истинѣ можно сказать: Человѣкъ онъ былъ... Неуклонно стремился онъ къ тому, чтобы выработать изъ себя совершеннаго человѣка... И вотъ по силѣ и жгучести этого желанія стать на высоту самыхъ строгихъ нравственныхъ требованій, я,—говоритъ Венгеровъ,—назвалъ Толстого „великою совѣстью“, такъ какъ, въ общемъ, работа совѣсти прошла красной нитью по всей и личной, и литературной жизни Толстого“. И дѣйствительно, не будетъ преувеличеніемъ, — говоритъ Фоминъ въ своемъ очеркѣ, — если мы скажемъ, что никто изъ современниковъ не перестрадалъ съ такою глубокою душевною болью всѣхъ острыхъ вопросовъ жизни, никто такъ мучительно не передумалъ ихъ, съ такою силою не перечувствовалъ, такъ страстно не стремился осмыслить жизнь въ ея цѣломъ, какъ Толстой. Съ раннихъ лѣтъ предъ нимъ всталъ вопросъ о смыслѣ жизни и до самой смерти онъ мучился этимъ вѣчнымъ вопросомъ. Душевная чуткость Толстого—удивительна: нѣтъ вопроса жизни въ ея цѣломъ, который не нашелъ бы отклика въ этой замѣчательно чуткой душевной организаціи. Не только нѣкоторыя стороны жизни, а „вся“ жизнь въ цѣломъ была предметомъ думъ Толстого, онъ мучительно искалъ осмысленія жизни во всей ея цѣлостности, недѣлимости. Прекрасно сознавъ тѣсную, органическую связь воспитанія и образованія съ жизнью, съ будущимъ человѣчества, Толстой не прошелъ мимо и педагогіи. Для него вопросъ о воспитаніи былъ насущнымъ вопросомъ

жизни, неотдѣлимымъ отъ нея, и онъ всегда много думалъ надъ воспитаніемъ, стремясь разрѣшить эту сложную проблему... Знакомство съ постановкой школьнаго дѣла въ Западной Европѣ дало Толстому богатый матеріалъ для размышленій, но то, что онъ увидѣлъ, его не удовлетворило. У него складывались свои взгляды, создавалась своя система... Основная сущность идей Толстого заключается и вытекаетъ изъ глубокаго уваженія къ личности ребенка. Всю свою педагогическую систему Толстой строилъ на этомъ фундаментѣ. Если взять взгляды Толстого, какъ опредѣленную систему, то можно спорить съ нимъ и привести рядъ доводовъ противъ, значеніе же педагогическихъ идей Толстого въ томъ, что онъ такъ горячо возсталъ противъ насилія надъ ребенкомъ, съ такой проникновенностью вникъ въ психологію дѣтей, выступилъ на защиту ихъ человѣческихъ правъ.

Въ своей статьѣ „О народномъ образованіи“ Толстой тоже возстаетъ противъ насилія въ этомъ дѣлѣ. Онъ говоритъ: „народное образованіе всегда и вездѣ представляло и представляетъ одно непонятное для меня явленіе. Народъ хочетъ образованія, и каждая отдѣльная личность безсознательно стремится къ образованію... и постоянно противодѣйствуетъ тѣмъ усиліямъ, которыя употребляетъ для его образованія общество или правительство... заявляетъ свое недовольство предлагаемымъ ему образованіемъ“...

Почему же это? Не потому ли, что школа не отвѣчаетъ на его потребности? „Перестанемъ же смотрѣть на противодѣйствіе народа нашему образованію, — говоритъ Толстой, — какъ на враждебный элементъ педагогики, будемъ видѣть въ немъ выраженіе воли народа, которою одной должна руководствоваться наша дѣятельность. Сознаемъ, наконецъ, тотъ законъ, который такъ ясно говоритъ намъ изъ исторіи педагогики и изъ исторіи всего образованія, что для того, чтобы образовывающему знать, что хорошо и что дурно, образовывающійся долженъ имѣть полную власть выразить свое неудовольствіе или, по крайней мѣрѣ, уклониться отъ того образованія, которое по инстинкту не удовлетворяетъ его, что критеріумъ педагогики есть только одинъ — свобода“. Насчетъ спора о пользѣ или вредѣ грамотности, Толстой говоритъ: „Ежели вопросъ поставленъ такъ, полезно или нѣтъ для народа первоначальное образованіе, то никто не можетъ отвѣтить отрицательно. Ежели же спросятъ: полезно или нѣтъ выучить народъ читать, когда онъ не умѣетъ читать и у него нѣтъ книгъ для чтеніи, то, надѣюсь, что всякій безпристрастный человѣкъ отвѣтитъ: не знаю, точно также не знаю, какъ не знаю, полезно ли было бы научить весь народъ играть на скрипкѣ или шить башмаки. Вглядѣвшись же ближе въ результатъ грамоты въ томъ видѣ, въ которомъ она передается на-

роду, я думаю, что большинство отвѣтитъ противъ грамотности, принявъ во вниманiе продолжительное принужденiе, несоразмѣрное развитiе памяти, ложное понятiе о законченности науки, ложное самолюбiе и средство къ безсмысленному чтенiю, которыя прiобрѣтаются въ школахъ“...

Въ статьѣ „Воспитанiе и образованiе“ Толстой говоритъ, что воспитанiе — есть принудительное, насильственное воздѣйствiе одного лица на другое, съ цѣлью образовать такого человѣка, который намъ кажется хорошимъ; а образованiе — есть свободное отношенiе людей, имѣющее своимъ основанiемъ потребность одного прiобрѣтать свѣдѣнiя, а другого — сообщать уже прiобрѣтенное имъ... Воспитанiя, какъ предмета науки, — нѣтъ. Воспитанiе есть возведенное въ принципъ стремленiе къ нравственному деспотизму. Воспитанiе есть, я не скажу,— говоритъ Толстой,—выраженiе дурной стороны человѣческой природы, но явленiе, доказывающее неразвитость человѣческой мысли, а потому не могущее быть положеннымъ основанiемъ разумной человѣческой дѣятельности—науки... Воспитанiе, какъ умышленное формированiе людей по извѣстнымъ образцамъ—„не плодотворно, не законно, не возможно“. И школа, будучи сознательною дѣятельностью образовывающаго на образовывающихся, должна имѣть одну цѣль — передачу свѣдѣнiй, знанiя, не пытаясь переходить въ нравственную область убѣжденiй, вѣрованiй и характера... Воспитательный же элементъ лежитъ въ преподаванiи наукъ, въ любви учителя къ своей наукѣ и въ любовной передачѣ ее, въ отношенiи учителя къ ученику.

═ Въ газетѣ „Россiя“ были двѣ статьи А. Лукинскаго. Въ статьѣ „Старый споръ“ Лукинскiй говоритъ о спорѣ противъ необходимости для современнаго пастыря общаго свѣтскаго образованiя, спорить противъ чего,—говоритъ онъ,—можно только при полномъ незнанiи исторiи христiанства и тѣхъ средствъ, которыми оно боролось съ язычествомъ. А между тѣмъ, недоумѣнiе по этому вопросу теперь, когда проектъ устройства духовной школы дѣлается предметомъ широкаго общественнаго обсужденiя, можетъ весьма печально отразиться не только на нашей церковной, но и культурной жизни вообще. Если мы окинемъ бѣглымъ взглядомъ святоотеческiй перiодъ церковной исторiи, когда церковь вынесла на своихъ плечахъ борьбу съ самыми разнообразными еретическими движенiями, то увидимъ, что побѣду православiю дали не боявшiеся языческой мудрости Тертуллiаны, а товарищи по языческой школѣ Юлiана Отступника свв. Василiй Великiй, Григорiй Богословъ, бывшiй учитель краснорѣчiя Григорiй Нисскiй и имъ подобные сподвижники, изучившiе языческую науку... Древнее христiанство побѣдило языческiй мiръ только тогда, когда овладѣло его

наукой, привлекло къ порогу своихъ храмовъ языческихъ философовъ. И у насъ нѣтъ,—говоритъ Лукинскій,—другого пути и другихъ средствъ для борьбы съ нашей языческой культурой.

Въ другой статьѣ по поводу сборника статей С. Булгакова, подъ заглавіемъ „Два града“, въ которомъ современная безрелигіозная философія и безрелигіозная общественность нашли себѣ всестороннюю и глубокую оцѣнку, Лукинскій говоритъ, что счастье и покой человѣка, рожденнаго для вѣчности, находятся только въ небесномъ градѣ, къ которому зоветъ Христосъ, „ибо божественное—реальная природа человѣческой души“, и что только роковая сила самообольщенія и грѣха заставляетъ человѣка мечтать о болѣе близкомъ земномъ градѣ. Но строители земного града неизбѣжно изгоняютъ Бога изъ души человѣка, и погасивъ это солнце человѣческой жизни, напрасно дѣлаютъ усилія, чтобы удержать въ душѣ тотъ свѣтъ и тепло, которые оставляли тамъ лучи божественнаго, и начинаютъ тосковать и томиться пустотой жизни. Напрасны упованія на земной рай,—говоритъ Лукинскій. Человѣкъ не въ силахъ вынести земного благополучія, ему дана въ удѣлъ на землѣ только борьба, только крестъ, и когда онъ землю превращаетъ для себя въ удобную постель и спокойную подушку, забывая о всѣхъ противорѣчіяхъ своего бытія, онъ опускается и пошлѣетъ. А въ этомъ залогъ, что человѣкъ созданъ для вѣчности, для Бога... Для непредубѣжденнаго ума послѣ разрушительной критики Штирнера и Ницше, которые подкопали основанія атеистическаго гуманизма, дѣлается яснымъ, что вѣра въ Бога—есть вѣра и въ человѣка, и безъ этой вѣры человѣкъ превращается въ странную, полную противорѣчій двуногую тварь... Культура безъ Христа въ атмосферѣ матеріалистическаго человѣкобожія знаменуетъ собою надвигающуюся культурную опасность, угрозу европейскому человѣчеству съ его цивилизацією.

Въ газетѣ „Жизнь Волыни“ есть замѣтка о вышедшей недавно книгѣ французскаго академика („безсмертнаго“) Эмиля Бутру „Религія и наука“. Эта книга интересна не только сама по себѣ, но больше, пожалуй, потому, что исходитъ она изъ Франціи — страны самой атеистической, отринувшей религію и стремящейся жить „по наукѣ“, и принадлежитъ ученому французу, т. е. представителю науки.

Что же говоритъ этотъ ученый мужъ атеистической страны?

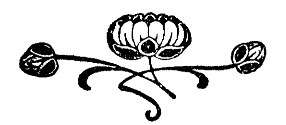
Онъ говоритъ, во-первыхъ, о повышеніи интереса къ религіи въ этой атеистической странѣ и, во-вторыхъ, доказываетъ не только совмѣстимость религіи съ наукой, но и невозможность успѣшнаго развитія послѣдней безъ религіи, т. е. при игнорированіи и отрицаніи ея.

Наука, считавшая себя всесильной и всемогущей, смотрѣвшая на религію, какъ на свою соперницу, и старавшаяся, поэтому, отгородиться

отъ нея, сама и естественнымъ образомъ идетъ къ религіи, послѣ крушенія иллюзій объ ея (науки) всесиліи и всемогуществѣ,—таковъ основной тезисъ Бутру, рисующаго въ своей книгѣ картину историческаго хода этой эволюціи.

„Въ XIX столѣтіи, — говоритъ Бутру, — волна матеріализма была готова смести прочь остатки религіозной вѣры. Но когда начались изслѣдованія результатовъ науки, возникло разочарованіе".

Подробно излагая этотъ процессъ разочарованія во „всесиліи" и „всемогуществѣ" науки, Бутру выясняетъ, что между наукой и религіей не только нѣтъ противоположенія, исключающаго одну другою, но, наоборотъ, — между научнымъ и религіознымъ духомъ много общаго, восполняющаго одно другое. „Религія и наука, — говоритъ въ конечномъ выводѣ Бутру,—одинаково необходимы для жизни человѣчества. Наука имѣетъ дѣло съ вещами, безъ которыхъ человѣкъ не можетъ жить, религія—съ вещами, безъ которыхъ человѣкъ не станетъ жить".

Когда священное писаніе всему обучило, то учитель обращается къ своему ученику такъ:

Говори правду и соблюдай законъ. Ты не долженъ позволить ничему отвратить тебя отъ ученія.

Ничто не должно отвратить тебя отъ правды или отвратить отъ закона, или отъ добрыхъ дѣлъ, или отъ судьбы, или отъ изученія и обученія, или отъ долга къ богамъ и къ твоимъ предкамъ.

Обращайся съ твоей матерью какъ съ богиней, а съ отцомъ твоимъ какъ съ богомъ. Обращайся съ учителемъ какъ съ богомъ, а такъ же и съ гостемъ твоимъ.

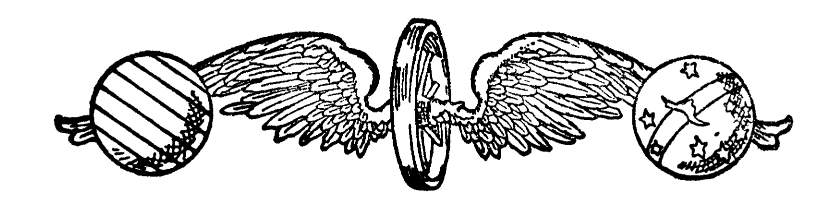
Только тѣ дѣла должны останавливать твое вниманіе, которыя свободны отъ порицанія; никакія иныя.

Надлежащее поведеніе ты долженъ культивировать, никакое иное.

Въ присутствіи святыхъ людей, болѣе великихъ чѣмъ ты, ты не долженъ произносить ни слова.

Но если бы сомнѣніе о томъ, какъ вести себя, проникло въ тебя, то ты долженъ дѣйствовать такъ, какъ бы дѣйствовали въ данномъ случаѣ вдумчивые брамины, полные самообладанія, усердія, кротости и покорные закону.

(Изреченія изъ „Упанишадъ").

Письмо изъ Англіи *).

Индустріальные поселки **).

„У множества увѣровавшихъ въ спасительность Его ученія было одно сердце и одна душа,—никто изъ имѣнія своего ничего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее и все, что у нихъ было, они раздѣлили по нуждѣ каждаго и каждый день собирались вмѣстѣ и вмѣстѣ принимали пищу въ веселіи и простотѣ сердца". Дѣян. IV. 32.

Въ нашихъ послѣднихъ бесѣдахъ мы старались разобраться въ вопросахъ труда, а главнымъ образомъ въ *отношеніи* къ труду.

Гдѣ найти мнѣ слова и выраженія, чтобы перелить въ читателя тѣ картины, которыя открылись мнѣ, лишь только я прикоснулась къ той завѣсѣ, которая скрываетъ отъ насъ весь путь, черезъ который трудъ прошелъ въ исторіи человѣчества, скры-

*) См. № 10 „Вѣстникъ Теософіи" за 1910 г. и № 1-й за 1911 г.

**) Вопросъ о мелкихъ земельныхъ надѣлахъ въ Англіи за послѣдніе годы занялъ видное мѣсто. Парламентомъ проведенъ былъ законъ объ оцѣнкѣ ихъ и условіяхъ заселенія. Возникла цѣлая литература. Одна изъ первыхъ книжекъ по этому вопросу была выпущена г. Монтэгю-Фордгамъ (Montague-Fordham. Small holdings). Тяга къ землѣ, „Back to the land movlment", обсуждалась на всѣ лады и нашла готовую уже почву, такъ какъ громадное наростаніе городовъ вызвало неизбѣжное стремленіе селиться въ окрестностяхъ. Люди стали строить дома и коттэджи въ жидкихъ лѣсахъ и холмахъ Кента, Мидльсекса, Сӧррей—по близости Лондона, стали заводиться „города садовъ" (Garden Cities) какъ Летчвортъ и Гамстэдъ. Вокругъ Манчестера, Ливерпуля, Бермингама и друг. городовъ происходило то же самое. Но это было доступно лишь богатымъ людямъ, такъ какъ землевладѣльцы такъ подняли цѣну на ренту земли, что возможно было только пользованіе землей подъ постройку домовъ, а никакъ не полей. Законъ о принудительной оцѣнкѣ весьма измѣнилъ эти условія и теперь возникаетъ другой вопросъ—всегда связанный съ агрикультурой. Въ большинствѣ случаевъ послѣдняя возможна лишь въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ большихъ городовъ и зима остается неиспользованной, бездоходной. И вотъ люди обращаются къ индустріи, то, что у насъ въ Россіи называется промыслами. Начинается новый циклъ болѣе естественной, здоровой жизни. Централизація достигла своего крайняго предѣла.

ваетъ его жалкое настоящее и грозное будущее? Думается, не словами надо писать, а огнемъ, чтобы зажечь сердца негодованіемъ и рѣшимостью добиться другихъ условій, другого отношенія, другой, болѣе достойной оцѣнки труда, вѣрнѣе выражающей наши народившіеся духовные запросы. Еслибъ уже не было въ сердцахъ этого готоваго горючаго матеріала, то и писать было бы не за чѣмъ. Но онъ уже есть, уже бьетъ ключемъ во всѣхъ странахъ міра въ многообразныхъ формахъ.

Итакъ, мы приходимъ къ заключенію, что новыя условія труда, новое отношеніе къ нему неизбѣжно ведутъ и къ новымъ формамъ жизни, къ взаимопомощи, единенію, любви и радости. Въ настоящемъ письмѣ мнѣ хочется разобрать вопросъ о трудовой общинѣ или трудовомъ поселкѣ, задуманномъ въ Англіи Международнымъ Союзомъ Ручного Труда.

Идея колоній—общинъ или поселковъ—не разъ осуществлялась въ практической жизни и почти всегда оказывалась несостоятельной. Нѣкоторыя изъ этихъ колоній однако продолжаютъ жить, вылившись, послѣ многихъ треволненій, въ такія формы, которыя удовлетворяютъ ихъ членовъ. Онѣ всегда разбивались, когда не было основной идеи *служенія*—идеи взаимопомощи, а собирались онѣ всегда подъ вліяніемъ какой-нибудь свѣтлой, могучей личности. Какъ только такой вождь и его личное вліяніе исчезало—вслѣдствіе смерти или раскола—вся схема проваливалась такъ или иначе. Иногда какая-нибудь религіозная идея, отвѣчающая горячимъ запросамъ человѣческой души въ ея исканіи Бога, удерживала въ тѣсномъ союзѣ тысячи людей въ продолженіи многихъ лѣтъ. Шэкеры въ Америкѣ, Духоборы въ Канадѣ, многія другія общины въ Россіи, старыя и вновь народившіяся, и многія начинанія такого рода по всему свѣту свидѣтельствуютъ о неумолчныхъ исканіяхъ новыхъ формъ жизни.

Если у людей есть общій, могучій идеалъ, они прильнутъ другъ къ другу и въ такомъ случаѣ—если даже исчезнетъ вождь, на смѣну ему неизбѣжно явится другой. Если общій идеалъ опирается къ тому же на общихъ экономическихъ интересахъ, связь будетъ вдвойнѣ прочна. Въ сущности, трудно себѣ представить прочную общину, если оба эти условія не лежатъ въ ея основѣ.

Принимая во вниманіе всѣ существующія духовныя исканія, всю готовность лучшихъ представителей этихъ исканій слиться въ одну общую семью,—можно быть увѣреннымъ, что на зарѣ этой зарождающейся новой эры должно выработаться нѣчто очень прекрасное, нѣчто такое, что отвѣтитъ на зародившіеся запросы

и избѣжитъ тѣхъ подводныхъ скалъ, о которыя разбивались прежнія схемы; онѣ терпѣли крушеніе потому, что идея служенія, какъ мы ее понимаемъ теперь, тогда еще не созрѣла, и новыя начинанія привлекали не столько людей, способныхъ созидать, сколько безпокойныя, крайне индивидуалистическія натуры, которыя мечтали больше о томъ, чтобы получать, а не давать. Трудъ, который они должны были нести, являлся чѣмъ то неожиданнымъ и они были къ нему совершенно не подготовлены.

Я нисколько не сомнѣваюсь, что идеалы лучшей жизни уже создались въ сердцахъ людей, хотя они еще и затянуты дымкой сомнѣній. Люди склонны думать, что наша бѣдная земля совсѣмъ не мѣсто для райской жизни. Мнѣ лично земля очень нравится, и именно на ней и желательно устроить нѣчто такое, что придало бы истинную цѣнность нашей земной жизни.

Идея индустріальныхъ поселковъ не нова. Въ юности мы всѣ мечтали и читали о нихъ, вздыхали о несбыточности такой жизни и горячо интересовались каждой попыткой осуществить ее. Но мнѣ кажется, что въ настоящее время человѣкъ обладаетъ существеннымъ правомъ не только мечтать о такихъ общинахъ, но и осуществить ихъ.

Развитіе индустрій или промысловъ всегда предполагаетъ общую экономическую почву. Любой индустріальный центръ доказываетъ это на практикѣ, и чѣмъ болѣе взаимной зависимости-взаимо-помощи, скажу я—тѣмъ болѣе они прочны.

Въ долинѣ Роны во Франціи ручное производство издѣлій изъ целлюлоида сгрупировало вокругъ целлюлоидной фабрики массы людей. Въ Россіи ручное ткачество, которымъ заняты тысячи рукъ, расположено вокругъ прядильныхъ фабрикъ, которыя въ свою очередь выросли на поляхъ, особенно подходящихъ для культуры льна. Шварцвальдскіе рѣзчики разсѣяны среди лѣсного хозяйства Шварцвальда. Уничтоженіе одного изъ факторовъ этой взаимопомощи повлекло бы смерть для сплотившихся промысловъ.

Въ Англіи это распаденіе совершилось уже давно, ручные промыслы сметены, приходится создавать необходимыя условія терпѣливо и любовно; я бы сказала, тѣмъ болѣе терпѣливо и любовно, чѣмъ меньше сохранилось этой любви и терпѣнія въ самихъ работникахъ. Слѣдовательно, необходимо найти тотъ центръ, тотъ цементъ, который бы объединилъ промыслы данной общины; въ этомъ—залогъ ея устойчивости и благоденствія.

Для разныхъ мѣстностей, конечно, и цементъ этотъ будетъ различный. Необходимо проникновенно вглядѣться въ условія данной страны, въ наклонности и работоспособность членовъ предполагаемой общины, въ ея близость къ сбыту, узнать потребности этого сбыта и на этомъ строить будущую общину.

Въ виду опредѣлившихся уже ремеслъ, какъ ткачество, вышивки и изготовленіе женскихъ нарядовъ, устроителямъ общины представляются слѣдующія соображенія.

Что именно даетъ красоту всѣмъ этимъ издѣліямъ? Ткачеству, вышивкамъ всевозможныхъ родовъ, а также другимъ отраслямъ труда, въ которыхъ участвуютъ портнихи, модистки, декораторы и проч.?

Какой самый главный элементъ красоты всѣхъ этихъ многочисленныхъ издѣлій? Неоспоримо: *окраска*. Если въ умахъ читателей явится малѣйшее сомнѣніе въ этомъ, достаточно внимательно разобрать нѣкоторыя детали. Напримѣръ: платье можетъ превосходно сидѣть, быть художественно въ своихъ линіяхъ, можетъ быть сшито изъ дорогой шелковой, шерстяной или льняной ткани, можетъ быть тщательно вышито, но никто не назоветъ эту одежду прекрасной, если окраска его дурна, или если послѣ прогулки въ солнечный день оно не только полиняетъ, но даже покроется неожиданными полосами бураго или лиловатаго, сквернаго цвѣта, что бываетъ вслѣдствіе реакціи находящихся въ воздухѣ газовъ на различныя вещества химической окраски, которой окрашены ткани платья, а также шелки или нитки на вышивкахъ, украшающихъ платье. Слѣдовательно, окраска коснулась всѣхъ участниковъ въ работѣ: ткачей, вышивальщицъ, портнихъ. То же самое и въ убранствѣ домовъ. Кому не случалось видѣть линючія пятна на обояхъ, портьерахъ, скатертяхъ и прочихъ предметахъ, окрашенныхъ современными химическими и минеральными красками. Сколько денегъ истрачено на вѣтеръ! Правъ былъ В. Моррисъ, который говорилъ, что ничто не можетъ назваться художественнымъ, что сработано на непрочномъ матеріалѣ и основано на линючихъ химическихъ цвѣтахъ. Онъ совѣтовалъ своимъ слушателямъ *), если они не въ состояніи вернуть старинный способъ окраски настоящими растительными пигментами, ограничиться натуральными цвѣтами шелка, льна и шерсти, которые даже и безъ примѣси пигментовъ могутъ дать очень гармоничныя сочетанія.

---

*) Лекція, читанная Моррисомъ на первой Выставкѣ Общества искусствъ и ремеслъ въ 1888 году.

Если устроить растительную красильню, она можетъ служить основой и цементомъ для весьма многочисленныхъ ремеслъ, которыя естественно сгрупируются вокругъ нея. Ткачи будутъ получать свой матеріалъ: шелковую, шерстяную, льняную и бумажную пряжу, окрашенную растительными красками—готовую поступить въ станки. Вишивальщицы используютъ и то, и другое, т. е. и ткани, и нитки, для своихъ символическихъ рисунковъ—античной старины, для которыхъ приличествуетъ прочный матеріалъ, а портнихи и модистки воспользуются ихъ работами, и такимъ образомъ объединится община и въ ней осуществится та взаимопомощь, которая является необходимымъ духовнымъ условіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прочной экономической связью.

Точно такъ-же какъ художникъ не можетъ начать писать свою картину, не можетъ показать намъ, что видѣлъ въ природѣ и въ своихъ собственныхъ видѣніяхъ—не имѣя на палитрѣ красокъ, такъ-же и ткачъ, и вышивальщица не могутъ произвести ничего художественнаго безъ настоящихъ растительныхъ пигментовъ.

Если они въ настоящее время еще могутъ замѣнять поддѣлкой подлинныя окраски, этому настанетъ конецъ. На нашихъ глазахъ происходитъ полная переоцѣнка всѣхъ цѣнностей, люди ищутъ новое искусство, новый родъ жизни, новую литературу, новыя дѣтскія книги и т. д. Ничто, повидимому, уже не отвѣчаетъ запросамъ настоящаго дня. Мы переросли свои заблужденія. Дѣло теперь въ томъ, чтобы найти себя въ возникающихъ новыхъ условіяхъ эволюціи, а это требуетъ всѣхъ нашихъ творческихъ способностей и осуществленія ихъ въ самой жизни.

Наша идея объединенія труда можетъ быть видоизмѣнена. Какъ только люди возьмутся серьезно за эту задачу, ихъ различныя точки зрѣнія, темпераменты и опытъ внесутъ ширину и богатство въ намѣченную схему. Схема эта предлагается человѣкомъ, который долгіе годы мечталъ, испытывалъ и осуществлялъ свои мечты въ одиночествѣ, безъ помощи и поддержки, иногда полусознательно идя къ цѣли, и вотъ почему его голосъ раздается какъ бы первымъ сигналомъ, за которымъ должны послѣдовать другіе голоса и другія силы.

Допустимъ, что такой индустріальный поселокъ уже осуществился. Онъ расположенъ въ какой-нибудь красивой мѣстности, какихъ такъ много въ Англіи; можетъ быть, совсѣмъ близко отъ большихъ торговыхъ центровъ, среди полей и холмовъ Кента или Чешейра или среди поэтическихъ холмовъ съ историческимъ прошлымъ горной Шотландіи, подъ самымъ Эдинбургомъ или Глазго.

Мнѣ живо представляется раннее утро, когда лучи солнца освѣтили проснувшуюся здоровую и счастливую общину, въ которой интеллигентные, довольные труженики живутъ въ мирномъ и любовномъ общеніи. Я представляю себѣ воскресное собраніе, куда пришли и мужчины, и женщины, и дѣти. Всѣ имѣютъ красивый видъ, потому что счастье краситъ; всѣ одѣты просто, но художественно; не видно птичьихъ перьевъ и аршинныхъ булавокъ въ шляпкахъ на подобіе кинжаловъ, которыя скорѣе устрашаютъ, чѣмъ привлекаютъ взоры, женщины выглядятъ тѣмъ, чѣмъ онѣ должны быть: олицетвореніемъ привѣтливости и привлекательности для братьевъ и мужей и свѣтомъ для дѣтей. Представляю я себѣ и мужчинъ на этомъ праздничномъ собраніи, освободившихся отъ традиціонной темной, неприглядной одежды и крахмальнаго бѣлья. Тѣ, которые работаютъ въ поселкѣ, выглядятъ сильными и здоровыми благодаря гармоничному труду въ полѣ или мастеркой, труду не подневольному, а избранному по собственной иниціативѣ. Лѣтомъ они носятъ льняную или шелковую одежду, зимой—теплое ручное сукно. И покрой и ткань говорятъ о свободѣ и трудовой жизни, а разнообразный трудъ въ домашнемъ обиходѣ зимой и лѣтомъ придаетъ ихъ тѣлу ловкость, эластичность и цвѣтущій видъ, вполнѣ утраченный современными мужчинами.

Тѣ жители поселка, которымъ больше нравится городская дѣятельность, возвращаются домой, можетъ быть, болѣе усталыми и поблѣднѣвшими; тяжелыя условія только что оставленнаго шумнаго города сказываются во взглядахъ и движеніяхъ ихъ. Какъ хорошо городскому и деревенскому жителю сойтись въ воскресенье за общимъ столомъ, молитвой или бесѣдой, помочь другъ другу въ духѣ истиннаго товарищества!

Но ремесла и искусства общины не должны ограничиваться однимъ домашнимъ сбытомъ. Опытъ указываетъ на ошибочность такой системы.

Поселокъ, организованный по вышеуказанному плану, будетъ вырабатывать такіе товары, которыхъ *нигдѣ не производятъ;* онъ будетъ имѣть хорошо обставленный складъ въ сосѣднемъ большомъ городѣ и долженъ создать солидную репутацію своимъ произведеніямъ. Правда, въ Англіи почти изсчезли ручныя издѣлія, но не настолько, какъ это думаютъ. Тѣмъ не менѣе, придется, можетъ быть, начать съ первой буквы алфавита. Хорошо будетъ построить репутацію индустріальной общины на чемъ-нибудь новомъ и оригинальномъ. На самомъ дѣлѣ, прежнія усилія въ этомъ направленіи не увѣнчались успѣхомъ именно потому, что въ

эти усилія не было вложено оригинальной мысли; ручныя издѣлія являлись крохами, оставленными отъ крупныхъ машинныхъ производствъ, поэтому они и занимали всегда самые послѣдніе ряды.

Предлагая, какъ объединяющій центръ для поселка новаго типа, растительную красильню, Союзъ Ручного Труда имѣетъ все это въ виду, и вотъ его главныя основанія:

1) Растительная окраска въ настоящее время сдѣлалась необходимостью, настолько она цѣнится всѣми интеллигентными и художественными людьми. Но фабрика не возьмется за это дѣло, пока не потребуетъ этого большинство, улица. Можно предположить, что вводя растительную окраску, индустріальная община разовьетъ и всеобщій запросъ на нее, а до тѣхъ поръ будетъ выполнять созидательную работу, красота которой признана пока лишь меньшинствомъ.

2) Растительная красильня сдѣлается необходимостью почти для *всѣхъ* ремеслъ Великобританіи, и заказы потекутъ въ общину со всѣхъ концовъ королевства. Могутъ быть и заграничные заказы. До сихъ поръ очень немногіе пользуются растительной окраской и лишь въ очень малыхъ размѣрахъ, которые скорѣе могутъ считаться лабораторными опытами. Не существуетъ ни одной фирмы, которая могла бы исполнять значительные заказы не только на окраску тканей, но и на пряжу и нитки (шерсть, шелкъ, ленъ и бумага). Поэтому Союзъ Р. Т. полагаетъ, что учрежденіе такого рода можетъ окупиться съ перваго же года... Такой опытъ былъ произведенъ въ Россіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ и существовалъ два года, окупая всѣ расходы и въ теперешнее время окупался бы гораздо лучше, такъ какъ растительная окраска начинаетъ и въ Россіи цѣниться все болѣе и болѣе.

3) Растительная окраска придастъ красоту и оригинальность всѣмъ второстепеннымъ отраслямъ труда въ индустріальной общинѣ. Выставка, устроенная при Теософ. Курсахъ въ 1911 году въ Хелѣ *), наглядно доказала это положеніе. Каждый разъ, какъ глаза останавливаются на чемъ-либо особенно привлекательномъ, вы находите, что предметъ окрашенъ растительной краской.

4) Введеніе такой окраски послужитъ не только цементомъ взаимопомощи для поселенцевъ и упрочитъ жизнь общины, но и соединитъ ее съ внѣшнимъ міромъ, такъ какъ всѣмъ нужна хорошая окраска, а достать ее пока нельзя нигдѣ.

Переходя къ внутренней духовной жизни общины, несомнѣнно, что начиная жизнь съ такими идеалами, она должна

---

*) Смотри статью г-жи Даніель въ № 10 Вѣстн. Теософ. 1911 г.

существенно отличаться отъ обычнаго коммерческаго скопленія людей и удовлетворять не только запросамъ тѣла, но и запросамъ духа. Духовная сторона нашей схемы новыхъ формъ труда разрабатывается серьезными теософами. Въ такомъ краткомъ письмѣ трудно изложить тѣ линіи, по которымъ пойдетъ община; быть можетъ назначеніе ея—сдѣлаться ядромъ новой, праведной жизни, оазисомъ въ пустынѣ коммерціализма, разносить по свѣту идеи красоты и добра и такимъ образомъ подготовлять условія для того Царства Божія на землѣ, о которомъ не перестаетъ мечтать наше сердце.

Надо думать, что первые года общины, когда необходимо будетъ достигать каждому отдѣльно и всѣмъ вмѣстѣ обезпеченности каждаго и процвѣтанія всей общины, когда придется нести карму многихъ вѣковъ несправедливости и эксплоатаціи человѣческаго труда и разбивать тяжелую цѣпь, выкованную коммерціализмомъ,—общинникамъ нельзя будетъ ограничиться утренними часами труда, и наиболѣе сильные должны будутъ возвращаться къ занятіямъ, прерваннымъ обѣдомъ и короткимъ отдыхомъ. Но въ 6 часовъ вечера всѣ веселой гурьбой пойдутъ къ своимъ жилищамъ или къ мѣстамъ общественныхъ сборищъ подъ тѣнь большихъ каштановъ, а зимой подъ защиту обширнаго шатра.

Они будутъ ужинать всѣ вмѣстѣ, какъ мнѣ представляется, но не иначе, какъ по доброй волѣ, такъ какъ въ общинѣ будетъ царить полная свобода и никакихъ стѣсненій индивидуальности не должно существовать. Маленькія семьи или холостые можетъ быть найдутъ удобнымъ объединиться въ группы для совмѣстнаго обѣда, тогда какъ большія домовитыя семьи могутъ предпочитать свой семейный кругъ.

Останавливаясь на мысли о духовномъ настроеніи будущихъ поселковъ, невольно вспоминается радостное сознаніе братства, царившее среди теософовъ, изъ числа которыхъ вышли и создатели Международнаго Союза Ручного Труда, среди той группы, которая собирается ежегодно въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ въ Summer School *), начиная съ первыхъ теософическихъ курсовъ, происходившихъ въ Вейбурнѣ, лѣтомъ 1909 года.

Хотѣлось бы вѣрить, что энтузіазмъ этой группы и свѣтлое чувство тѣснаго товарищества, воодушевляющаго ее, проникнутъ и въ будущіе поселки, и создадутъ тамъ то праведное отношеніе къ труду, безъ котораго невозможно истинное обновленіе человѣческой жизни.

Дана.

---

*) Лѣтняя школа Теософовъ.

„Filosofia Esoteryczna Indyi, Bramina Chaterji“. Мы привѣтствуемъ первую теософическую книгу на польскомъ языкѣ и радуемся ея появленію. Она издана очень красиво и изящно. Въ видѣ введенія дано предисловіе русскаго ея переводчика Е. П., нашего долголѣтняго сотрудника.

„Цѣль и Путь“, Е. Кузмина. I. *Законъ чистоты.* 25 к. Изд. „Вѣстника Теософіи“. Эта книжечка первая изъ серіи популярныхъ брошюръ, задуманныхъ Е. Кузминымъ для распространенія въ массѣ теософическихъ ученій. Теософическая литература чрезвычайно богата и въ настоящее время уже на русскомъ языкѣ мы имѣетъ около 30 книгъ и брошюръ, не считая двухъ сборниковъ и постояннаго органа движенія „Вѣстника Теософіи.“ Но большинство этихъ книгъ требуетъ нѣкоторой философской подготовки и многимъ недоступно. Вопросъ объ изложеніи основныхъ ученій Теософіи въ простой, ясной и общедоступной формѣ является въ настоящее время насущнымъ. Нельзя не радоваться, что онъ поставленъ на очередь Е. Кузминымъ. Первая книжечка серіи „Цѣль и Путь“ написана интересно и вполнѣ популярно. Она полна живыхъ примѣровъ, полезныхъ указаній и иллюстрацій и горячо зоветъ человѣка къ обновленію жизни, которое должно непремѣнно начаться съ очищенія. Поэтому первая книжка посвящена выясненію закона чистоты.

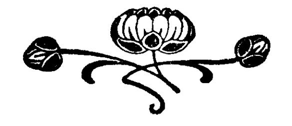
„У ногъ Учителя“, Алсіона, 20 к., изд. „Вѣстника Теософіи.“ Эту книжечку намъ не нужно рекомендовать. Это статья, которая была помѣщена въ „Вѣстникѣ Теософіи“ *) и она говоритъ сама за себя. Это одна изъ рѣдкихъ жемчужинъ въ современной духовной литературѣ.

Воззваніе къ живымъ силамъ человѣческимъ для созиданія духовной и матеріальной культуры. *А. П. Назаровъ.* Цѣна 8 коп. Эта маленькая, но содержательная брошюра написана крестьяниномъ-самоучкой,

*) Іюль—августъ.

А. П. Назаровымъ, живущимъ въ глухой деревнѣ Пошехонскаго уѣзда Ярославской губ. и не получившимъ никакого школьнаго образованія. Брошюра эта показываетъ, какъ интенсивно идетъ духовная работа въ наше время не только среди интеллигенціи, но и въ народной средѣ. Авторъ начинаетъ свою брошюру такъ: „Теперь пора собираться всѣмъ пробужденнымъ душамъ, всѣмъ, стремящимся поднять знамя высшей культуры для исцѣленія и обновленія жизни". Авторъ зоветъ такихъ людей соединяться въ общины и строить колоніи. Эти трудовыя колоніи, по его мнѣнію, будутъ религіозно-философско-научными общинами; члены ихъ будутъ развивать свои способности трудомъ умственнымъ и физическимъ, обращая особое вниманіе на разработку религіозно-философскихъ вопросовъ, т. е. „на достиженіе высшей мудрости и высшаго знанія". Они также будутъ изучать химію, медицину, разныя отрасли земледѣльческой культуры и полезныя ремесла, особенно художественныя. Авторъ рисуетъ себѣ жизнь въ будущей общинѣ въ поэтическихъ формахъ пиѳагорейской школы и выражаетъ увѣренность, что такая духовная ячейка можетъ стать „школой высшей нравственности и высшаго просвѣщенія" для непробужденной еще народной массы. Авторъ вѣритъ, что именно въ такихъ общинахъ будетъ созидаться великая культура будущаго. Книжечка написана очень горячо, увлекательно и не лишена поэтической искры. Она особенно интересна, какъ исходящая изъ подъ пера простого крестьянина.

Alba.

Редакторъ-Издательница **А. А. Каменская.**